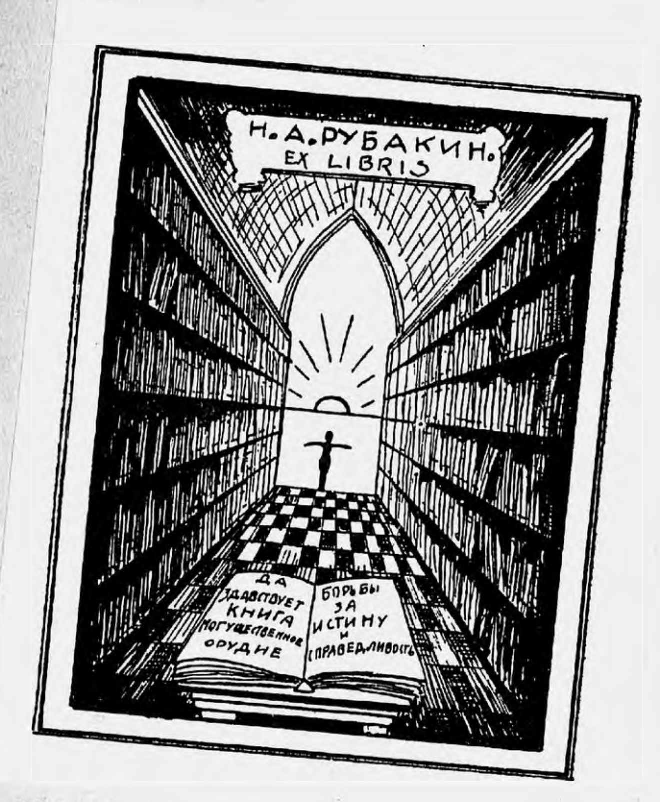
Райнеръ Марія Рильке

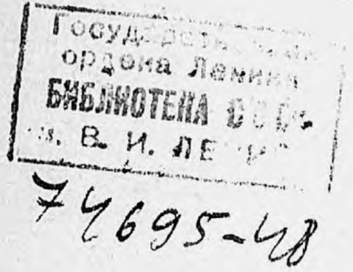
Замѣтки Мальте-Лауридсъ Бригге.

Переводъ Л. Горбуновой.

Книгоиздательство К. Ф. Некрасова.
МОСКВА, MCMXIII.

Печатано въ типографіи К. Ф. Некрасова, въ Ярославлѣ.

А теперь уже и ковры съ дамой à la единорогъ болѣе не находятся въ старинномъ замкѣ де-Буссакъ. Настало такое время, когда все исчезаетъ изъ помѣстьевъ, ничто не остается въ нихъ. И это неизбѣжнѣе самой неизбѣжности. Никто изъ рода делла-Веста въ этомъ отношеніи не сравняется съ тобою, Пьеръ д'Обюссонъ, великій гроссмейстеръ древняго рода, по чьему приказанію, вѣроятно, были вытканы эти картины-ковры, подчеркивающіе все красивое и не выставляющіе напоказъ ничего скрытаго—ни у кого изъ твоихъ потомковъ этого не было въ крови, никто теперь не помянетъ твоего имени.

И зачѣмъ это только поэтамъ вздумалось писать о женщинахъ болѣе опредѣленно, по ихъ мнѣнію, и не столь сдержанно?... Ясно, что намъ не слѣдуетъ знать о нихъ больше, чѣмъ высказано на этихъ коврахъ. А то вотъ теперь оказываешься передъ ними случайно, въ толпѣ случайныхъ посѣтителей и почти испытываешь испугъ оттого, что чувствуешь себя недостойнымъ лицезрѣть ихъ. Но есть люди, что не

проходятъ мимо нихъ, но такихъ никогда не попадается слишкомъ много. Молодые люди едва останавливаются передъ ними, развѣ только въ томъ случаѣ, если ковры имѣютъ какое-либо отношеніе къ ихъ профессіи и имъ необходимо изучить ихъ съ той или иной точки зрѣнія.

Во всякомъ случаѣ, молодыхъ дѣвушекъ иногда можно встрѣтить передъ ними. Потому что множество ихъ, покинувъ дома, гдѣ болѣе ничего уже не оставалось, расхаживаетъ по музеямъ. Глядя на ковры, онѣ задумываются—вѣдь, онѣ всѣмъ существомъ своимъ чувствуютъ, что подобная тихая жизнь съ медлительными и не слишкомъ опредѣленными движеніями дѣйствительно существовала, и смутно вспоминаютъ, что нѣкоторое время думали, будто такова же будетъ и ихъ собственная жизнь. Но онѣ быстро выходятъ изъ задумчивости, вытаскиваютъ свои тетради и начинаютъ рисовать—все равно что, цвѣтокъ ли какой-нибудь или маленькое веселое животное—дѣло не въ томъ, что онѣ будутъ срисовывать,—говорили имъ. И дѣйствительно, дѣло не въ этомъ. Вся суть въ томъ, чтобы рисовать,—ради этого онѣ и ушли въ одинъ прекрасный день изъ дому, ушли почти насильно... Онѣ изъ хорошихъ семей; но если, рисуя, имъ случится поднять кверху руки, то оказывается, что платье у нихъ позади не совсѣмъ

застегнуто: есть нѣсколько пуговицъ, до которыхъ трудно достать самой, а когда его шили, еще не было и помину о томъ, что дѣвица можетъ уѣхать изъ дому, да еще одна. Въ семьѣ же всегда кто-нибудь найдется, кто можетъ помочь застегнуть платье. Но здѣсь... Боже мой, да кто же станетъ возиться съ ними въ такомъ большомъ городѣ? Пришлось бы обращаться къ подругамъ, но тѣ оказываются въ такомъ же положеніи и пришлось бы взаимно застегивать другъ другу. Это смѣшно и напоминаетъ семью, а желательно, чтобы ее ничто не напоминало.

Никакъ не избѣжать, чтобы за рисованьемъ иногда не задать себѣ вопроса,—а не лучше ли было бы все же остаться дома? Если бы только можно было стать кроткой, по настоящему кроткой, подъ стать остальнымъ. Но попытки сообща достичь этого выходили какими-то безсмысленными... Всѣ дороги почему-то стали такими узкими. Нельзя раздѣлять съ семьею поиски божества, слѣдовательно, осталось, въ случаѣ чего, дѣлить съ нею что-либо другое. Но если честно дѣлиться, то на долю каждаго придется такъ мало, что просто стыдъ. Если же при дѣлежѣ допустить обманъ, то дойдетъ до объясненій. Нѣтъ, ужъ лучше рисовать, все равно что! Со временемъ начнетъ же появляться сходство въ рисункѣ. А искусство, даже когда оно достигается такими

малюсенькими, постепенными дозами,—все же вещь завидная.

И молодыя дѣвушки изъ-за усиленной работы надъ тѣмъ, что сами же себѣ поставили цѣлью, не успѣваютъ даже глазъ поднять и не замѣчаютъ, что рисованьемъ хотятъ убить въ себѣ непобѣдимую жизнь, изображенную передъ ними въ тканныхъ картинахъ, жизнь, сверкающую своею безконечной невыразимостью. Онѣ не вѣрятъ этому. Въ наше время, когда все мѣняется, хотятъ и онѣ измѣниться. Онѣ относятся къ себѣ почти какъ къ постороннимъ, думаютъ о себѣ тоже, что могли бы сказать о нихъ въ ихъ отсутствіи мужчины. И это считается у нихъ шагомъ впередъ. Онѣ увѣрены, что имъ необходимо найти себѣ какое-нибудь наслажденіе, потомъ другое, потомъ еще, все болѣе и болѣе сильное, и въ этомъ заключается жизнь. Безъ этого рискуешь растратить ее самымъ глупымъ образомъ. И вотъ дѣвушки начинаютъ оглядываться по сторонамъ и искать... и это женщины, сила которыхъ всегда заключалась въ томъ, чтобы ихъ искали.

Думаю, что происходитъ это вслѣдствіе усталости. Впродолженіе многихъ столѣтій онѣ однѣ дарили полную любовь, всегда однѣ исполняли весь діалогъ, произносили обѣ его части. Потому что мужчины только вторили имъ, и то плохо, и своей разсѣянностью, небрежностью и рев-

ностью—своего рода небрежностью—только затрудняли для нихъ науку любви. И несмотря на это, онѣ все же крѣпились, и день и ночь крѣпились, и по мѣрѣ того, какъ накоплялись ихъ несчастія, росла и ихъ любовь. И изъ числа ихъ, подъ гнетомъ безмѣрнаго горя, выработались возлюбленные съ необычайной силой чувства, которыя, призывая мужчину, преодолѣвали его; если же онъ не возвращался къ нимъ, то онѣ перерастали его, подобно Костра Стампа или Португалкѣ; онѣ до тѣхъ поръ не отрѣшались отъ своей любви, пока мука ихъ не претворялась въ жесткое, ледяное величіе, выносить которое уже не хватало силъ. Кое-что объ нѣкоторыхъ изъ нихъ намъ извѣстно, благодаря тому, что какимъ-то чудомъ сохранились или ихъ письма, или сборники стиховъ, то обличительныхъ, то преисполненныхъ жалобъ, или ихъ портреты въ галлереяхъ. Точно сквозь слезы смотрятъ онѣ на насъ съ этихъ портретовъ, удавшихся художнику лишь потому, что онъ не понималъ, что пишетъ. Но такихъ женщинъ было на свѣтѣ гораздо больше, нежели намъ извѣстно: многія изъ нихъ сожгли свои письма, у другихъ не хватило силъ писать ихъ; на днѣ души нѣкоторыхъ старухъ таится чудное зерно, старательно ими скрываемое; женщины безформенныя, растолстѣвшія, расплывшіяся отъ того, что силы у нихъ изсякли и онѣ опустились до внѣш-

няго сходства со своими мужьями, въ сущности въ глубинѣ души, въ тайникахъ ея, тамъ, гдѣ творитъ любовь, оставались совсѣмъ иными. Были и рожавшія, но не хотѣвшія рожать; и когда онѣ, наконецъ, умирали восьмыми родами, въ ихъ движеніяхъ все еще оставалось что-то воздушное, что бываетъ только у дѣвушекъ, радостно ожидающихъ любви. И тѣ еще, что оставались при бѣшеныхъ и пьяницахъ, потому что нашли средство душевно держаться отъ нихъ на недосягаемомъ разстояніи: попадая на люди, онѣ не умѣли скрывать этого и кротко сіяли, точно общались со святыми. Кто можетъ сказать, сколько ихъ было и какія онѣ были! Онѣ точно заранѣе уничтожили всѣ слова, которыми можно было бы описать ихъ.

Но теперь, когда все мѣняется, развѣ не время и намъ измѣниться? Развѣ мы не могли бы сдѣлать попытки хоть немного развиться и мало-по-малу, постепенно, взять на себя свою долю работы въ дѣлѣ любви? Насъ избавили отъ всѣхъ ея тягостей и для насъ она опустилась до степени развлеченій. Также иногда и къ ребенку въ ящикъ съ игрушками попадаетъ кусокъ настоящаго кружева и сначала радуетъ его, а потомъ перестаетъ тѣшить и, наконецъ, оказывается въ кучѣ обломковъ и испорченныхъ вещей; больше всего намъ вредитъ легкость наслажденій; зато, какъ всѣ диллетанты, мы пользуемся репутаціей мастеровъ. А что, если бы отнестись съ презрѣніемъ къ успѣхамъ, что если бы мы начали сначала изучать работу любви, которую всегда дѣлали за насъ? Что, если бы мы превратились въ начинающихъ теперь, когда все кругомъ мѣняется?

Теперь я припоминаю какъ мы съ maman разсматривали небольшіе концы кружевъ. Дѣло въ томъ, что она заняла для себя одинъ единственный ящикъ въ секретерѣ Ингеборгъ.

— Давай посмотримъ ихъ, Мальте,—говорила она иногда и радовалась, точно ей предстояло получить въ даръ все находящееся въ маленькомъ желтомъ лакированномъ ящикѣ. Отъ нетерпѣнія она не могла какъ слѣдуетъ развернуть папиросной бумаги. Всякій разъ дѣлать это приходилось мнѣ. Но и я каждый разъ волновался, когда кружева появлялись на свѣтъ Божій. Онѣ были намотаны на деревянный валикъ, совершенно не видный изъ-за множества кружевъ. Мы осторожненько начинали разматывать ихъ и, по мѣрѣ того, какъ онѣ разматывались, разсматривали ихъ узоры; когда же кусокъ приходилъ къ концу, слегка пугались. Кончались-то онѣ какъ-то неожиданно.

Сверху оказывались прошвы итальянской работы, жесткія, съ выдернутой ниткой; узоръ ихъ все

время повторялся, точь въ точь какъ цвѣты въ крестьянскомъ саду. Потомъ, вдругъ, наши взоры нѣкоторое время наталкивались на рѣшетку венеціанскихъ, шитыхъ иглами, кружевъ, точно мы очутились въ монастырѣ или тюрьмѣ. Но вслѣдъ затѣмъ снова открывался свободный горизонтъ и вдали показывались сады, становившiеся все замысловатѣе, пока, наконецъ, глаза не упирались въ такую чащу, что начинало казаться будто паритъ вокругъ, словно въ оранжереѣ: роскошныя, невѣдомыя намъ растенія раскидывали громадные листья и цѣплялись усиками и завитушками другъ за друга, точно ощущая головокруженіе; и все вокругъ казалось запыленнымъ цвѣточной пыльцой громадныхъ, распустившихся цвѣтовъ points d'Alençon. Вдругъ, когда мы уже чувствовали утомленіе и въ головѣ у насъ все перепутывалось, мы оказывались на длинномъ пути Valenciennes и передъ нами разстилалась зима, и раннее утро, и иней. И мы продирались сквозь запушенные снѣгомъ кусты ивняка и оказывались въ такихъ мѣстахъ, гдѣ до насъ еще никто не ступалъ, гдѣ вѣтви какъ-то странно свѣшивались внизъ, такъ что подъ ними могла скрываться и могила; но послѣднее мы утаивали другъ отъ друга. Стужа все сильнѣе охватывала насъ и, наконецъ, когда очередь доходила до узенькихъ, страшно тонкихъ кружевъ, плетеныхъ на коклюш-

кахъ, maman говорила: «О, теперь у насъ на рѣсницахъ выростутъ ледяные цвѣты»,—и такъ и случилось, потому что на душѣ у насъ бывало очень тепло.

Когда нужно было наматывать кружева обратно на валекъ, оба мы вздыхали, работа предстояла продолжительная, но поручить ее кому-нибудь мы не могли.

— Подумай только, что если бы намъ самимъ пришлось дѣлать ихъ,—говорила maman и на лицѣ ея выражался почти испугъ. Но ничего подобнаго я и представить себѣ не могъ. Я ловилъ себя на мысли, будто ихъ безъ отдыха ткали какія-то маленькія животныя и за это ихъ оставляли въ покоѣ. Нѣтъ, конечно, ихъ работали женщины.

— Навѣрное тѣ, что дѣлали ихъ, попали въ царствіе небесное,—замѣтилъ я, любуясь ими, и вспомнилъ при этомъ, что уже давно не упоминалъ о небѣ. Maman же вздохнула съ облегченіемъ—кружева были собраны.

Спустя немного, когда я уже позабылъ о сказанномъ, она медленно произнесла:—«Въ царствіе небесное? А мнѣ кажется онѣ, работая, находились уже въ немъ. Умѣть все такъ воспринимать, значитъ находиться въ вѣчномъ блаженствѣ. Вѣдь, намъ такъ мало о немъ вѣдомо».

Часто, когда у насъ бывали гости, заходилъ разговоръ о томъ, что Шулины очень стѣсняются въ средствахъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ у нихъ сгорѣлъ большой старый замокъ и имъ пришлось поселиться въ двухъ узкихъ боковыхъ флигеляхъ и очень тѣсниться. Но принимать гостей—было у нихъ въ крови; отъ этого они не могли отказаться. Если къ намъ пріѣзжалъ кто-нибудь неожиданно, то это значило, что онъ является отъ Шулиныхъ; и если кто-нибудь изъ нашихъ гостей вдругъ взглядывалъ на часы и съ испугомъ торопился распрощаться, то, навѣрное, его ждали въ Листагерѣ.

Maman, въ сущности, уже болѣе никуда не ѣздила, но Шулины не принимали этого извиненія и потому, дѣлать нечего, нужно было какъ-нибудь навѣстить ихъ. Случилось это въ декабрѣ, послѣ того, какъ нѣсколько разъ уже сходилъ ранній снѣгъ. Къ тремъ было приказано подать сани и рѣшено взять и меня съ собою. Между тѣмъ, у насъ никогда не выѣзжали въ назначенное время. Maman, не любившая чтобы ей докладывали о томъ, что лошади поданы, большею частью спускалась внизъ слишкомъ рано и, не заставъ никого въ передней, вспоминала о чемъ-нибудь, что уже давно слѣдовало сдѣлать, и принималась искать или прибирать, такъ что потомъ ее съ трудомъ можно было оторвать отъ этого занятія. Кончалось тѣмъ, что всѣ собирались и сообща ждали. Когда же, наконецъ, она, закутанная, уже сидѣла въ экипажѣ, оказывалось, что что-то забыто и приходилось звать Сиверсенъ, такъ какъ только Сиверсенъ знала, гдѣ что находится. Но потомъ мы трогались раньше, чѣмъ Сиверсенъ успѣвала возвратиться.

Въ этотъ день вообще было не очень-то свѣтло. Деревья стояли, словно не находя дороги среди тумана, и то, что мы въѣзжали въ ихъ середину, казалось какимъ-то насиліемъ. Между тѣмъ, снова медленно посыпался снѣгъ и сталъ застилать послѣдніе штрихи на землѣ, такъ что казалось, будто мы ѣдемъ по чистому бѣлому листу бумаги. И не было ничего, кромѣ звона колокольчиковъ и нельзя было различить откуда онъ несется. Насталъ моментъ, когда онъ какъ бы затихъ, точно послѣдній бубенецъ весь израсходовался; но потомъ звуки снова накапливались, собирались воедино и снова разсыпались по мелочамъ изъ своей полноты. Но вдругъ, гдѣ-то высоко, почти надъ нами, сталъ выступать контуръ парка и мы очутились въ длинной аллеѣ. Звуки колокольчиковъ болѣе не прерывались; казалось, будто они гроздьями свѣшивались съ деревьевъ справа и слѣва. Тутъ мы завернули, что-то объѣхали, потомъ проѣхали мимо чего-то съ правой стороны и вдругъ остановились посрединѣ.

Георгъ забылъ, что главный домъ уже сгорѣлъ, да и въ ту минуту онъ дѣйствительно еще существовалъ для всѣхъ насъ. Мы стали подниматься по парадной лѣстницѣ, ведшей на старую террассу, и насъ удивляло лишь одно—отчего такъ темно. Вдругъ слѣва, внизу, позади насъ распахнулась какая-то дверь и кто-то крикнулъ: «Сюда»,—поднялъ мигающую свѣчу и сталъ помахивать ею. Отецъ разсмѣялся: «Мы лазаемъ здѣсь точно какіе-то духи»,—и помогъ намъ спуститься.

— Но, вѣдь, я только что видѣла здѣсь домъ,—сказала maman и никакъ не могла освоиться съ присутствіемъ Вѣры Шулинъ, съ радостнымъ смѣхомъ выбѣжавшей наружу. Понятно, пришлось поскорѣе войти и нечего было уже и думать о домѣ. Въ узенькой передней раздѣлись и, вслѣдъ за тѣмъ, мы сразу очутились въ комнатѣ среди зажженныхъ лампъ и тепла.

Это поколѣніе Шулиныхъ отличалось сильными и самостоятельными женщинами. Не знаю, были ли у нихъ сыновья—я помню всего трехъ сестеръ: старшую, замужемъ за какимъ-то маркизомъ въ Неаполѣ, съ которымъ она разводилась; разводъ шелъ очень медленно и она вела съ нимъ процессъ за процессомъ. Затѣмъ шла Зоя, о которой говорили, что не было ничего на свѣтѣ, чего бы она не знала. И потомъ шла Вѣра, дѣвушка чрезвычайно отзывчивая; Богъ знаетъ, что

съ нею сталось. Сама графиня, урожденная Нарышкина, была какъ бы четвертой и, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, даже младшей сестрой ихъ—она ничего не знала и дочерямъ безпрестанно приходилось поучать ее. Милѣйшій графъ Шулинъ чувствовалъ себя такъ, какъ если бы былъ повѣнчанъ со всѣми этими женщинами: расхаживалъ среди нихъ и цѣловалъ каждую какъ и когда приходилось.

Теперь онъ, громко смѣясь, неторопливо здоровался съ нами. Я переходилъ отъ одной женщины къ другой и всѣ онѣ разсматривали меня и разспрашивали. Но я твердо рѣшилъ про себя, что какъ только все это кончится, я улучу минуту, проскользну наружу и посмотрю—куда же дѣлся домъ? Я былъ убѣжденъ, что сегодня онъ на мѣстѣ. Выбраться наружу оказалось вовсе не трудно; между всѣми этими платьями можно было, какъ собакѣ, пробраться по полу, дверь же въ переднюю оказалась лишь слегка прислоненной... Но дальше, наружная, не поддавалась. На ней было нѣсколько приспособленій, цѣпей, засововъ, и второпяхъ я неправильно орудовалъ ими. Вдругъ она все-таки поддалась моимъ усиліямъ, но съ такимъ шумомъ, что я не успѣлъ еще очутиться на дворѣ, какъ меня схватили и втащили обратно.

— Стой, здѣсь нельзя удирать,—со смѣхомъ

воскликнула Вѣра Шулинъ. Она нагнулась ко мнѣ, а я рѣшилъ ни въ какомъ случаѣ ничего не открывать такой горячей особѣ. Но изъ моего молчанія она просто на просто заключила, что меня выгнала за дверь извѣстная физическая потребность и, взявъ меня за руку, уже направилась куда-то и хотѣла, полу-покровительственно, полу-дружески, втолкнуть въ какія-то двери. Такое черезчуръ интимное недоразумѣніе оскорбило меня выше всякой мѣры: я вырвалъ у нея руку и со злостью взглянулъ на нее.—«Я хотѣлъ посмотрѣть на домъ»,—гордо заявилъ я. Она не поняла.

— Большой домъ, къ которому ведетъ лѣстница.

— У, какой же ты баранъ,—произнесла она, стараясь меня схватить,—да, вѣдь, тамъ нѣтъ никакого дома.—Я продолжалъ настаивать.

— Ну, мы какъ-нибудь днемъ отправимся его смотрѣть,—примирительно заявила она.—Теперь же лазать нельзя—попадешь въ ямы, а за ними сейчасъ же папины пруды съ садками въ прорубяхъ. Ты свалишься въ нихъ и превратишься въ рыбу.

Съ этими словами она втолкнула меня обратно въ освѣщенныя комнаты. Всѣ сидѣли и мирно разговаривали: я по очереди окинулъ присутствующихъ презрительнымъ взглядомъ. «Навѣрное, эти

ходятъ туда только тогда, когда дома не бываютъ,—думалъ я,—а если бы здѣсь жили мы съ maman, онъ всегда оставался бы на мѣстѣ». Въ то время какъ всѣ разговаривали, maman казалась разсѣянной,—навѣрное, она тоже думала о домѣ.

Зоя подсѣла ко мнѣ и стала задавать вопросы. У нея было лицо, на которомъ все было въ полномъ порядкѣ и время отъ времени возобновлялось выраженіе пониманія, точно она постоянно постигала что-нибудь. Мой отецъ, склонившись вправо, слушалъ, что говоритъ маркиза, чему-то смѣявшаяся. Графъ Шулинъ стоялъ между maman и своей женой и что-то разсказывалъ. Но вдругъ графиня прервала его, какъ я замѣтилъ, среди фразы.

«Нѣтъ, дитя, это тебѣ только кажется»,—добродушно замѣтилъ графъ, но на лицо его все же легло выраженіе тревоги и онъ наклонился надъ обѣими дамами. Но графиню нельзя было разувѣрить въ ея «фантазіи», какъ говорили. Она вся какъ бы превратилась въ напряженное ожиданіе и походила на человѣка, не желающаго чтобы ему мѣшали; своими мягкими, покрытыми кольцами руками, она дѣлала какія-то короткія движенія, какъ бы желая заставить насъ къ чему-то прислушаться; кто-то произнесъ: «ш-ш!»—и вдругъ наступила полная тишина.

Черезчуръ громоздкая мебель, вынесенная изъ большого дома, точно тѣснила людей и надвигалась на нихъ. Тяжелое фамильное серебро блестѣло и выпукло выступало какъ бы изъ-за увеличительныхъ стеколъ. Отецъ удивленно оглянулся.

— Maman слышитъ запахъ,—произнесла Вѣра Шулинъ позади него,—и въ этихъ случаяхъ всѣ мы должны держаться совсѣмъ смирно—она обоняетъ ушами,—но, произнося это, сама она стояла съ высоко поднятыми бровями—вся вниманіе и обоняніе.

Въ этомъ отношеніи Шулины со времени пожара стали какими-то странными. Въ тѣсныхъ, черезчуръ жарко натопленныхъ комнатахъ, поминутно распространялся какой-нибудь запахъ и всякій разъ относительно него производилось цѣлое дознаніе и каждый высказывалъ свое мнѣніе. Зоя дѣловито и добросовѣстно принялась возиться у печки; графъ расхаживалъ взадъ и впередъ, останавливаясь въ каждомъ углу и нюхалъ воздухъ. «Нѣтъ, не здѣсь!»—говорилъ онъ. Графиня тоже встала, но не знала гдѣ ей искать... Отецъ медленно обернулся, точно запахъ распространялся откуда-то позади него. Маркиза, въ первый же моментъ рѣшившая, что запахъ обязательно долженъ быть сквернымъ, прижимала платокъ къ носу и переводила взглядъ съ одного

на другого, чтобы увидать не изчезъ ли онъ. «Тутъ, тутъ!»—временами восклицала Вѣра, точно поймавъ его. И послѣ каждаго слова наступала какая-то странная тишина. Что до меня, то и я, вмѣстѣ со всѣми, старательно нюхалъ воздухъ. Но вдругъ (была ли тому причиной жара или изобиліе яркаго свѣта), но на меня впервые въ жизни напало что-то вродѣ страха привидѣній. Мнѣ стало яснымъ, что всѣ взрослые, только что трезво разговаривавшіе и смѣявшіеся, теперь съежились и расхаживаютъ взадъ и впередъ, занятые чѣмъ-то невидимымъ; слѣдовательно, они допускали существованіе чего-то невидимаго; и ужаснѣе всего было то, что оно, это невидимое, оказывалось сильнѣе ихъ всѣхъ.

Страхъ мой возросъ. У меня явилось чувство, что то, чего они искали, можетъ внезапно, подобно сыпи, выступить изъ меня наружу и они увидятъ его и станутъ указывать на меня. Въ отчаяніи я взглянулъ на maman: она сидѣла какъ-то до странности прямо и мнѣ показалось, что ждетъ меня. Едва я очутился около нея и почувствовалъ ея внутреннюю дрожь, какъ уже догадался, что домъ какъ разъ теперь исчезаетъ.

— Мальте трусишка!—откуда-то раздался смѣхъ; это былъ голосъ Вѣры. Но мы съ maman не выпустили рукъ другъ друга и вмѣстѣ переживали совершающееся; такъ мы просидѣли, взявшись

за руки, maman и я, пока домъ не исчезъ окончательно.

Но болѣе всего обогащали меня, почти неуловимыми на взглядъ, опытами, все же дни рожденій. Вѣдь, мнѣ и тогда было извѣстно, что жизнь забавляется тѣмъ, что не дѣлаетъ никакихъ различій въ дняхъ; и, однако, въ этотъ день я просыпался съ сознаніемъ своего права на радость, права неоспоримаго. Вѣроятно, сознаніе этого права возникаетъ въ человѣкѣ очень рано; въ то время, когда еще тянешься за всѣмъ и все получаешь, и когда невѣдующая ошибокъ сила воображенія возводитъ то, что держишь въ данную минуту въ рукахъ, на степень коренного, интенсивнаго желанія, всецѣло овладѣвающаго тобою въ ту минуту. А вслѣдъ за такими наступаютъ тѣ странные дни рожденій, когда, совершенно утвердившись въ сознаніи своего права на радость, вдругъ замѣчаешь, что другіе не такъ-то въ немъ увѣрены. Все еще хочется, чтобы тебя, какъ и раньше, наряжали и ты получалъ все остальное, полагающееся въ этотъ день. Но едва раскрываешь глаза, какъ до тебя доносится чей-то крикъ, что тортъ еще не принесенъ; или слышишь какъ въ сосѣдней комнатѣ, когда тамъ убираютъ столъ съ подарками, вдругъ что-то разбивается;

или кто-нибудь войдетъ къ тебѣ и не затворитъ за собою дверь и ты все видишь раньше, чѣмъ слѣдуетъ. Въ эти мгновенія переживаешь нѣчто похожее на операцію—короткій, безумно-болѣзненный надрѣзъ, сдѣланный опытной и твердой рукой; боль немедленно прекращается, а какъ только она позади, уже перестаешь думать о себѣ: нужно спасти день рожденія, наблюдать за другими, потакать ихъ слабостямъ, укрѣплять въ ошибочномъ мнѣніи, что они все прекрасно устроили,—а это нелегко. Оказывается, что взрослые всѣ одержимы неслыханной неловкостью, почти глупостью: они способны даже войти къ тебѣ съ какимъ-нибудь сверткомъ, предназначающимся для другого; бросишься къ нимъ навстрѣчу, а потомъ и дѣлай видъ, что просто, безо всякой опредѣленной цѣли, ради движенія, бѣгалъ по комнатѣ; или, желая продлить сюрпризъ, они неумѣло разыгрывая нетерпѣніе, вынимаютъ изъ коробки съ игрушками все до дна, гдѣ только и есть что древесныя стружки. Въ этихъ случаяхъ приходится ихъ же выручать изъ неловкаго положенія. Или еще подарятъ какую-нибудь механическую заводную вещь и при первомъ же заводѣ свертываютъ механизмъ. Поэтому недурно заранѣе научиться потихоньку подталкивать ногою испорченную мышь или что-либо подобное: такимъ способомъ часто удается ихъ обмануть и придти на помощь ихъ конфузу.

Въ концѣ концовъ все это можно было продѣлывать какъ то требовалось, не обладая даже какими-либо особенными способностями. Въ сущности, талантъ требовался только въ случаяхъ, когда кому-нибудь приходило въ голову доставить тебѣ особенную «радость» и онъ важно и добродушно преподносилъ свой подарокъ; въ этихъ случаяхъ, я уже издали убѣждался, что подарокъ можетъ доставить радость кому угодно, но не мнѣ, что эта радость «чужда» мнѣ; я даже и придумать не могъ, кому бы она подошла, до того казалась она мнѣ ненужной.

Разсказывать, по настоящему разсказывать, въ мои времена уже не умѣли. Я никогда не слыхалъ, чтобы кто-нибудь что-нибудь разсказывалъ. Когда Абелона говорила о юности maman, выяснилось, что она не умѣетъ разсказывать. Передавали, будто старый графъ Браге еще обладалъ этой способностью. Я хочу записать, что она сообщила мнѣ о немъ.

Когда Абелона была еще совсѣмъ молоденькой дѣвушкой, цѣлая полоса ея жизни отличалась какой-то особенной, совсѣмъ необычайной подвижностью. Въ тѣ времена Браге жили въ городѣ и довольно открыто. Возвращаясь поздно вечеромъ въ свою комнату наверху, ей казалось,

что она также утомлена, какъ и всѣ остальные. Но вдругъ она начинала «чувствовать» окно, и если только я вѣрно понялъ ее, то она подходила и цѣлыми часами простаивала передъ нимъ, глядя въ темноту и думая:—и все это имѣетъ и ко мнѣ отношеніе! «Стояла я и смотрѣла на ночь, точно заключенная въ тюрьму»,—говорила она,—«а звѣзды казались тогда самой свободой». Въ то время она умѣла какъ-то засыпать, не ощущая тяжести. Выраженіе впадать въ сонъ не подходило къ этому году ея жизни. Сонъ для нея являлся чѣмъ-то такимъ, что уносило ее въ высь... временами она открывала глаза и видѣла себя на новой плоскости, болѣе высокой, но далеко не послѣдней. И послѣ такой ночи она поднималась до зари, даже и зимой, когда другіе появлялись лишь ко второму завтраку, и то еще заспанные. Вечеромъ, когда темнѣло, зажигались свѣчи для всѣхъ, общія свѣчи; но тѣ двѣ свѣчи, что горѣли рано утромъ, разгоняя молодую темноту, отъ которой все снова начиналось,—эти свѣчи зажигались исключительно для нея одной. Заправлялись онѣ въ низенькіе канделябры и спокойно свѣтили сквозь маленькіе, овальные, разрисованные розочками, тюлевые абажуры, которые время отъ времени приходилось спускать ниже. Дѣлать это было не трудно, потому что, во-первыхъ, спѣшить было не къ чему, а потомъ,

вѣдь, случалось же во время писанья письма или дневника вдругъ поднимать голову и обдумывать что-нибудь... а дневникъ когда-то былъ начатъ совсѣмъ, совсѣмъ инымъ почеркомъ—боязливымъ и красивымъ.

Графъ Браге жилъ въ сторонѣ отъ своихъ дочерей. Если при немъ утверждали, что кто-нибудь дѣлитъ жизнь съ другимъ, онъ считалъ это выдумкой. «Да—дѣлитъ!»—замѣчалъ онъ. Но ему не было непріятно, если другіе разсказывали ему о его дочеряхъ; онъ слушалъ внимательно, точно тѣ жили въ другомъ городѣ.

Поэтому было чѣмъ-то совсѣмъ необычайнымъ, что однажды, послѣ завтрака, онъ сдѣлалъ знакъ Абелонѣ подойти: «Повидимому, у насъ съ тобою одинаковыя привычки—я тоже рано по утрамъ занимаюсь писаньемъ. Ты можешь помогать мнѣ». У Абелоны навсегда осталось чувство, будто это случилось лишь наканунѣ.

На слѣдующее же утро ее позвали въ кабинетъ отца, который считался недоступнымъ ни для кого. У нея не было времени разсмотрѣть его, такъ какъ ее тотчасъ же усадили напротивъ графа къ письменному столу, показавшемуся ей обширной равниной, по которой разбросанныя по ней книги и кучи бумагъ изображали заселенныя мѣстечки.

Графъ принялся диктовать. Тѣ, что утверждали

будто графъ Браге пишетъ свои мемуары, были не вовсе не правы. Только въ нихъ шла рѣчь не о политическихъ или военныхъ событіяхъ, какъ ждали. «Я перезабылъ ихъ»,—коротко обрѣзалъ старикъ, когда ему намекали на это. Но чего онъ не желалъ забывать, такъ это своего дѣтства. Имъ онъ дорожилъ. И по его мнѣнію было совершенно понятно, что то, очень отдаленное время, теперь ожило въ его памяти и когда онъ обращалъ взоръ свой къ себѣ во внутрь, оно разстилалось передъ нимъ, словно въ свѣтлую, сѣверную, лѣтнюю ночь, когда не бываетъ сна и все рѣзко очерчено.

Иногда онъ вскакивалъ съ мѣста и съ такимъ жаромъ начиналъ говорить, что пламя свѣчей колебалось; а то примется порывисто ходить взадъ и впередъ, причемъ полы его халата, цвѣта нильской воды, развѣвались на ходу. При этомъ всегда присутствовало еще одно лицо—Стенъ, старый камердинеръ графа, ютландецъ, обязанности котораго заключались въ томъ, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣдушка вскакивалъ съ мѣста, быстрымъ движеніемъ рукъ придержать отдѣльные листки съ замѣтками, разбросанные по столу. У его милости было убѣжденіе, что современная бумага никуда негодна, слишкомъ легковѣсна и потому, при первомъ удобномъ случаѣ, разлетается во всѣ стороны. И

Стенъ, походившій на ослѣпленную свѣтомъ ночную птицу, у которой только и замѣтна верхняя, длинная половина туловища, раздѣлялъ подозрѣнія своего господина и серьезно и напряженно слѣдилъ за своими руками.

Этотъ Стенъ употреблялъ послѣобѣденные воскресные часы на чтеніе Сведеаборга и никто изъ прислуги не согласился бы войти въ его комнату, потому что про него говорили, что онъ «цитируетъ». Весь родъ Стена споконъ вѣку, по слухамъ, возился съ духами, а самъ онъ выказывалъ особенное расположеніе къ подобнаго рода сношеніямъ. Его матери что-то являлось въ ту ночь, когда она его родила. Глаза у него были большіе, круглые и когда онъ смотрѣлъ на человѣка, казалось, будто конецъ его взгляда проходитъ насквозь и выходитъ по ту сторону его. Отецъ Абелоны часто разспрашивалъ его о духахъ такимъ тономъ, какимъ у другихъ справляются о здоровьѣ домашнихъ. «Что, Стенъ, являются?»—съ благоволеніемъ вопрошалъ онъ,—«хорошо, если они являются».

Нѣсколько дней диктовка шла своимъ порядкомъ, но потомъ Абелона не сумѣла написать «Екернферде». Это было имя собственное, а она его никогда раньше не слыхала. Графъ, въ сущности уже искавшій предлога для прекращенія ея работы, казавшейся ему слишкомъ медленной для своихъ воспоминаній, разсердился.

«Если она не можетъ писать»,—рѣзко произнесъ онъ,—«то другіе не будутъ въ состояніи читать. Да и вообще, развѣ они увидятъ то, что я разсказываю?»—сердито продолжалъ онъ, не спуская съ Абелоны глазъ.—«Развѣ они увидятъ его, этого—saint Germain?»—кричалъ онъ на нее.—«Но развѣ мы сказали—saint Germain? Вычеркни. Пиши: маркизъ Бельмаръ».

Абелона вычеркивала и писала. Но графъ такъ быстро продолжалъ говорить, что поспѣвать за нимъ было невозможно.

«Онъ терпѣть не могъ дѣтей, этотъ милѣйшій Бельмаръ, но меня онъ сажалъ къ себѣ на колѣни, несмотря на то, что я былъ очень маленькимъ. И вотъ, однажды, мнѣ пришла фантазія ухватиться зубами за его брилліантовыя пуговицы. Ему это понравилось. Онъ засмѣялся, приподнялъ мнѣ голову и мы встрѣтились глазами: «У тебя превосходные зубы»,—сказалъ онъ,—«зубы, которые не прочь предпринять что-либо». Въ это время я и запомнилъ его глаза. Позднѣе я объѣздилъ множество странъ, видѣлъ всякіе глаза, можешь мнѣ повѣрить; но такихъ—не встрѣчалъ. Внѣ этихъ глазъ могло ничего не существовать, все было въ нихъ самихъ. Ты слышала о Венеціи? Хорошо. Такъ вотъ, говорю тебѣ, эти глаза были въ состояніи вотъ въ этой самой комнатѣ узрѣть Венецію, она очутилась бы здѣсь, вотъ также, какъ

здѣсь стоитъ этотъ столъ. Однажды я сидѣлъ въ углу и слушалъ, какъ онъ разсказывалъ отцу о Персіи; даже и теперь иногда мнѣ кажется, что руки мои пахнутъ ею. Отецъ высоко цѣнилъ его, а его высочество, ландграфъ, были какъ бы его ученикомъ. Но, конечно, не мало людей ставили ему въ вину то, что онъ вѣрилъ въ прошедшее лишь тогда, когда оно какъ бы внѣдрялось въ него самого. Они не могли понять, что вся эта рухлядь только и имѣетъ цѣну, когда родишься съ нею».

«Книги—это пустое мѣсто»,—кричалъ графъ съ бѣшенствомъ, указывая на голыя стѣны,—«надо умѣть читать въ крови, вотъ въ чемъ дѣло. У этого же Бельмара въ крови были удивительнѣйшія исторіи и престранные образы; можно было развернуть его, такъ сказать, на любой страницѣ и всегда натолкнуться на какое-нибудь описаніе. Ни одной страницы его крови нельзя было перевернуть, не прочитавъ. И когда временами онъ запирался и перелистывалъ ихъ для себя, то добирался до дѣланія золота и драгоцѣнныхъ камней и красокъ. Да и почему бы этому не быть написаннымъ въ его крови? Вѣдь, гдѣ-нибудь да было же оно написано?

Живи этотъ человѣкъ одинъ, онъ могъ бы прекрасно прожить по правдѣ. Но прожить съ такою госпожею наединѣ, дѣло не легкое; а для того,

чтобы приглашать людей въ гости къ своей правдѣ,—онъ былъ слишкомъ тактиченъ и не желалъ чтобы о ней судачили злые языки: въ этомъ отношеніи онъ былъ восточнымъ человѣкомъ. «Adieu, madame»,—вѣроятно сказалъ онъ ей,—«до другого раза. Можетъ быть, лѣтъ черезъ тысячу я буду нѣсколько сильнѣе, да и помѣхъ будетъ меньше. Вѣдь, ваша красота находится въ періодѣ расцвѣта, madame!». И эти слова не были простой вѣжливостью съ его стороны. Покинувъ ее, онъ устроилъ людямъ своего рода звѣринецъ, что-то вродѣ Jardin d'Aclimatation для лжи высшаго стиля, какой у насъ дотолѣ и не знавали; что-то вродѣ теплицы для взращиванія преувеличеній, и другую, поменьше, холеную Figerie для фабрикованія тайнъ. И вотъ люди начали стекаться къ нему со всѣхъ сторонъ, а онъ расхаживалъ среди нихъ съ бриллiантовыми пряжками на башмакахъ и весь отдавался своимъ гостямъ.

«Пустая жизнь!» скажешь ты? А все-таки онъ, въ сущности, по-рыцарски отнесся къ своей дамѣ и при этомъ довольно изрядно консервировалъ себя».

Старикъ уже не обращался къ Абелонѣ и забылъ объ ней. Онъ, какъ безумный, ходилъ взадъ и впередъ, бросая вызывающіе взгляды на Стена, точно тотъ долженъ былъ сейчасъ же превратиться въ того, о комъ онъ думалъ. Но Стенъ не превращался.

«Надо было видѣть его»,—продолжалъ, словно одержимый, графъ Браге.—«Было время, когда всѣ видѣли его, хотя въ нѣкоторыхъ городахъ получались письма ни къ кому собственно не адресованныя: на конвертѣ значилось лишь мѣсто назначенія и больше ничего. Но я-то видѣлъ его».

«Красавцемъ онъ не былъ»,—и графъ какъ-то странно-торопливо засмѣялся,—«даже не обладалъ наружностью, которую принято называть значительной или породистой: рядомъ съ нимъ всегда оказывался кто-нибудь еще болѣе породистый. Онъ былъ богатъ, но это казалось чѣмъ-то вродѣ его каприза, такъ что придавать значеніе его богатству было нельзя; хорошо сложенъ, но другіе держались лучше его. Понятно, я не могъ тогда судить объ его остроуміи и еще тамъ о разныхъ разностяхъ, которымъ придаютъ значеніе, но... онъ былъ самимъ собой».

Графъ содрогнулся и, стоя на мѣстѣ, сдѣлалъ движеніе, будто поставилъ что-то на полъ передъ собою. И въ этотъ моментъ вновь замѣтилъ Абелону.

«Видишь ты его?»—набросился онъ на нее и, схвативъ вдругъ серебряный канделябръ, поднесъ его къ самому лицу дѣвушки.

Абелона помнила, что въ ту минуту дѣйствительно видѣла Бельмара.

Въ слѣдующіе дни Абелону аккуратно въ извѣстный часъ звали къ отцу, но послѣ этого случая диктовка продолжалась гораздо покойнѣе. Графъ по разнымъ замѣткамъ составлялъ свои воспоминанія о Бернсторфскомъ кружкѣ, въ которомъ отецъ его игралъ извѣстную роль. Теперь Абелона такъ хорошо освоилась съ особенностями своей задачи, что всякій, при видѣ ея дѣловитаго сотрудничества и ихъ совмѣстной работы, могъ принять и то и другое за дѣйствительную близость.

Однажды, когда Абелона уже собиралась уходить, старикъ подошелъ къ ней и, спрятавъ руки за спину, точно держа въ нихъ какой-то сюрпризъ, объявилъ, смакуя каждое слово: «Завтра мы будемъ писать объ Юліи Равентловъ—это была святая».

Вѣроятно Абелона недовѣрчиво посмотрѣла на него, потому что онъ сталъ настаивать. «Да; да! Пока еще и святыя встрѣчаются»,—властно заявилъ онъ.—«Все бываетъ, комтесса Абель».—И, взявъ руки Абелоны, онъ раскрылъ ихъ на подобіе развернутой книги.

«У нея были стигматы»,—продолжалъ онъ,—«здѣсь и здѣсь»,—и графъ коротко и жестко ткнулъ холодными пальцами въ ея ладони.

Выраженіе «стигматы» было незнакомо Абелонѣ. «Потомъ я ужъ пойму его»,—подумала она; ей

очень хотѣлось побольше узнать о святой, которую знавалъ еще ея отецъ. Но ни на слѣдующее утро, ни позднѣе за нею больше не приходили... «У васъ, вѣдь, часто говорили о графинѣ Равентловъ»,—коротко заканчивала Абелона, когда я просилъ ее продолжать разсказъ. Лицо ея при этомъ всегда принимало усталое выраженіе. «Я многое перезабыла, но мѣста на ладоняхъ, до которыхъ онъ дотронулся, временами чувствую еще и до сихъ поръ»,—улыбаясь, заканчивала она и не могла устоять, чтобы почти съ любопытствомъ не взглянуть на свои пустыя руки.

Еще до смерти моего отца все измѣнилось—Ульсгаардъ перешелъ въ чужія руки. Отецъ умеръ въ городѣ, въ наемной квартирѣ, показавшейся мнѣ чужой и враждебной. Самъ я въ то время уже находился заграницей и пріѣхалъ слишкомъ поздно. Онъ лежалъ на столѣ въ комнатѣ, выходившей окнами во дворъ, и вокругъ него въ два ряда стояли свѣчи. Запахъ цвѣтовъ казался непонятнымъ, также какъ и множество голосовъ, раздававшихся одновременно. На его прекрасномъ лицѣ съ закрытыми глазами лежало выраженіе вѣжливаго припоминанія. Одѣтъ онъ былъ въ форму егермейстера, но по какой-то, неизвѣстной мнѣ, причинѣ не съ голубой, а съ бѣлой лентой

черезъ плечо. Руки не были сложены, а какъ-то скрещены наискось и казались поддѣльными и не на своемъ мѣстѣ. Мнѣ наскоро сообщили, что онъ сильно страдалъ, но это не было замѣтно: черты лица казались точно прибранными на подобіе мебели въ опустѣвшей комнатѣ для пріѣзжихъ. Мнѣ казалось, что я уже много разъ видывалъ его мертвымъ, до такой степени все это было мнѣ знакомо. Лишь обстановка была нова и непріятно нова; тѣсная комната, противъ которой виднѣлись окна, и окна людей, по всѣмъ вѣроятіямъ, совершенно чуждыхъ, была нова; ново было и то, что время отъ времени входила Сиверсенъ и ничего не дѣлала. Она сильно состарилась. Потомъ меня стали звать завтракать, докладывали нѣсколько разъ, но я въ этотъ день не имѣлъ никакого желанія кушать, а то, что меня попросту хотятъ выпроводить изъ комнаты—не понималъ. Наконецъ, когда я все не уходилъ и не уходилъ, Сиверсенъ сообщила мнѣ, что пріѣхали врачи. Я не понялъ—зачѣмъ. «Нужно еще кое-что сдѣлать»,—сказала она, съ усиліемъ глядя на меня покраснѣвшими глазами. Потомъ вошли, нѣсколько черезчуръ торопливо, два какихъ-то господина—это и оказались врачи. Первый сразу наклонилъ голову, чтобы посмотрѣть на меня поверхъ очковъ,—сначала на Сиверсенъ, потомъ на меня; вслѣдствіе этого получилось впечатлѣніе,

что у него есть рога и онъ собирается боднуть ими.

Потомъ онъ церемонно, по-студенчески, раскланялся: «Господинъ егермейстеръ высказалъ одно желаніе»—произнесъ онъ, точь-въ-точь также, какъ и вошелъ, и у меня снова появилось чувство будто онъ черезчуръ спѣшитъ. Какимъ-то образомъ мнѣ удалось заставить его взглянуть на себя сквозь очки. Его коллега былъ полнымъ, тонкокожимъ блондиномъ; я подумалъ, что онъ должно быть легко краснѣетъ. Произошла пауза. Странно, что у егермейстера и теперь еще могутъ быть желанія, мелькнуло у меня въ головѣ.

И невольно я снова заглядѣлся на красивое, безстрастное лицо покойника. И тутъ я понялъ, что онъ желалъ увѣренности и что, въ сущности, онъ всегда добивался ея.. А теперь онъ долженъ получить желаемое.

— Вы явились сдѣлать проколъ сердца—такъ прошу васъ...

Я поклонился и отступилъ въ сторону. Оба врача одновременно отвѣсили мнѣ поклоны и тотчасъ же начали совѣщаться относительно работы; кто-то уже отодвигалъ свѣчи къ сторонкѣ. Но болѣе пожилой врачъ снова сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ мою сторону. Пройдя нѣкоторое разстояніе, онъ перегнулся впередъ, вѣроятно, чтобы съэкономить лишній кусокъ пути и сердито посмотрѣлъ на меня.

«Не надо...»—началъ онъ,—«то есть, я полагаю, что можетъ быть лучше будетъ, если вы...».

Благодаря своей торопливости, онъ сталъ казаться мнѣ неряшливымъ и обтрепаннымъ—онъ все точно экономилъ время. Я снова поклонился, какъ-то само собою случилось, что я снова поклонился.

«Благодарю»,—сухо замѣтилъ я,—«я не помѣшаю».—Я зналъ, что все вынесу и у меня нѣтъ причины уклоняться отъ этого. Такъ должно было случиться. Можетъ быть, въ этомъ-то и заключался смыслъ всего. Къ тому же, я никогда не видалъ, какъ прокалываютъ грудь. Мнѣ казалось въ порядкѣ вещей не уклоняться отъ столь важнаго опыта, разъ онъ самъ напрашивается, и безо всякихъ усилій съ моей стороны. Въ сущности, я уже и тогда не вѣрилъ въ возможности разочарованій, слѣдовательно, нечего было и опасаться. Но нѣтъ, ничего на свѣтѣ нельзя себѣ впередъ представить, даже самыхъ пустяшныхъ вещей. Все составляется изъ цѣлой массы отдѣльныхъ мелочей, которыя нельзя прослѣдить. Представляя себѣ что-нибудь, скользишь по нимъ, не замѣчаешь ихъ отсутствія, потому что все происходитъ точно второпяхъ. Дѣйствительность же медлительна и преисполнена подробностей, описать которыя невозможно.

Кому, напримѣръ, пришло бы въ голову заранѣе подумать о сопротивленіи? Едва широкая и высская грудь оказалась обнаженной, какъ торопливый маленькій человѣчекъ уже нашелъ мѣсто, въ которомъ заключалась суть всего. Но приставленный къ этому мѣсту инструментъ не проникалъ во внутрь. У меня явилось чувство, что время исчезло—мы очутились словно на картинѣ. Но потомъ время съ легкимъ скользящимъ звукомъ хлынуло обратно и его оказалось больше, нежели намъ нужно было... И вдругъ гдѣ-то раздался стукъ. Я еще никогда не слыхалъ подобнаго постукиванья: теплое, глухое, двойное... Мой слухъ передалъ его дальше и въ ту же минуту я понялъ, что врачъ наткнулся на дно. Но пока оба эти впечатлѣнія слились во мнѣ воедино—прошло нѣкоторое время. Такъ, такъ, думалъ я, теперь, слѣдовательно, онъ проникъ во внутрь. Постукиванье, судя по темпу, выражало почти злорадство.

Я посмотрѣлъ на врача, котораго теперь зналъ уже столь продолжительное время. Нѣтъ, онъ вполнѣ владѣлъ собою; передо мною былъ человѣкъ, дѣловито и быстро исполняющій свое дѣло, чтобы потомъ тотчасъ же поспѣшно отправиться куда-то дальше... при этомъ въ немъ не замѣчалось даже и тѣни наслажденія или удовлетворенія. Лишь на лѣвомъ вискѣ, благодаря остатку какого-то устарѣвшаго инстинкта, под-

нялось нѣсколько волосковъ. Онъ осторожно вытянулъ инструментъ обратно и на груди отца оказалось что-то вродѣ рта, а изъ него въ два пріема выступила кровь, точно онъ произнесъ что-то двусложное. Молодой бѣлокурый врачъ быстрымъ, элегантнымъ движеніемъ собралъ ее на вату, послѣ чего рана осталась спокойно зіять, на подобіе отверзтаго ока.

Надо полагать, что я еще разъ поклонился имъ, хотя на этотъ разъ уже совсѣмъ безсознательно. По крайней мѣрѣ, я удивился, очутившись одинъ. Кто-то снова привелъ въ порядокъ форму отца и на ней по прежнему оказалась бѣлая лента. Но теперь уже егермейстеръ былъ дѣйствительно мертвъ, да и не онъ одинъ: теперь уже сердце было проколото, наше сердце, сердце нашего рода. Теперь уже все было кончено. Слѣдовательно, въ этомъ заключалось переломленіе шпаги. «Сегодня Бригге и уже болѣе никогда»—что-то произнесло во мнѣ.

О своемъ сердцѣ я и не думалъ. Когда же послѣ оно пришло мнѣ на умъ, я впервые совсѣмъ ясно постигъ, что оно не можетъ идти въ разсчетъ,—оно рождено одинокимъ и уже находилось на пути къ тому, чтобы все начать сначала.

Я знаю, что мнѣ только представлялось, будто я не могу тотчасъ же уѣхать обратно. «Сначала надо привести все въ порядокъ», повторялъ я

себѣ. А что именно надо приводить въ порядокъ—мнѣ было не ясно. Дѣлать было почти нечего и я гулялъ по городу и констатировалъ происшедшія въ немъ измѣненія. Мнѣ было пріятно уходить изъ отеля, въ которомъ я остановился, и, бродя по улицамъ, убѣждаться, что теперь нашъ городъ уже сталъ городомъ взрослыхъ и прихорашивается для тебя, словно для иностранца. Прежде онъ казался мнѣ нѣсколько маленькимъ и я прогуливался взадъ и впередъ по Лангелиніи до маяка и оттуда обратно. Когда я оказывался вблизи Амаліенгаде, то случилось, что мною вдругъ что-то овладѣло, что-то, съ чѣмъ я привыкъ считаться въ продолженіи многихъ лѣтъ и что теперь снова испытывало свою власть надо мною. Тамъ находились извѣстныя угловыя окна или ворота или фонари, которымъ многое было вѣдомо изъ моей прошлой жизни и теперь они грозили мнѣ своимъ знаніемъ. Я смотрѣлъ имъ прямо въ лицо и старался внушить, что живу въ отелѣ «Фениксъ» и каждую минуту могу снова уѣхать. Но совѣсть моя не оставалась покойной: во мнѣ поднималось подозрѣніе, что я не преодолѣлъ окончательно ни одного изъ вліяній или связей прежняго времени, а попросту, въ одинъ прекрасный день, когда они не успѣли еще вполнѣ окрѣпнуть, сбѣжалъ отъ нихъ. Слѣдовательно, до извѣстной степени мнѣ предстояло еще переживать и свое дѣтство,

если я только не предпочиталъ разъ навсегда отречься отъ него. И въ то время какъ мнѣ постепенно выяснялось, какимъ образомъ я утрачивалъ его, я понялъ, что у меня никогда ничего не будетъ, на что бы я могъ опереться помимо него.

Нѣсколько часовъ ежедневно я проводилъ въ Гвергадѣ въ Дроненгинѣ; тѣсныя комнаты казались обиженными, какъ всѣ наемныя помѣщенія, въ которыхъ кто-нибудь умеръ. Я расхаживалъ между письменнымъ столомъ и большой бѣлой печью и жегъ бумаги егермейстера. Сначала я бросалъ письма такъ, какъ онѣ хранились, цѣлыми пакетами; но оказалось, что пачки черезчуръ туго связаны, а потому лишь обугливаются по краямъ. Чтобы развязать ихъ, мнѣ пришлось сдѣлать надъ собою нѣкоторое усиліе. Большинство изъ нихъ оказалось сильно надушенными и этотъ запахъ проникалъ мнѣ во внутрь, какъ бы желая возбудить какія-то воспоминанія... Но у меня ихъ не было. Случалось, что изъ пачки выпадала фотографическая карточка, болѣе тяжелая нежели письма, и тогда она сгорала до невѣроятности медленно. Не знаю почему, но я вдругъ вообразилъ, что въ числѣ ихъ можетъ быть и портретъ Ингеборгъ. Но каждый разъ, когда я бросалъ взглядъ на которую-нибудь изъ нихъ, это оказывалась женщина величественная, безспорно

красивая, но уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ; ихъ лица заставляли меня думать совсѣмъ объ другомъ, такъ какъ оказывалось, что кое-какія воспоминанія у меня все же сохранились. Въ такихъ именно глазахъ я когда-то видѣлъ свое отраженіе, когда бывало, будучи подросткомъ, переходилъ съ отцемъ черезъ улицу. Случалось, что вдругъ изъ кареты меня окидывали взглядомъ, отъ котораго трудно было потомъ отдѣлаться. Теперь я понялъ, что въ то время онѣ сравнивали меня съ нимъ и это сравненіе оказывалось не въ мою пользу. Понятно: егермейстеру нечего было опасаться какихъ бы то ни было и съ кѣмъ бы то ни было сравненій.

Можетъ быть, теперь я догадался о томъ, о чемъ онъ не хотѣлъ, чтобы я зналъ. Я объясню, почему пришелъ къ этому заключенію. Въ потайномъ карманѣ его сюртука находилась бумага, повидимому, давнымъ давно сложенная и уже протершаяся на сгибахъ, почти что истлѣвшая. Раньше чѣмъ сжечь, я прочелъ ее. Написана она была почеркомъ, какимъ онъ писалъ въ самый блестящій періодъ своей жизни, увѣреннымъ и ровнымъ, но я сейчасъ же понялъ, что это только копія.

«За три часа до смерти»—такъ начиналась она, —рѣчь шла очевидно о Христіанѣ IV, и понятно я не могу дословно передать содержанія ея.— «За три часа до смерти онъ пожелалъ встать.

Врачъ и камердинеръ Ворміусъ помогли ему подняться на ноги. Онъ стоялъ нѣсколько нетвердо, но все же стоялъ, и они надѣли на него стеганный халатъ. Потомъ онъ внезапно опустился на край постели и что-то произнесъ. Понять его слова было невозможно.

Врачъ все время держалъ короля за лѣвую руку, чтобы онъ не повалился обратно на постель. Такъ сидѣли они и король время отъ времени съ трудомъ и невнятно произносилъ что-то непонятное. Наконецъ, врачъ принялся его уговаривать—онъ надѣялся отгадать, что желаетъ сказать его величество. Погодя немного король прервалъ его и вдругъ совершенно ясно произнесъ: «Докторъ, докторъ, какъ зовутъ его?» Врачу стоило не мало труда придумать что-нибудь.

«Воробей, всемилостивѣйшій государь».

Но не объ немъ же шла рѣчь. Какъ только король услыхалъ что его понимаютъ, онъ широко раскрылъ правый глазъ, остававшійся нетронутымъ и какъ бы всѣмъ своимъ существомъ произнесъ единственное слово, которое въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ старался выговорить его языкъ, единственно существовавшее для него: «Döden»,—сказалъ онъ,—«Döden».*)

Больше ни слова не было написано на листкѣ. Я перечелъ его нѣсколько разъ прежде чѣмъ сжечь.

---

*) Смерть, смерть.

И я вспомнилъ, что отецъ сильно страдалъ передъ кончиной. Такъ мнѣ передавали.

Съ тѣхъ поръ я много размышлялъ о боязни смерти, принимая въ разсчетъ и свой собственный опытъ. Мнѣ кажется, что я имѣю право утверждать, что не разъ переживалъ ее. Она овладѣвала мною внезапно среди люднаго города, въ толпѣ, иногда безъ всякаго видимаго повода... Правда, всевозможныя причины накапливались заранѣе, какъ было, напримѣръ, въ томъ случаѣ, когда кто-то умеръ въ саду на скамьѣ; послѣ того какъ всяческіе страхи остались уже позади этого человѣка, когда онъ преодолѣлъ ихъ, его окружила цѣлая толпа и глазѣла на него—и вотъ ужасъ, что онъ испытывалъ раньше, перешелъ на меня. Или какъ въ Неаполѣ, въ электричкѣ, на скамьѣ противъ меня, умерла какая-то молодая особа. Сначала думали, что она только лишилась сознанія и нѣкоторое время мы продолжали ѣхать; но потомъ исчезло всякое сомнѣніе, что намъ слѣдуетъ остановиться. А позади насъ останавливались другіе вагоны и ихъ накапливалось все больше и больше, и казалось будто мы никогда больше не двинемся впередъ. Блѣдная, полная дѣвушка могла бы, прислонившись къ плечу своей сосѣдки, умереть совсѣмъ спокойно, но мать ея не хотѣла примириться съ этой мыслью и ставила ей всевозможныя преграды: сначала

привела въ безпорядокъ ея костюмъ, что-то лила въ ротъ, когда уже въ немъ ничего не удерживалось; растирала на лбу какую-то жидкость, кѣмъ-то принесенную, а когда при этомъ глаза дѣвушки нѣсколько закатились, принялась трясти ее, чтобы снова направить впередъ ея взоры. Она кричала ей въ незрячіе глаза, теребила и трясла точно куклу, наконецъ, замахнулась и изо всѣхъ силъ ударила по толстому лицу, только бы она не смѣла умирать. Вотъ тогда-то я почувствовалъ страхъ. Но и раньше мнѣ случалось бояться. Напримѣръ, когда умерла моя собака; та самая, что осудила меня навсегда. Она сильно хворала. Я цѣлый день простоялъ около нея на колѣняхъ, какъ вдругъ неожиданно она отрывисто и коротко залаяла, какъ обыкновенно лаяла если въ комнату входилъ посторонній. Между нами было вродѣ соглашенія,—лаять именно такъ въ подобныхъ случаяхъ,—почему я и обернулся къ дверямъ. Но *она* уже очутилась въ собакѣ. Взволнованный я старался заглянуть въ глаза животнаго, а оно въ свою очередь искало моего взгляда, но не съ тѣмъ, чтобы проститься со мною. Собака взглянула на меня жестко и чуждо, какъ бы упрекая за то, что я впустилъ ее. Она вѣрила въ то, что я могъ воспрепятствовать этому. А теперь оказывалось, что она все время переоцѣнивала меня. А времени, чтобы все разъяснить,

ей не оставалось. Чуждая и одинокая она не сводила съ меня глазъ, пока не скончалась.

И еще на меня нападалъ страхъ, когда осенью, послѣ первыхъ заморозковъ, въ комнату слетались мухи и вновь отходили отъ тепла. Онѣ казались до странности высохшими и пугались собственнаго жужжанія; было ясно, что онѣ сами не сознаютъ, что дѣлаютъ. По цѣлымъ часамъ сидѣли онѣ неподвижно, пока имъ не приходило въ голову, что, вѣдь, онѣ еще живы; тогда онѣ, словно угорѣлыя, летѣли куда-то, а прилетѣвъ, не знали что имъ дѣлать и слышно было какъ онѣ падаютъ гдѣ-то, а потомъ еще гдѣ-то, и еще, все на новыхъ мѣстахъ. Затѣмъ онѣ начинали ползать повсюду, медленно наполняя комнату смертью.

Но иногда я, даже оставаясь одинъ, начиналъ бояться. Зачѣмъ мнѣ скрывать, что я переживалъ ночи, когда объятый смертельнымъ ужасомъ, не ложился совсѣмъ, утѣшаясь мыслью, что то, что я сижу, доказываетъ, что я еще живъ, такъ какъ мертвые не сидятъ. Приключалось это всякій разъ, когда я селился въ какой-нибудь случайной комнатѣ—такія помѣщенія бросали меня на произволъ судьбы всякій разъ, когда мнѣ бывало плохо, точно боясь, что изъ-за меня ихъ потянуть къ допросу и запутаютъ въ какія-то подозрительныя дѣла. И я сидѣлъ, и, вѣроятно, видъ у меня

былъ такой ужасный, что никто не имѣлъ мужества вступиться за меня. Даже свѣча, которой я только что оказалъ услугу, засвѣтивъ ее, и та не хотѣла меня знать: горѣла себѣ точно въ пустой комнатѣ. Въ этихъ случаяхъ моей послѣдней надеждой бывало окно. Я воображалъ, что тамъ снаружи еще можетъ быть и есть что-нибудь, что имѣетъ какое-нибудь отношеніе ко мнѣ даже и теперь, несмотря на внезапно наступившую красоту умиранія. Но едва я кидалъ взглядъ на него, какъ у меня являлось желаніе, чтобы окно было замуровано, наглухо замуровано, точно стѣна. Потому что я видѣлъ, что за нимъ все было одинаково безучастно и что снаружи не было ничего кромѣ моего одиночества, одиночества, на которое я самъ обрекъ себя и безмѣрности котораго уже не могло вмѣстить мое сердце. Мнѣ вспоминались люди, отъ которыхъ я когда-то ушелъ, и я не понималъ какъ это можно покидать людей.

Богъ мой, Богъ мой, если мнѣ предстоитъ и впредь переживать такія же ночи, сдѣлай, по крайней мѣрѣ, такъ, чтобы хоть одна изъ мыслей, проносящихся въ то время въ головѣ, сохранилась и послѣ. То, чего я прошу, вовсе не такъ безсмысленно; потому что я знаю, что онѣ рождены боязнью, возникли оттого, что такъ великъ мой страхъ. Когда я былъ мальчикомъ, меня за это

били по лицу и говорили, что я трусъ. Но происходило это оттого, что тогда я еще не умѣлъ хорошо бояться; съ тѣхъ же поръ я научился бояться по настоящему, боязнью растущею по мѣрѣ того, какъ растетъ сила вызывающая ее. Мы можемъ представить себѣ этотъ страхъ только когда сами боимся, потому, что онъ самъ по себѣ до того непонятенъ, до такой степени противенъ нашей природѣ, что мозгъ нашъ разлагается въ постичь его. И все же съ нѣкоторыхъ поръ я тотъ самый моментъ, когда мы дѣлаемъ усиліе думаю, что въ немъ наша сила, вся наша сила, но она оказывается не по силамъ намъ. Вѣрно то, что мы не знаемъ ее, но развѣ же она не есть самое наше сокровенное, о чемъ мы менѣе всего вѣдаемъ? Иногда я представляю себѣ какимъ образомъ образовалось небо и смерть: это тогда, когда люди отбросили отъ себя самое драгоцѣнное изъ-за того, что у нихъ оказывалось такъ много разнаго другого дѣла впереди и еще потому, что это драгоцѣнное не было въ безопасности среди насъ,— людей занятыхъ. Съ тѣхъ поръ все это затянулось временемъ и мы уже привыкли къ болѣе мелкому. Мы болѣе не узнаемъ своей собственности и насъ приводитъ въ ужасъ громадность ея. Развѣ же это не такъ?

Впрочемъ, теперь я прекрасно понимаю, что можно въ продолженіи долгихъ лѣтъ носить въ боковомъ карманѣ сюртука описаніе чьихъ-нибудь послѣднихъ часовъ. Для этого вовсе не нужно, чтобы они были какими-нибудь особенными—всѣ они отмѣчены чѣмъ-нибудь. Развѣ нельзя себѣ представить, напримѣръ, человѣка, описывающаго лично для себя смерть Феликса Арверсъ. Онъ былъ въ госпиталѣ и умиралъ кротко и неторопливо; монашенка, вѣроятно, подумала, что онъ ближе къ концу нежели это было въ дѣйствительности, и громко крикнула въ коридоръ какое-то приказаніе, указывая, гдѣ и что надо достать. Монашенка была необразованной женщиной, никогда не видала слова «коридоръ» написаннымъ и поэтому сказала «колидоръ», думая, что онъ именно такъ называется. Но тутъ Арверсъ на нѣкоторое время отсрочилъ свою смерть. Онъ счелъ необходимымъ сначала выяснить это недоразумѣніе. Мысли его совершенно просвѣтлѣли и онъ объяснилъ ей, что надо говорить «коридоръ», а не «колидоръ», а потомъ умеръ. Онъ былъ поэтомъ и ненавидѣлъ все неясное; или, можетъ быть, для него, была важна истина? или ему было непріятно унести съ собою въ видѣ послѣдняго впечатлѣнія какое-то неряшество, съ которымъ все творится на этомъ свѣтѣ,— теперь вѣрно рѣ-

шить этотъ вопросъ невозможно. Только нельзя заподозрить съ его стороны педантизмъ. Иначе въ томъ же пришлось бы упрекнуть и святого Jean de'Dieu, во время самой агоніи, вскочившаго съ одра и бросившагося въ садъ, чтобы вынуть изъ петли повѣсившагося, вѣсть о которомъ чудеснымъ образомъ проникла во внутреннее напряженіе его умиранія. И для него, очевидно, все дѣло заключалось въ истинѣ.

Есть на свѣтѣ существо совершенно безвредное; если оно попадается тебѣ на глаза, то ты едва замѣчаешь его и тотчасъ же потомъ забываешь. Но какъ только оно, хотя бы невидимое, какими-то путями проникаетъ въ твой слухъ, то тотчасъ же и заполняетъ его, идетъ дальше и даже извѣстны случаи, когда внѣдряется въ мозгъ и гибельно разрастается въ немъ подобно пнемококамъ собакъ, проникающимъ въ организмъ черезъ носъ.

Это существо—сосѣдъ.

Ну, такъ вотъ, у меня съ тѣхъ поръ, какъ я странствую въ одиночку, было безчисленное количество сосѣдей; вверху и внизу, справа и слѣва, иногда всѣхъ четырехъ сортовъ сразу. Я могъ бы даже написать исторію своихъ сосѣдей и это составило бы трудъ цѣлой жизни,

хотя, конечно, его можно было бы скорѣе назвать исторіей болѣзненныхъ явленій, вызванныхъ ими во мнѣ. Но всѣ подобныя существа имѣютъ между собою одно общее свойство—ихъ исторію можно прослѣдить лишь по разрушеніямъ, произведеннымъ ими въ извѣстныхъ тканяхъ.

У меня бывали сосѣди, поступковъ которыхъ нельзя было предугадать,—и другіе съ очень правильнымъ образомъ жизни. Я подолгу просиживалъ, пытаясь установить законъ поведенія первыхъ, потому что, внѣ сомнѣнія, и у нихъ долженъ былъ быть таковой. Если же тѣмъ, что вели правильную жизнь, случалось когда-нибудь вечеромъ отсутствовать, я старался представить себѣ, что могло съ ними приключиться; не тушилъ свѣчи и волновался, словно молодая жена. У меня бывали сосѣди, которые какъ разъ въ то время, какъ жили бокъ-о-бокъ со мною, переживали страшную ненависть или страстную любовь; случалось заодно съ ними и мнѣ испытывать, какъ внезапно, среди ночи, одно изъ этихъ чувствъ переходило въ другое, и тогда, конечно, нечего было и думать о снѣ. Въ подобныхъ случаяхъ обнаруживалось, что сонъ вовсе не столь обычная вещь, какъ принято думать; напримѣръ, оба мои петербургскіе сосѣда почти не придавали никакого значенія сну. Одинъ изъ

нихъ по ночамъ игралъ на скрипкѣ, и я увѣренъ, что онъ при этомъ смотрѣлъ на противоположные дома, гдѣ въ продолженіи всѣхъ неправдоподобныхъ августовскихъ ночей совсѣмъ не потухалъ свѣтъ. О сосѣдѣ справа я зналъ навѣрное, что онъ лежитъ и не спитъ; въ мое время онъ совсѣмъ уже не вставалъ и даже не открывалъ глазъ, хотя предположить, что онъ спитъ, было невозможно, такъ какъ онъ лежа декламировалъ стихи Пушкина и Некрасова такимъ тономъ, какимъ обыкновенно произносятъ ихъ дѣти, когда ихъ заставляютъ декламировать. И несмотря на музыку лѣваго сосѣда, именно правый со своими стихами окуклился въ моемъ мозгу, и Богъ вѣсть, что вылупилось бы изъ этой куколки, если бы студентъ, иногда посѣщавшій его, какъ-то разъ не ошибся дверью и не попалъ ко мнѣ. Онъ-то и разсказалъ мнѣ исторію своего знакомаго. и она до извѣстной степени подѣйствовала на меня успокоительно. Какъ бы то ни было, эту исторію можно было передать простыми словами, словами однозначащими, отъ которыхъ погибли всѣ черви моихъ предположеній.

Этотъ, живущій рядомъ со мною, мелкій чиновникъ однажды въ воскресенье возымѣлъ желаніе разрѣшить странную задачу: онъ исходилъ изъ предположенія, что проживетъ еще очень долго,

ну, положимъ, еще пятьдесятъ лѣтъ. Собственная щедрость, сказавшаяся въ этомъ предположеніи, привела его въ блестящее настроеніе. Но тутъ ему захотѣлось превзойти самого себя. Онъ сообразилъ, что эти года можно разложить на дни, часы, минуты, а если постараться, то и на секунды; и онъ считалъ, считалъ и у него получалась такая цифра, какой онъ еще никогда не слыхивалъ. У него закружилась голова и онъ почувствовалъ необходимость немного передохнуть.

«Время драгоцѣнно»,—слышалъ онъ всю жизнь, и его удивляло, что къ человѣку, обладателю такого количества времени, не приставлено особой охраны,—вѣдь, до чего легко обокрасть его! Но потомъ имъ снова овладѣло прекрасное, почти игривое настроеніе , надѣвъ шубу, чтобы казаться нѣсколько шире и солиднѣе, онъ преподнесъ самъ себѣ въ видѣ подарка весь сказочный капиталъ времени, причемъ обратился къ самому себѣ съ слегка покровительственной рѣчью:

«Николай Кузьмичъ»,—началъ онъ, благосклонно представляя себѣ самого себя худымъ, жалкимъ, безъ шубы, сидящимъ на волосяномъ диванѣ:—«Надѣюсь Николай Кузьмичъ»,—говорилъ онъ,—«вы не загордитесь своимъ богатствомъ. Помните, что суть не въ немъ: есть хотя бѣдные, но весьма почтенные люди, и есть дворяне

совершенно обнищавшіе, и генеральскія дочери, бѣгающія по улицамъ и торгующія тамъ чѣмъ попало». И благодѣтель приводилъ еще множество подобныхъ, извѣстныхъ ему примѣровъ.

Другой Николай Кузьмичъ, тотъ, что сидѣлъ на волосяномъ диванчикѣ, тотъ, которому дѣлали даръ, пока еще вовсе не имѣлъ вида человѣка зазнавшагося и можно было даже надѣяться, что онъ останется благоразумнымъ. И онъ дѣйствительно ни въ чемъ не измѣнилъ своего скромнаго, правильнаго образа жизни, а по воскреснымъ днямъ занимался приведеніемъ въ порядокъ своихъ счетовъ. Но уже черезъ нѣсколько дней ему пришло въ голову, что онъ расходуетъ невѣроятно много. «Я долженъ сократиться»,—подумалъ онъ, и началъ раньше вставать, мылся не такъ тщательно, стоя пилъ чай, бѣжалъ на службу и являлся туда слишкомъ рано. Онъ всячески старался сэкономить крошку времени. Но въ воскресенье, при подсчетѣ, этихъ сбереженій не оказывалось на лицо. Тогда онъ понялъ, что его обманули. «Не слѣдовало размѣнивать времени»,—говорилъ онъ себѣ.—Вѣдь, какъ долго тянется годъ? А вотъ проклятая мелочь такъ и проходитъ сквозь пальцы,—просто и не видишь, какъ!». И тотъ день, когда онъ, послѣ обѣда, прижавшись къ углу своего дивана, поджидалъ господина въ шубѣ, чтобы потребовать у

него обратно свой капиталъ, прошелъ не совсѣмъ-то пріятно. Николай Кузьмичъ рѣшилъ запереть дверь и не выпускать того, пока онъ не вернетъ ему его собственности, ну, хоть десятилѣтними кредитками. «Четыре кредитки по десяти лѣтъ, одну въ пять, а остальные, чортъ съ нимъ, пусть оставляетъ себѣ!». Да, онъ былъ готовъ подарить ему остальное, лишь бы избѣжать какихъ-либо затрудненій. Раздраженный сидѣлъ онъ на диванѣ, но господинъ не являлся. И онъ, Николай Кузьмичъ, за нѣсколько недѣль до того очень легко представившій себѣ себя же сидящимъ на диванѣ не могъ теперь, когда дѣйствительно сидѣлъ на немъ, вызвать передъ собою образъ другого Николая Кузьмича въ шубѣ, великодушнаго благодѣтеля. Одному Богу извѣстно, что сталось съ тѣмъ; вѣроятно, полиція какъ-нибудь напала на слѣдъ его мошенничествъ и засадила въ тюрьму. Вѣдь, навѣрное, не его же одного онъ довелъ до нищеты,—такіе проходимцы всегда работаютъ на широкую ногу.

Ему пришло въ голову, что должно же существовать какое-нибудь государственное учрежденіе, своего рода банкъ времени, гдѣ бы онъ могъ хоть часть своихъ жалкихъ секундъ обмѣнять на крупныя ассигнаціи. Вѣдь, въ концѣ концовъ, онѣ все же настоящія, а не фальшивыя. Онъ никогда не слыхивалъ о подобномъ учреж-

деніи, но въ адресной книгѣ, навѣрное, можно разыскать его подъ буквой В; а, можетъ быть, оно называется и «Банкомъ времени»? Можно будетъ посмотрѣть и на Б. Слѣдуетъ также обратить вниманіе и на букву И, потому что, судя по важности, можно предположить, что это учрежденіе будетъ Императорскимъ.

Впослѣдствіе Николай Кузьмичъ всегда увѣрялъ, что въ этотъ достопамятный воскресный вечеръ, хотя и находился въ очень подавленномъ состояніи, но ничего не пилъ, слѣдовательно, былъ совершенно трезвъ, когда случилось—поскольку вообще можно говорить о томъ, что тамъ случилось—слѣдующее: можетъ быть онъ и вздремнулъ малую толику въ своемъ уголкѣ, это весьма возможно; короткій отдыхъ, прежде всего, доставилъ ему нѣкоторое облегченіе. «Я запутался въ цифрахъ»,—сталъ онъ уговаривать себя,—«но въ нихъ я ровно ничего не смыслю, Ясно одно: не слѣдуетъ придавать имъ слишкомъ большого значенія, вѣдь, все же они, такъ сказать, лишь учрежденіе въ государственныхъ цѣляхъ, ради порядка. Никто, вѣдь, никогда и нигдѣ не видѣлъ цифръ иначе, какъ начертанныхъ на бумагѣ. Вѣдь, совершенно невѣроятно, чтобы человѣкъ гдѣ-нибудь, напримѣръ, на вечерѣ, встрѣтилъ пятерку или двадцать одинъ. Просто-на-просто ихъ не существуетъ. И поэтому это

маленькое недоразумѣніе приключилось со мною изъ-за разсѣянности: время и деньги,—какъ будто нельзя ихъ разъединить». Николай Кузьмичъ почти смѣялся. Вѣдь, какъ хорошо, когда вотъ такъ самъ себя поймаешь на хитрости и во-время поймешь,—вотъ это важнѣе всего, во-время! Теперь все должно измѣниться. Время—да, вотъ въ немъ-то и затрудненіе! Но развѣ эта трудность касается лишь его одного? Развѣ не то же и съ другими? Можетъ быть, они не замѣчаютъ только, а онъ и у нихъ, какъ и у него послѣ открытія, уходитъ по секундамъ.

Николай Кузьмичъ не безъ нѣкотораго злорадства пришелъ къ этому выводу: пусть! Только что собрался онъ подумать, какъ случилось нѣчто необычайное: что-то вдругъ пахнуло ему въ лицо, пронеслось мимо ушей, скользнуло по рукамъ... Онъ широко раскрылъ глаза—окно было плотно закрыто. И сидя такимъ образомъ съ широко раскрытыми глазами въ темнотѣ, онъ началъ догадываться, что то, что онъ чувствуетъ, и есть настоящее время, скользящее мимо него. Онъ почти узнавалъ ихъ,—всѣ эти секундочки, одинаково тепловатыя, одна какъ другая, но быстрыя, страшно быстрыя. Богъ ихъ вѣдаетъ, что онѣ еще затѣвали? И надо же, чтобы это приключилось съ нимъ, именно съ нимъ, относившимся ко всякому дуновенію вѣтерка, какъ къ

чему-то оскорбительному. А вотъ теперь придется сидѣть, а оно вѣчно будетъ проноситься мимо, всю его жизнь... Онъ уже предвкушалъ всѣ невралгіи, которыя могъ заполучить вслѣдствіе этого, и былъ внѣ себя отъ бѣшенства. Вскочилъ на ноги, но, очевидно, сюрпризы еще не пришли къ концу: даже и подъ ногами онъ ощутилъ какое-то движеніе и не одно даже, а нѣсколько, какъ бы перепутавшихся, перебивающихъ другъ друга, колебаній. Онъ оцѣпенѣлъ отъ ужаса: неужели же это земля? Конечно. Вѣдь, она же движется. Объ этомъ говорили и въ школѣ; правда, упоминали вскользь; позднѣе какъ-то старались даже замять этотъ вопросъ, считая неприличнымъ распространяться о немъ. Но теперь, когда у него вообще повысилась чувствительность, онъ ощущалъ и это движеніе. Чувствовали ли его другіе? Можетъ быть, но не подавали вида. Вѣроятно, для моряковъ оно не замѣтно, но онъ, Николай Кузьмичъ, дѣло извѣстное, въ этомъ отношеніи нѣсколько чувствителенъ, вѣдь, онъ даже избѣгаетъ электричекъ. Его шатало по комнатѣ, точно по палубѣ, и онъ вынужденъ былъ хвататься за что-нибудь то справа, то слѣва. Къ несчастію, онъ еще припомнилъ, что земная ось находится въ наклонномъ положеніи. Нѣтъ, онъ не въ состояніи выносить всѣ эти движенія; слишкомъ гадко

чувствуетъ себя при этомъ. Вспомнилъ, что гдѣ-то читалъ, что во время качки нужно лежать и не двигаться. И съ тѣхъ поръ Николай Кузьмичъ лежалъ.

Лежалъ съ закрытыми глазами. Когда случались дни меньшаго колебанія земли, лежачее положеніе казалось ему совсѣмъ сноснымъ. Къ тому же онъ придумалъ еще декламировать стихи. Даже трудно повѣрить, до чего это помогало. Если стихи произносить медленно, съ одинаковымъ удареніемъ на концѣ строчекъ, то этимъ самымъ создавалось до извѣстной степени что-то устойчивое, на что возможно было смотрѣть,— само собою, мысленно. И какое счастье, что онъ зналъ наизусть всѣ эти стихотворенія! Но онъ всегда особенно сильно интересовался литературой. Студентъ увѣрялъ меня, что Николай Кузьмичъ совсѣмъ не жалуется на свое положеніе. Только съ теченіемъ времени въ немъ развилось сильное поклоненіе предъ тѣми, кто, какъ, напримѣръ, студентъ, могъ свободно ходить и переносить движеніе земли.

Я потому такъ подробно помню всю эту исторію, что она меня необычайно успокоила. Я могу увѣренно сказать, что у меня потомъ уже никогда не было столь пріятнаго сосѣда, какъ этотъ Николай Кузьмичъ, который навѣрняка поклонялся бы и мнѣ.

После этого опыта я рѣшилъ всякій разъ въ подобныхъ случаяхъ сейчасъ же добираться до самыхъ фактовъ. Я понялъ, что гораздо легче имѣть дѣло съ ними, нежели съ разными предположеніями. Какъ будто раньше не зналъ, что всѣ наши догадки ни къ чему, что онѣ— умозаключенія, не болѣе того. Сейчасъ же вслѣдъ за прологомъ начинается новая страница съ совершенно новой записью, безъ всякаго переноса. И какую пользу могли, напримѣръ, принести мнѣ нѣсколько фактовъ, которые можно установить играючи. Я потомъ перечислю ихъ, потомъ, когда сообщу, что занимаетъ меня въ настоящее время, а именно—что они скорѣе способствовали ухудшенію моего положенія, которое (какъ я теперь сознаю) было и безъ того очень тяжко.

Къ моей чести нужно сказать, что я довольно много писалъ за эти дни; писалъ судорожно. Но, признаюсь, во время прогулокъ съ неохотой думалъ о возвращеніи домой, даже дѣлалъ небольшіе обходы и такимъ образомъ терялъ съ полчаса времени, которое могъ бы употребить на писанье. Сознаю, что съ моей стороны это было слабостью. Затѣмъ, оказавшись въ комнатѣ, я уже ни въ чемъ не могъ упрекнуть себя. Я писалъ, у меня была своя жизнь, а та, что

протекала рядомъ, жизнь студента-медика, готовящагося къ экзаменамъ, была чужда мнѣ и я совершенно не раздѣлялъ ея. У меня впереди не было ничего, что предстояло ему, и уже это одно составляло рѣшающее различіе. Да и помимо него наши обстоятельства совершенно разнились и я, насколько возможно, вполнѣ отчетливо сознавалъ это. Но это вплоть до того момента, когда мнѣ становилось ясно, что *то* наступаетъ; тогда я забывалъ, что между нами нѣтъ ничего общаго, и до того напряженно прислушивался къ тому, что у него творится, что сердце мое начинало усиленно стучать. И потомъ *оно* наступало—я никогда не ошибался въ его приближеніи.

Почти каждому знакомъ шумъ, какой происходитъ при паденіи какого-нибудь круглаго жестяного предмета, предположимъ, крышки отъ жестяной кастрюли, когда она выскользнетъ изъ рукъ. Обыкновенно она даже не особенно сильно стукается объ полъ и, падая, издаетъ сначала отрывистый звукъ, а затѣмъ уже катится дальше; въ сущности, шумъ этотъ становится непріятнымъ лишь тогда, когда прекращается движеніе впередъ и крышка, раскачиваясь во всѣ стороны, нѣсколько разъ ударяется объ полъ, прежде чѣмъ упасть плашмя. Ну, такъ вотъ—это все; въ комнатѣ рядомъ со мною упалъ какой-то жестяной

предметъ, покатился и остановился; а пока все это происходило, въ извѣстные интервалы раздавалось какое-то топанье. Какъ всѣ повторительные шумы, и этотъ подчинялся какимъ-то внутреннимъ законамъ,—онъ видоизмѣнялся и никогда не повторялся точь-въ-точь такъ, какъ раньше. Но это-то какъ разъ и доказывало его подчиненіе извѣстнымъ законамъ. Онъ могъ быть сильнымъ, или нѣжнымъ или безконечно долго скользить, пока, наконецъ, не успокоивался и послѣдніе раскаты всегда прекращались неожиданно. Наоборотъ, топанье, сопровождавшее его, носило почти механическій характеръ, а каждый разъ подраздѣляло шумъ какъ-нибудь иначе и, повидимому, въ этомъ было его назначеніе. Теперь я въ состояніи гораздо яснѣе дать себѣ отчетъ въ разныхъ подробностяхъ,—комната рядомъ со мною пуста. Онъ уѣхалъ домой въ провинцію. Ему оказался необходимъ отдыхъ. Живу я въ верхнемъ этажѣ, направо другой домъ, подо мною еще никто не поселился, у меня нѣтъ сосѣда.

Меня удивляетъ, что находясь въ такомъ положеніи, я не отнесся легче ко всему происшествію. У меня всякій разъ заранѣе являлось предчувствіе, которое можно было бы использовать. Мнѣ слѣдовало только сказать себѣ: не пугайся, оно сейчасъ настанетъ; вѣдь, я зналъ,

что никогда не ошибался въ этомъ отношеніи. Но, можетъ быть, какъ разъ факты, которые я позволилъ себѣ сообщить, и способствовали тому, что я сталъ еще боязливѣе. Я, какъ привидѣнія, пугался легкаго шума, какой производило медленное, беззвучное движеніе, которымъ его правое вѣко самовольно опускалось и закрывало глазъ, въ то время какъ онъ читалъ. Хотя это мелочь, но, тѣмъ не менѣе, является самымъ существеннымъ въ его исторіи. Ему уже нѣсколько разъ приходилось откладывать экзамены; самолюбіе было уязвлено и родные изъ дому, вѣроятно, въ каждомъ письмѣ торопили его. Что же оставалось какъ не взять себя въ руки? Но тутъ за нѣсколько мѣсяцевъ до окончанія курса появилась эта слабость, малюсенькая, незамѣтная усталость, такая же смѣшная, какъ если бы оконная штора не пожелала подняться кверху. Я увѣренъ, что онъ въ продолженіи цѣлыхъ недѣль думалъ, что слѣдуетъ и можно преодолѣть эту усталость. Иначе мнѣ не пришло бы въ голову предложить ему въ помощь свою волю. Въ одинъ прекрасный день я понялъ, что его воля истощилась, и съ тѣхъ поръ, всякій разъ, какъ чувствовалъ приближеніе въ немъ упадка силъ, становился къ стѣнѣ и мысленно просилъ его позаимствовать ихъ у меня. Со временемъ мнѣ стало ясно, что онъ согла-

сился на это. Можетъ быть, этого не слѣдовало дѣлать, особенно, если принять во вниманіе, что, въ сущности, это ничего не измѣняло. Даже предположивъ, что такимъ способомъ мы нѣсколько отдаляли окончательную потерю силъ, все же останется спорнымъ вопросомъ, въ состояніи ли онъ былъ использовать выигранные такимъ путемъ моменты. А что касается до моихъ затратъ, то онѣ съ каждымъ днемъ становились для меня все болѣе и болѣе чувствительными. Я знаю, что какъ разъ въ тотъ полдень, когда кто-то еще поселился въ нашемъ этажѣ, я задавалъ себѣ вопросъ, возможно ли, чтобы все такъ и продолжалось? Благодаря узенькой лѣстничкѣ, всякіе переѣзды производили массу безпокойства въ нашемъ крохотномъ отелѣ. Спустя нѣкоторое время, мнѣ показалось, что кто-то вошелъ къ моему сосѣду. Наши двери были послѣдними въ коридорѣ; его дверь находилась въ поперечной стѣнѣ и почти соприкасалась съ моею. Я зналъ, что иногда его навѣщаютъ друзья и, какъ уже упомянулъ, совершенно не интересовался его образомъ жизни. Возможно, что дверь его отворялась еще нѣсколько разъ, что по коридору входили и выходили. За это я, конечно, не могу отвѣчать.

Ну, и какъ разъ въ этотъ вечеръ у него начался болѣе сильный припадокъ, нежели когда-

либо. Было еще не особенно поздно, но я отъ усталости уже заползъ въ постель и надѣялся на этотъ разъ заснуть. Вдругъ я вскочилъ, точно до меня кто-нибудь дотронулся, и сейчасъ же вслѣдъ за этимъ разразилось *оно*. Оно прыгало и катилось, налѣзало на что-то и кружилось и стучало. Топанье было ужасающее. Въ промежуткахъ, въ нижнемъ этажѣ, раздавался сердитый и рѣзкій стукъ въ потолокъ. Понятно, и новаго жильца потревожили. И вдругъ... несомнѣнно, это была его дверь—я былъ настолько бодръ, что мнѣ казалось, что я слышу, какъ отворяется дверь, хотя онъ открылъ ее удивительно осторожно. Мнѣ показалось, что онъ приближается; навѣрное, хотѣлъ изслѣдовать, гдѣ происходитъ шумъ. Что меня удивляло, такъ это его почти преувеличенная деликатность. Вѣдь, онъ долженъ былъ убѣдиться, что въ этомъ домѣ нельзя разсчитывать на спокойствіе. Почему же, во имя всего святого, старался онъ умѣрить свои шаги? Одинъ моментъ мнѣ показалось, что онъ у моихъ дверей, а потомъ я разслышалъ,—сомнѣваться въ этомъ было уже невозможно,—что онъ входитъ въ сосѣднюю комнату; онъ вошелъ въ нее безъ всякихъ околичностей.

И вдругъ (да какъ мнѣ описать это?), вдругъ, все смолкло, затихло, будто сразу прекратилось какое-то страданіе и наступила необычайная,

ощутимая, сладко щекочущая тишина, точно затягивалась какая-то рана; я могъ бы вздохнуть и заснуть и лишь удивленіе заставляло меня еще бодрствовать. Кто-то заговорилъ рядомъ, но и это составляло какъ бы часть тишины. Надо испытать такую тишину, а описать ее невозможно. Да и снаружи точно все сразу сгладилось. Я сидѣлъ и слушалъ,—казалось, будто мы въ деревнѣ. Боже мой, думалъ я, его мать здѣсь. Она сидитъ со свѣчей и уговариваетъ его; можетъ быть, онъ даже слегка прислонился головой къ ея плечу; сейчасъ она уложитъ его въ кровать. Теперь я понялъ тихіе шаги въ коридорѣ. Ахъ, какъ хорошо, что еще случаются подобныя вещи, что бываютъ существа, передъ которыми и двери раскрываются какъ-то иначе, нежели передъ нами... Да, теперь всѣ мы могли уснуть...

Я уже почти забылъ своего сосѣда. Сознаюсь, что то, что я чувствовалъ къ нему, не было настоящимъ участіемъ. Дѣйствительно, я и теперь иногда мимоходомъ справляюсь у консьержки, имѣются ли о немъ какія-либо извѣстія и какого рода. Хорошимъ радуюсь. Но я притворяюсь—въ сущности, мнѣ нѣтъ надобности знать ихъ. И то, что я иногда неожиданно ощущаю

желаніе заглянуть въ смежную съ моею комнату, вовсе не относится къ нему. Отъ моихъ дверей до тѣхъ всего одинъ шагъ и онѣ не заперты. Меня интересуетъ видъ этой комнаты. Легко представить себѣ любое помѣщеніе и очень часто представленіе о немъ приблизительно совпадаетъ съ дѣйствительностью, и лишь комната, что находится бокъ-о-бокъ съ твоей, всегда оказывается совершенно иной нежели ее себѣ рисуешь. Я внушаю себѣ, что меня какъ разъ это и подзадариваетъ, но въ то же время прекрасно знаю, что притягиваетъ меня къ ней извѣстная жестяная вещь. Я пришелъ къ выводу, что все дѣло заключалось дѣйствительно въ крышкѣ кастрюли, хотя, конечно, я могу ошибаться. Но это не безпокоитъ меня. Какъ бы то ни было, сообразно своей склонности, я приписываю все жестяной крышкѣ. По всѣмъ вѣроятіямъ, онъ не взялъ ее съ собою, а при уборкѣ комнаты ее положили какъ слѣдуетъ на свое мѣсто. И теперь оба эти предмета составляютъ одно—кастрюлю, круглую кастрюлю, понятіе опредѣленное, точное, простое, очень извѣстное. Мнѣ сдается, что я видѣлъ ихъ на каминѣ, эти два предмета, что вмѣстѣ составляютъ кастрюлю. Да, они стоятъ даже передъ зеркаломъ, такъ что позади нихъ рисуется вторая кастрюля, воображаемая, поразительно похожая на первую, которой мы не придаемъ

никакой цѣны, но за которой обезьяна протянула бы лапу. Вѣрно—за ней протянулось бы даже двѣ обезьяньи лапы, потому что, какъ только животное очутилось бы на краю камина, ихъ оказалось бы двѣ. Итакъ, крышка съ этой жестяной кастрюли и причиняла мнѣ зло.

Сначала сговоримся: у крышки моей кастрюли, кастрюли нормальной, край загнутъ, какъ ему и подобаетъ быть загнутымъ,—такъ вотъ, у такой крышки не должно бы, казалось, быть иного желанія, какъ очутиться на своей собственной кастрюлѣ; это должно бы быть самымъ желаннымъ для нея, такимъ удовольствіемъ, выше котораго ничего не бываетъ, исполненіемъ всѣхъ ея завѣтныхъ желаній. Къ тому же, вѣдь, если крышка наложена терпѣливо и осторожно, то она должна равномѣрно покоиться на выступающемъ бортикѣ; а чувствовать внутри себя соотвѣтствующій кантикъ, эластичный и точно такой же острый, какъ и у нея самой, когда она лежитъ отдѣльно отъ кастрюли—да, вѣдь, это почти что идеальное состояніе. Ахъ, но какъ мало крышекъ умѣютъ цѣнить его! Вотъ тутъ-то и видишь, насколько растлѣвающе дѣйствуетъ на предметы общеніе съ людьми. Напримѣръ, люди—если мнѣ позволятъ мимоходомъ сравнить ихъ съ подобными крышками—очень неохотно и плохо занимаются своимъ дѣломъ.

Отчасти оттого, что въ спѣхахъ не напали на свое настоящее призваніе, отчасти потому, что ихъ по злобѣ усадили за дѣло криво; иногда оттого, что края, что должны находить другъ на друга, погнуты, каждый на свой особый ладъ. Будемъ до конца откровенны: всѣ они, въ сущности, только и думаютъ, какъ бы при первой возможности спрыгнуть съ своего мѣста, покатиться и издавать шумъ жести. Чѣмъ же иначе объяснить всю массу развлеченій и тотъ шумъ, что онѣ производятъ?

И вотъ въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій предметы наблюдаютъ все это. Не удивительно, что они испортились, утратили вкусъ къ естественной, мирной цѣли своего существованія и желаютъ использовать жизнь такимъ образомъ, какъ, видятъ, ее используютъ вокругъ. Они дѣлаютъ попытки уклоняться отъ своего прямого назначенія, становятся скучными и небрежными, и люди нисколько не удивляются, когда ловятъ ихъ на какомъ-нибудь распутствѣ. Они по себѣ знаютъ подобное состояніе и сердятся только потому, что они сильнѣе, потому, что считаютъ, что имѣютъ больше правъ на разнообразіе, потому что чувствуютъ, что примѣръ взятъ съ нихъ же... и они предоставляютъ всему идти какъ угодно, потому что и сами распускаютъ себя. Но когда находится человѣкъ,

умѣющій себя обуздывать, какой-нибудь одинокій, который хотѣлъ бы всецѣло, день и ночь, довольствоваться самимъ собою,—то такой человѣкъ вызываетъ прямое противодѣйствіе, издѣвательство и ненависть развращенныхъ предметовъ съ нечистой совѣстью, которая не позволяетъ имъ выносить, чтобы кто-либо обуздывалъ себя и стремился къ осмысленному существованію. И они объединяются, чтобы безпокоить его, пугать, и прекрасно сознаютъ, что обладаютъ достаточными силами, чтобы дѣлать это. Подмигивая другъ другу, стараются они соблазнить такого человѣка, и соблазнъ, разрастаясь до безграничности, захватываетъ съ собою предметы и самого Господа Бога и поднимаетъ ихъ на того, что выше ихъ—на святого!

Какъ понятны мнѣ теперь странныя картинки, на которыхъ изображены вещи самыя обыкновенныя, съ ограниченнымъ и правильнымъ назначеніемъ, и эти вещи любопытно и похотливо соблазняютъ другъ друга, содрагаясь въ своеобразномъ развратѣ развлеченій. Прогуливаются на этихъ картинахъ кипящіе котлы, колбы, въ которыхъ зарождаются мысли, ничтожныя воронки, что ради своего удовольствія проникаютъ въ отверстіе... И ревнивое «ничто» выбрасываетъ

кверху члены и суставы, и физіономіи, а тѣ выплевываютъ обратно въ него свою теплую блевотину...

И святой ежится и корчится, но смотритъ на это; въ его глазахъ такое выраженіе, будто онъ допускаетъ возможность всего этого. И тогда изъ прозрачнаго раствора его души осѣдаетъ чувственность; опадаютъ листья съ молитвы его и торчитъ она изо рта его, словно кустъ засохшій; сердце его выпадаетъ изъ его груди и истекаетъ мутью и бичъ слабо бичуетъ тѣло, подобно хвосту отгоняющему мухъ. А полъ его уже снова обнаруживается лишь въ извѣстномъ мѣстѣ, и когда сквозь собачью стаю, выпрямившись, проходитъ женщина, выпячивая обнаженныя груди, то полъ его указываетъ на нее, словно пальцемъ.

Было время, когда я считалъ эти картины устарѣвшими. Не потому, чтобы я сомнѣвался въ истинности ихъ. Я допускалъ, что подобное могло приключиться съ тогдашними святыми, со скоропалительными ревнителями, желавшими во что бы то ни стало немедленно соединиться съ Богомъ. Теперь мы не считаемъ себя способными на это, мы додумываемся, что онъ труденъ для насъ, что мы должны отложить единеніе съ Нимъ на продолжительное время и не спѣша продѣлать трудную работу прохожденія пути, отдѣ-

ляющаго насъ отъ Него. Но теперь мнѣ извѣстно, что съ этой работой бываетъ то же, что и съ непорочностью; что такъ же, какъ когда-то Божiи люди-отшельники въ своихъ пещерахъ и пустынныхъ кельяхъ становились мало-по-малу святыми, такъ и теперь каждый, кто во имя Бога предается одиночеству, можетъ обрѣсти святость.

Когда рѣчь идетъ объ одинокихъ, всегда слишкомъ много берется на вѣру. Каждый разъ предполагаютъ, что люди понимаютъ, о чемъ собственно идетъ рѣчь. Но они не понимаютъ. Они никогда не видали ни одного одинокаго, но, не зная, ненавидѣли его. Въ качествѣ сосѣдей, они выводили его изъ себя; будучи голосами въ смежныхъ комнатахъ, вводили въ искушенiе. Они натравливали на него предметы, чтобы тѣ производили шумъ и заглушали все. Дѣти объединялись противъ него, такъ какъ самъ онъ былъ и нѣженъ, какъ ребенокъ, и росъ со всѣмъ, что растетъ, и, выростая, поднимался надъ взрослыми. Они выслѣживали его, какъ охотники дичь, и впродолженiе всей его длительной юности не было такой поры, когда считалось бы недозволеннымъ охотиться на него. И когда людямъ все-таки не удавалось сломить

святого и онъ все сносилъ отъ нихъ, то они принимались кричать о его творчествѣ, называли его безобразiемъ, и брали подъ подозрѣнiе. А если онъ и тутъ не поддавался, то они высказывались еще яснѣе и съѣдали его пищу, выдыхали вокругъ весь воздухъ, плевали на его бѣдность, чтобы она опротивѣла ему, запрещали общенiе съ нимъ, словно съ чумнымъ, и швыряли камнями, чтобы онъ скорѣе удалился. И они были правы поступая сообразно глубоко засѣвшему въ нихъ инстинкту, потому что онъ, дѣйствительно, былъ ихъ врагомъ.

Но если и тогда онъ не поднималъ глазъ, они какъ бы приходили въ себя, смутно догадываясь, что своими преслѣдованiями дѣлаютъ ему лишь угодное, заставляютъ лишь сильнѣе держаться своего одиночества и помогаютъ навсегда уйти отъ себя. Тогда они круто мѣняли тактику и пускали въ ходъ послѣднее, крайнее, противоположное средство борьбы: славу. И противъ шумихи почти никто не могъ устоять (всякiй поднималъ глаза и становился разсѣяннымъ).

Сегодня ночью я вспомнилъ о маленькой зеленой книгѣ, которую имѣлъ, когда былъ еще совсѣмъ мальчуганомъ; не знаю почему, но мнѣ кажется, что я получилъ ее отъ Матильды Браге.

Въ то время она не заинтересовала меня и я прочелъ ее лишь нѣсколько лѣтъ спустя въ Ульсгаардѣ во время каникулъ. Но съ первыхъ же словъ мнѣ показалось, что она очень значительна; она вся какъ есть была со значенiемъ, даже съ внѣшней стороны. Зеленый цвѣтъ переплета, повидимому, имѣлъ какое-то особое значенiе и съ перваго же взгляда было замѣтно, что содержанiе ея должно быть таково, какимъ и оказалось дѣйствительно. Точно послѣ предварительнаго обсужденiя сначала находился гладкiй, покрытый водяными знаками, чистый, бѣлый листокъ, потомъ шелъ заглавный, почему-то казавшiйся таинственнымъ. Повидимому, въ ней должны были быть картинки, но ихъ не оказалось, и приходилось, почти противъ воли, допускать, что и это въ порядкѣ вещей. Какъ-то утѣшало то, что въ извѣстномъ мѣстѣ находилась узенькая, мягкая ленточка-закладка, лежавшая слегка наискось, трогательная по своей наивной увѣренности, что она все еще розоваго цвѣта; Богъ вѣсть, съ какихъ поръ она продолжала лежать между однѣхъ и тѣхъ же страницъ. Можетъ быть, ею вовсе не пользовались, и самъ переплетчикъ торопливо и старательно вложилъ ее именно между этихъ страницъ, даже не посмотрѣвъ на нихъ. А можетъ быть, это не было случайностью: можетъ быть, именно на этой

страницѣ кто-нибудь прервалъ свое чтенiе, и впослѣдствiи уже никогда болѣе не бралъ ее въ руки, потому что, какъ разъ, въ то время въ дверь его постучалась сама судьба, занялась имъ и ему пришлось отправиться очень далеко, туда, гдѣ нѣтъ никакихъ книгъ; въ сущности, онѣ, вѣдь, не составляютъ еще жизни. Узнать, читали ли книгу потомъ—было нельзя; не лишено вѣроятности и то, что закладка указывала тѣ страницы, которыя желательно было находить сразу, книгу постоянно раскрывали на нихъ, хотя иногда удавалось приняться за ея чтенiе лишь поздно вечеромъ. Во всякомъ случаѣ, эти страницы внушали мнѣ страхъ, какъ зеркало, передъ которымъ кто-то стоитъ. Я никогда не читалъ ихъ. Да и вообще я не знаю, читалъ ли я всю книгу. Она была не особенно толста и въ ней оказывалось множество интересныхъ разсказовъ, особенно если я садился за чтенiе послѣ обѣда; въ этихъ случаяхъ находилась всегда еще какая-нибудь новенькая, не читанная исторiя.

Помню только двѣ изъ нихъ. Хочу сказать какiя: «Кончину Гришки Отрепьева» и «Гибель Карла Смѣлаго».

Богъ вѣдаетъ, произвели ли онѣ въ то время на меня какое-нибудь впечатлѣнiе; но теперь, когда прошло столько лѣтъ, я еще ясно помню

описаніе, какъ мертвое тѣло Лжецаревича было выброшено въ толпу и какъ оно трое сутокъ валялось на улицѣ, растерзанное, исколотое, но храня на лицѣ надѣтую маску. Понятно, разсчитывать на то, чтобы эта книга когда-либо вновь попала мнѣ въ руки—нечего. Но, вѣроятно, это мѣсто должно было быть поразительно. Мнѣ доставило бы удовольствіе перечитать также описаніе его встрѣчи съ матерью. Вѣроятно, Гришка чувствовалъ себя очень увѣреннымъ, если рѣшился пріѣхать въ Москву; я полагаю, что въ то время онъ самъ до того твердо вѣрилъ въ себя, что у него явилось чувство, будто онъ въ самомъ дѣлѣ можетъ опереться на свидѣтельство матери. И дѣйствительно, Марія Нагая, спѣшившая къ нему на перекладныхъ изъ своего жалкаго монастыря, только выиграла бы, признавъ его за сына. Но не поколебалось ли бы его положеніе съ того момента, какъ она признала бы его? Я склоненъ думать, что безповоротность его перевоплощенія и сила его какъ разъ коренились въ томъ, что онъ пересталъ считаться чьимъ бы то ни было сыномъ. (Въ сущности, въ этомъ-то и заключается сила всѣхъ молодыхъ людей, бросившихъ семью*).

Народъ, несмотря на то, что не зналъ его.

*) Въ рукописи помѣчено на краяхъ.

считалъ желаннымъ и доставилъ бы ему еще болѣе полную свободу и болѣе неограниченныя возможности, но съ признаніемъ матери его притязанія превратились бы въ сознательный обманъ, который унизилъ бы его, урѣзалъ полноту его вымысла и свелъ бы его игру на усталое подражаніе, сузилъ ее до изображенія единой, опредѣленной личности, которою онъ никогда не былъ; словомъ, сдѣлалъ бы его обманщикомъ. А тутъ еще появилось медленное разлагающее вліяніе Маріи Мнишекъ, по-своему предавшей его, такъ какъ она вѣрила какъ потомъ оказалось, не лично въ него, а во всякаго, кто занялъ бы его мѣсто. Понятно, я не могу поручиться за то, что все это было ясно выражено въ этой книжечкѣ, но, сдается мнѣ, что именно это и стоило изобразить.

Но, даже оставивъ въ сторонѣ эти задачи, разсказъ все-таки далеко не устарѣлъ. Въ наше время, конечно, могъ бы найтись писатель, сумѣвшій бы болѣе тщательно обработать послѣднія мгновенія Лжедимитрія и онъ былъ бы правъ. Въ нихъ многое стоило бы подчеркнуть: напримѣръ, то, какъ онъ, пробудясь отъ глубокаго сна, бросается къ окну и кидается изъ него на дворъ, гдѣ стоитъ стража. Подняться безъ помощи онъ не въ состояніи и стража помогаетъ ему. Вѣроятно, сломана нога; двое изъ нихъ под-

держиваютъ его подъ руки и онъ чувствуетъ, что они вѣрятъ въ него. Оглядывается: и другіе тоже вѣрятъ. Ему становится почти жаль этихъ громадныхъ стрѣльцовъ: стало быть, далеко зашло, если они, знавшіе Ивана Грознаго во всей его ужасающей дѣйствительности, теперь вѣрятъ въ него. У него является желаніе просвѣтить ихъ, но разжать губы—значило бы начать кричать. Боль въ ногѣ ужасная, и въ этотъ моментъ онъ до того мало дорожитъ собою, что ни на что не обращаетъ вниманіе кромѣ боли. Да и времени больше нѣтъ. Тѣ, другіе, приближаются, онъ видитъ Шуйскаго, а за нимъ всѣхъ остальныхъ. Сейчасъ все кончится. Но тутъ его окружаетъ стража, она не выдаетъ его. И совершается чудо. Вѣра этихъ стариковъ передается другимъ; вдругъ никто уже не рѣшается двинуться впередъ. Шуйскій, совсѣмъ близко отъ него что-то съ отчаяніемъ кричитъ на верхъ, къ окнамъ. Грищка оглядывается, ему извѣстно, кто тамъ стоитъ. Онъ понимаетъ, почему сразу наступаетъ тишина, наступаетъ сразу, безъ перехода. Сейчасъ вотъ раздастся голосъ, который онъ запомнилъ еще съ той поры—высокій, фальшивый, черезчуръ напряженный... И вотъ до него доносятся слова царицы матери, отрекающейся отъ него.

До этого момента все совершается само собою,

но для дальнѣйшаго необходимъ разсказчикъ, настоящій разсказчикъ, для того, чтобы побороть всяческія возраженія; послѣднія строки должны дышать полной убѣдительностью. Будетъ ли это высказано словами или нѣтъ, все равно, но нужно вызвать такое впечатлѣніе, чтобы каждый могъ присягнуть, что между произнесенными царицей словами и выстрѣломъ изъ пистолета, чрезвычайно быстро послѣдовавшими другъ за другомъ, въ немъ еще разъ вспыхнула и воля и сила стать всѣмъ. Иначе непонятно, до какой степени блестяще-послѣдовательно то, что они истыкали и ночную сорочку и его самого, какъ бы желая убѣдиться не наткнутся ли внутри на его дѣйствительную личность; и то что и мертвый, онъ еще цѣлыхъ три дня носилъ на лицѣ своемъ маскару, которой почти не хотѣлъ уже носить при жизни.

Когда я подумаю какъ странно, что въ той же книгѣ описана кончина того, кто всю свою жизнь всегда былъ одинаковъ, всегда одинъ и тотъ же, такимъ же жестокимъ и неизмѣннымъ какъ гранитъ и столь же тяжелымъ для окружающихъ, какъ онъ. Въ Дижонѣ есть его портретъ. Но и помимо него извѣстно, что онъ былъ низкаго роста, коренастъ, упрямъ и отча-

янъ. Единственно, чего нельзя было бы представить себѣ безъ портрета, это его рукъ. На немъ видно, что у него были страшно горячія руки, такъ что у него постоянно должно было являться желаніе какъ-нибудь охладить ихъ и онъ невольно растопыривалъ пальцы, чтобы воздухъ проникалъ между ними; вѣроятно, къ этимъ рукамъ кровь приливала сразу, какъ у другихъ она бросается въ голову; а когда онѣ бывали сжаты въ кулаки, то дѣйствительно напоминали головы безумныхъ, бѣснующихся, одержимыхъ.

Надо было обладать необычайной осторожностью, чтобы умѣть жить съ такой кровью. А въ жилахъ герцога текла именно такая кровь и временами ему самому становилось страшно, когда она, темная и притаившаяся, переливалась по его тѣлу. Буйная, полупортугальская, едва ему самому вѣдомая, она казалась своему обладателю страшной; иногда ему представлялось, что она во время сна нападетъ на него и разорветъ. Онъ дѣлалъ видъ, что усмирилъ ее,—на самомъ же дѣлѣ жилъ подъ вѣчнымъ страхомъ. Онъ никогда не осмѣливался полюбить женщины изъ боязни, что вдругъ кровь его вздумаетъ ревновать; и вино никогда не касалось губъ его—до того она была стремительна; вмѣсто того, чтобы пить, онъ усмирялъ ее розовой водицей. Но однажды онъ пилъ; это происходило

въ лагерѣ подъ Лозанной, когда погибъ Грансонъ; тогда онъ былъ боленъ и отрѣзанъ отъ своихъ и много пилъ чистаго вина; и кровь его все же спала. Въ послѣдніе, безумные годы его жизни, она иногда впадала въ такой тяжелый, животный сонъ. И тогда-то обнаруживалось, до чего онъ находится въ ея власти: никто изъ окружающихъ не смѣлъ входить къ нему, онъ не понималъ, что они говорили, не могъ въ угнетенномъ состояніи, въ какомъ находился, показываться иностраннымъ посламъ. И онъ сидѣлъ и ждалъ, когда кровь пробудится въ немъ. И большею частью она просыпалась сразу, однимъ прыжкомъ вырывалась изъ сердца и начинала ревѣть.

Ради этой-то крови, онъ и таскалъ за собою вещи, которыми вовсе не дорожилъ: три громаднѣйшихъ бриллліанта и массу драгоцѣнныхъ камней, цѣлыя груды фландрскихъ кружевъ, и ковры изъ Арраса; шелковую палатку съ золотыми кручеными шнурами и 400 палатокъ для своей свиты; картины, писанныя на деревѣ и двѣнадцать апостоловъ изъ чистаго серебра; и принца Тарентскаго, и герцога Клевъ, и Филиппа Баденскаго и кавалера Chateau Guyon. все это, чтобы внушить своей крови, что онъ король—и баста,—чтобы она убоялась его. Но вопреки столь вѣскимъ доказательствамъ, кровь

не вѣрила, была недовѣрчива. Можетъ быть, нѣкоторое время ему удалось бы поддержать въ ней сомнѣніе, но рожки Ури выдали его—съ того момента кровь знала, что течетъ въ жилахъ обреченнаго на смерть и стремилась вонъ изъ него.

Такъ все рисуется мнѣ теперь, тогда же наибольшее впечатлѣніе произвело на меня описаніе праздника Крещенія, когда разыскивали его тѣло.

Наканунѣ молодой лотарингскій князь, сейчасъ же по окончаніи странной, какой-то скомканной битвы, вернулся въ свой жалкій городишко Нанси; еще задолго до разсвѣта онъ разбудилъ свиту и спросилъ, гдѣ герцогъ. Во всѣ стороны стали разсылать одного гонца за другимъ, и самъ онъ, озабоченный и взволнованный, время отъ времени подходилъ къ окну. Онъ не всегда узнавалъ, кого везли на повозкѣ или несли на носилкахъ и лишь видѣлъ, что это не герцогъ. Не было его также и среди раненыхъ, и ни одинъ изъ плѣнныхъ, которыхъ продолжали приводить, тоже не видалъ его. Зато бѣглецы изъ города во всѣ стороны разносили всевозможные слухи, вели себя смущенно и боязливо, точно все время опасаясь гдѣ-нибудь наткнуться на него. Начинало уже смеркаться, а объ герцогѣ все еще ничего не было извѣстно. За долгій

зимній вечеръ, вѣсть объ его исчезновеніи успѣла распространиться во всей округѣ. И куда бы она ни проникала, повсюду сразу же вызывала преувеличенную увѣренность, что герцогъ живъ. Можетъ быть, никогда еще онъ не казался воображенію людей столь живымъ, какъ въ эту ночь. Не было дома, гдѣ бы не бодрствовали и не ждали, что вотъ-вотъ онъ постучится и войдетъ въ дверь. И то, что онъ не являлся, объясняли тѣмъ, что онъ уже прошелъ мимо.

Въ эту ночь морозило и самая мысль о его существованіи, казалось, тоже замерзла, до того она затвердѣла, окрѣпла. Цѣлые годы прошли съ тѣхъ поръ, раньше нежели она распустилась. Всѣ эти люди, не сознавая хорошенько, теперь хватались за него—судьба навязанная имъ герцогомъ, была переносима исключительно благодаря его личности. Имъ пришлось такъ дорого заплатить за познаніе его существованія и теперь, когда уже прониклись имъ, имъ казалось, что его нельзя не чувствовать и нельзя забыть.

На слѣдующее утро, 7-го января, во вторникъ снова начались поиски, на этотъ разъ подъ руководствомъ вожатаго. Это былъ одинъ изъ пажей герцога; говорили, будто онъ издали видѣлъ, какъ тотъ упалъ съ лошади и ему приказано было указать то мѣсто. Самъ онъ ничего

не говорилъ, но его привелъ графъ Кампоболло и говорилъ за него. Теперь онъ шелъ впереди, а остальные слѣдовали за нимъ. Трудно было признать въ закутанной и до странности неувѣренной фигурѣ Гіана-Батиста-Колонна, красиваго, какъ дѣвушка, съ гибкими, тонкими членами. Онъ дрожалъ отъ стужи; воздухъ вслѣдствіе ночного мороза казался неподвижнымъ; изъ-подъ шаговъ вырывался точно скрежетъ зубовный. Впрочемъ, всѣ дрогли, одинъ только шутъ герцога, по прозванію Луи-Онзъ—Людвигъ одиннадцатый, двигался легко. Онъ игралъ въ собаку: забѣгалъ впередъ, возвращался, бѣжалъ нѣкоторое время рядомъ съ мальчикомъ на четвереннькахъ, но если вдали видѣлъ трупъ, бросался къ нему, наклонялся и уговаривалъ собраться съ силами и превратиться въ того, кого искали. Онъ назначалъ мертвецу короткій срокъ для размышленія, послѣ чего возвращался къ остальнымъ и грозилъ, и проклиналъ, и жаловался на упрямство и лѣность покойника. И шли они все дальше, и не было конца исканію. Городъ едва виднѣлся, потому что погода уже успѣла измѣниться и, несмотря на стужу, стала хмурой и пасмурной. Плоская равнина равнодушно раскидывалась во всѣ стороны и плотная кучка людей чѣмъ дальше шла, тѣмъ, казалось, все болѣе и болѣе сбивалась съ пути. Никто

не произносилъ ни слова и лишь старуха, примкнувшая къ нимъ, что-то шамкала, потряхивая въ тактъ головой: можетъ быть, молилась.

Вдругъ шедшій впереди остановился и оглянулся вокругъ. Потомъ быстро повернулся къ Луто, врачу-португальцу герцога, и указалъ впередъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ виднѣлась ледяная поверхность не то глубокаго болота, не то пруда, а вокругъ него, полупровалившись въ воду, лежало около десяти или двѣнадцати мертвыхъ тѣлъ. Они были почти раздѣты и ограблены. Лутъ, согнувшись, внимательно переходилъ отъ одного къ другому. Когда группа распалась на отдѣльныя лица, среди нихъ можно было узнать Оливье-де-ла-Моршъ и духовника короля. А старуха уже опустилась въ снѣгъ на колѣни и тихо выла, склонясь надъ громадной рукой съ растопыренными пальцами, торчавшей кверху. Всѣ поспѣшили къ ней. Лутъ съ помощью нѣсколькихъ служителей попытался перевернуть мертвеца, такъ какъ онъ лежалъ навзничь. Но лицо примерзло къ землѣ и когда его отдирали ото льда, съ одной щеки сошла тонкая, хрупкая кожа, а другая оказалась выѣденной собаками или волками; поперекъ всего лица зіяла громадная рана, начинавшаяся у самаго уха, такъ что ни о какомъ лицѣ не могло быть и рѣчи.

Одинъ за другимъ поворачивались провожатые—каждому чудилось, что позади него находится Римлянинъ; вмѣсто же него бѣжалъ къ нимъ шутъ, злой, весь въ крови... Онъ держалъ передъ собою и трясъ какой-то плащъ, точно желая что-то вытряхнуть изъ него, но плащъ оставался пустымъ. Стали искать примѣтъ, и нѣкоторыя изъ нихъ, дѣйствительно, совпали. Развели костеръ, обмыли тѣло теплой водой, смѣшанной съ виномъ, и тогда на шеѣ показался рубецъ и шрамы отъ двухъ бывшихъ у герцога громадныхъ нарывовъ. Врачъ пересталъ сомнѣваться, но старался найти еще новыя доказательства. Луи-Онзъ отыскалъ въ нѣсколькихъ шагахъ издохшую, громадную, черную лошадь Моро, на которой ѣхалъ герцогъ въ день битвы подъ Нанси. Шутъ усѣлся на нее и болталъ коротенькими ножками; кровь все еще текла у него изъ носу въ ротъ и, повидимому, вкусъ ея ему очень нравился. Одинъ изъ лакеевъ вспомнилъ, что у герцога на лѣвой ногѣ вросъ ноготь, тогда всѣ принялись искать его. Но шутъ затрясся, точно его защекотали, и крикнулъ: «Ахъ, монсиньоръ, прости имъ, глупцамъ, что они обнажаютъ твои недостатки, вмѣсто того, чтобы узнать тебя по моей печали, свидѣтельствующей о твоихъ добродѣтеляхъ». *)

*) Въ рукописи написано на краяхъ.

Послѣ того, какъ тѣло герцога было обряжено и положено на столъ, шутъ первый вошелъ въ комнату; происходило это въ домѣ нѣкоего Георга Марки, но никто не могъ бы сказать, почему именно у него. Герцога еще не успѣли покрыть покровомъ и поэтому получалось цѣльное впечатлѣніе. Подъ чернымъ балдахиномъ и на черномъ ложѣ бѣлизна камзола и пурпуръ мантіи рѣзко, точно враждебно, отдѣлялись другъ отъ друга. Впереди, какъ бы навстрѣчу шуту, торчали пурпурные высокіе сапоги съ золочеными шпорами. А сомнѣваться въ томъ, что на противоположномъ концѣ находится голова, было невозможно, такъ какъ тамъ виднѣлась корона, громадная герцогская корона, украшенная какими-то камнями. Луи-Онзъ расхаживалъ вокругъ и подробно все разглядывалъ, даже пощупалъ атласъ, хотя ничего въ немъ не понималъ. Вѣроятно, атласъ оказался хорошимъ, можетъ быть, лишь чуточку болѣе дешеваго сорта, нежели полагалось для Бургундскаго дома. Потомъ, чтобы получить общее впечатлѣніе, онъ отступилъ назадъ. «Хорошо одѣтъ»,—наконецъ, произнесъ онъ одобрительно,—«только капельку черезчуръ опредѣленно». Смерть казалась ему чѣмъ-то вродѣ хозяина театра маріонетокъ, которому спѣшно понадобился герцогъ.

Хорошо не оцѣнивать и не сожалѣть, а лишь констатировать факты, измѣнить которыхъ не въ состояніи. Такимъ образомъ я отнесся къ открытію, что въ сущности никогда по настоящему не умѣлъ читать. Въ дѣтствѣ чтеніе мнѣ казалось какой-то спеціальностью, которую когда-нибудь придется преодолѣвать, но когда-нибудь впослѣдствіи, когда надвинутся всякія другія спеціальности, одна за другой. Говоря откровенно, я не представлялъ себѣ опредѣленно, когда именно это можетъ случиться, но полагался на то, что потребность чтенія непремѣнно скажется, когда жизнь до извѣстной степени измѣнится и станетъ притекать лишь извнѣ, какъ раньше притекала извнутри. Я воображалъ, что тогда она станетъ ясной, съ опредѣленнымъ, прямымъ значеніемъ и ее уже нельзя будетъ истолковать невѣрно. Не простой станетъ,—наоборотъ, весьма притязательной, запутанной и, пожалуй, трудной,—но все же осязаемой. Своеобразная безграничность жизни, ощущаемая въ дѣтствѣ, несоразмѣрность ея, то нѣчто, не поддающееся разсмотрѣнію, оказалось бы уже преодолѣннымъ.

Предвидѣть, какимъ образомъ все это случится, я, конечно, не могъ, но пока что это чувство во мнѣ все росло и какъ-то со всѣхъ сторонъ замыкалось, и чѣмъ болѣе я старался заглядывать впередъ, тѣмъ болѣе бередилъ свою

душу. Богъ вѣдаетъ, отчего это происходило! Но, вѣроятно, оно, наконецъ, возросло до крайности и тогда сразу же оборвалось. Но трудно было убѣдиться въ томъ, что взрослыхъ не безпокоятъ подобныя ощущенія—они расхаживали себѣ, судили да рядили, совершали поступки и если оказывались въ затруднительномъ положеніи, то оно вызывалось какими-нибудь внѣшними причинами.

Къ числу такихъ предстоящихъ въ будущемъ перемѣнъ я относилъ и потребность чтенія. Тогда стану я обращаться съ книгами, какъ со старыми знакомыми, думалъ я, тогда найдется для чтенія и время, спеціально назначенное, совершенно опредѣленное и проходящее очень пріятно, какъ разъ столько, сколько его будетъ нужно. Само собою, нѣкоторыя изъ книгъ будутъ ближе сердцу, и еще неизвѣстно, не буду ли я даже и при тѣхъ условіяхъ засиживаться за ними какихъ-нибудь полчасика лишнихъ, напримѣръ, не пропущу ли какъ-нибудь прогулки, или не опоздаю ли на свиданіе, или къ началу спектакля, или не отвѣчу на дѣловое письмо. Но, чтобы отъ чтенія на головѣ спутались или слиплись волосы, точно ты лежалъ на нихъ, чтобы уши начали горѣть и руки похолодѣли, какъ металлъ, чтобы до тла выгорѣла цѣлая свѣча и фитиль ея утонулъ въ подсвѣчникѣ—

этого, Богъ дастъ, думалъ я, и тогда не случится.

Я перечислилъ всѣ эти признаки, потому, что впослѣдствіи въ тѣ памятныя каникулы, проведенныя въ Ульсгаардѣ, когда я такъ неожиданно набросился на чтеніе, я испыталъ ихъ. Тогда съ перваго же раза выяснилось, что я не въ состояніи избѣжать подобныхъ явленій. Правда и то, что я увлекся чтеніемъ раньше назначеннаго себѣ для него срока, но годъ, проведенный въ Сёро среди сверстниковъ, приблизительно одинаковаго со мною возраста, заставилъ меня уже относиться недовѣрчиво ко всѣмъ подобнымъ разсчетамъ. Тогда же подкрались ко мнѣ быстро слѣдующія одно за другимъ переживанія, и, очевидно, переживанія, бывшія подъ силу лишь взрослому человѣку. Жизненные опыты наваливались на меня всею тяжестью и, по мѣрѣ того, какъ я проникался ихъ истиной, у меня открывались глаза и на безусловную наличность своего дѣтства. Я зналъ, что когданибудь оно вдругъ исчезнетъ, а то, что должно было его замѣнить въ настоящее время, лишь намѣчалось. Я говорилъ себѣ, что каждый, конечно, воленъ дѣлать всяческія подраздѣленія, но что всѣ они будутъ искусственны. Къ тому же оказывалось, что я слишкомъ неловокъ, чтобы изобрѣтать ихъ. Всякій разъ, какъ я дѣлалъ по-

добныя попытки, жизнь давала мнѣ понять, что она знать ихъ не хочетъ и вѣдать не вѣдаетъ. Когда же я начиналъ утверждаться въ мнѣніи, будто дѣтство мое уже позади, то въ то же мгновеніе исчезало и грядущее, и у меня оказывалось подъ ногами столько же почвы, сколько бываетъ у оловяннаго солдатика, когда онъ стоитъ на мѣстѣ.

Понятно, что это открытіе меня еще болѣе отдалило отъ другихъ. Оно дало содержаніе моимъ занятіямъ самимъ собою и преисполнило чѣмъ-то въ родѣ безконечной радости, которую я принималъ за грусть, потому что она на много опережала мое дѣтство. Насколько я помню, меня безпокоила тогда мысль, что вообще можно кое съ чѣмъ опоздать, и такъ какъ ни на что не было установлено опредѣленнаго срока, то, пожалуй, можно кое-что и вовсе упустить. И когда я въ такомъ подавленномъ настроеніи вернулся въ Ульсгаардъ и увидалъ множество книгъ, то по-просту набросился на нихъ и съ жадностью сталъ глотать одну за другою, точно совѣсть моя въ этомъ отношеніи была нечиста. И то, что позднѣе мнѣ часто пришлось испытывать, я уже какимъ-то образомъ предугадывалъ тогда: то-есть, то, что человѣкъ не имѣетъ права развернуть книги, если впередъ не беретъ обязательства прочесть ее до конца: каждая строка за-

трагиваетъ цѣльность міра. До чтенія онъ разстилается передъ человѣкомъ цѣльнымъ и незатронутымъ; быть можетъ, такимъ же окажется и по прочтеніи множества книгъ. Но какъ же было мнѣ, не умѣвшему читать, осилить ихъ? Даже и въ нашей скромной библіотекѣ ихъ оказывалось безнадежно громадное количество и всѣ-то они находились въ связи другъ съ другомъ. Я съ отчаяннымъ упрямствомъ бросался отъ одной къ другой и расчищалъ себѣ дорогу сквозь ихъ страницы, какъ человѣкъ, отъ котораго требуется что-то неимовѣрно трудное. Въ тѣ времена я прочелъ Шиллера и Баггезена, Оленшлегера и Шакъ-Штаффельтъ, всѣ бывшія на лицо сочиненія Вальтеръ-Скотта и Кальдерона. Многое изъ попадавшагося мнѣ подъ руки должно бы было быть давнымъ давно прочитаннымъ, а многое было еще рано читать; подходящаго для моего тогдашняго развитія почти ничего не находилось. И, несмотря на это, я читалъ.

Впослѣдствіи мнѣ иногда случалось просыпаться среди ночи и, взглянувъ на звѣзды небесныя,— такія значительныя и такія... настоящія,—вдругъ перестать понимать какъ можно изъ-за чтенія забывать дѣйствительность, забывать реальный міръ. То же чувство, насколько помню, возникало во мнѣ всякій разъ, когда я поднималъ

голову отъ книгъ и душой уносился туда, гдѣ было лѣто, куда звала меня Абелона. Для насъ обоихъ было и ново и неожиданно, что ей приходилось звать меня, а я даже не отвѣчалъ ей. И произошло это въ самый разгаръ нашего блаженства. Но такъ какъ чтеніе уже захватило меня, то я судорожно держался за него, важничалъ и упрямо уклонялся отъ нашихъ ежедневныхъ празднествъ. Не умѣя какъ слѣдуетъ использовать, часто едва уловимую, возможность естественнаго и простого счастья въ настоящемъ, я не безъ нѣкотораго удовольствія предвкушалъ въ будущемъ наслажденіе примиренія съ нею и оно казалось мнѣ тѣмъ заманчивѣе, чѣмъ дальше отодвигалось и чѣмъ больше наростало недоразумѣній.

Впрочемъ, мой ражъ чтенія въ одинъ прекрасный день прекратился столь же внезапно, какъ и возникъ; и тогда мы дѣйствительно основательно таки поссорились. Потому что тутъ уже Абелона не стала щадить меня, осыпала насмѣшками и, не стѣсняясь, выказывала свое превосходство; если я заставалъ ее въ бесѣдкѣ, она заявляла мнѣ, что читаетъ. Въ одно воскресное утро съ ней рядомъ на скамейкѣ дѣйствительно лежала книга, но закрытая; сама же она вся ушла въ чистку смородины, которую съ помощью маленькой вилочки, обрывала съ вѣточекъ.

Помнится, это было въ іюлѣ, въ тѣ утренніе часы,—отдохнувшіе, новые,—когда всюду кругомъ творится что-то радостное и непосредственное. Изъ милліоновъ мельчайшихъ движеній, подавить которыя нельзя, составляется мозаика самаго интенсивнаго существованія; различныя явленія переходятъ другъ въ друга и распыляются въ воздухѣ и ихъ прохлада придаетъ прозрачность тѣни и претворяетъ солнце въ легкое, сказочное сіяніе. Тогда во всемъ саду не найти ничего главнаго, все вездѣ и слѣдовало бы быть во всемъ, чтобы ничего не упустить.

Но и въ пустяшной работѣ Абелоны все сызнова повторялось; съ ея стороны было такъ удачно придумано дѣлать именно это, и именно такъ, какъ она дѣлала. Руки ея, свѣтившіяся въ полумракѣ, двигались легко и дружно; подъ напоромъ вилочки, въ выложенную виноградными листьями вазу, рѣзво прыгали и нагромождались круглыя, красныя и бѣлыя, насквозь пронизанныя свѣтомъ, ягоды. Зерна у нихъ были здоровыя, мякоть упругая...

При видѣ этой картины мнѣ захотѣлось только смотрѣть на нее, но такъ какъ, по всей вѣроятности, мнѣ бы запретили это, то я, чтобы не имѣть смущеннаго вида, взялъ въ руки книгу, усѣлся по другую сторону стола, и, не тратя времени на перелистываніе, принялся читать съ той страницы, на которой она раскрылась.

— Хоть бы ты, по крайней мѣрѣ, читалъ вслухъ, чтецъ ты этакій!—произнесла немного погодя Абелона. Это звучало уже не столь враждебно, и такъ какъ я находилъ, что давно пора помириться, то сейчасъ же принялся громко читать, прямо съ той строки, на которой остановился, до абзаца и слѣдовавшей за нимъ надписи: Беттинѣ.

— Нѣтъ, не надо отвѣтовъ,—прервала меня Абелона, и, словно въ изнеможеніи, опустила на столъ маленькую вилочку и тутъ же расхохоталась надъ выраженіемъ моего лица.

— Боже мой, до чего ты плохо читалъ, Мальте.

Тутъ я вынужденъ былъ сознаться, что ни единой минуты не думалъ о томъ, что читалъ.

— Я и читалъ то исключительно для того, чтобы ты остановила меня,—сознался я; кровь бросилась мнѣ въ лицо, и я сталъ перелистывать страницы въ обратную сторону, чтобы прочесть заглавіе. Лишь тутъ я увидѣлъ, что это была за книга.

— А почему не надо читать отвѣтовъ?—полюбопытствовалъ я.

Абелона точно не разслышала вопроса. А когда я взглянулъ на нее, въ свѣтломъ платьѣ, неподвижную—мнѣ показалось, что и внутри у нея также все темнѣетъ, какъ внезапно потемнѣли глаза.

— Дай сюда,—вдругъ, точно сердясь, сказала она и, взявъ изъ рукъ книгу, сразу раскрыла на той страницѣ, какую искала и принялась читать одно изъ писемъ Беттины.

Не знаю, что я вынесъ изъ него, но на душѣ у меня возникло чувство, будто кто-то даетъ мнѣ торжественное обѣщаніе, что когда-нибудь я все это пойму. И въ то время, какъ голосъ ея усиливался и почти напоминалъ пѣніе, я почувствовалъ стыдъ, что относился такъ легко къ нашему примиренію, потому что тутъ я только понялъ, что, въ сущности, это-то и есть примиреніе, но совершалось оно гдѣ-то высоко надо мною, куда я не могъ подняться; совершалось въ великомъ...

Данный мнѣ тогда завѣтъ исполняется и донынѣ—та книжечка попала въ число немногихъ, съ которыми я никогда не разстаюсь. Теперь и я могу сразу открыть ее на любомъ, желательномъ для меня, мѣстѣ и когда перечитываю ее, я не знаю, думаю ли о Беттинѣ или Абелонѣ. Нѣтъ, Беттина стала для меня даже какъ бы жизненнѣе; Абелона, которую я зналъ въ дѣйствительности, служила точно подготовленіемъ къ пониманію ея и позднѣе въ ней же развернула свою непосредственную сущность. Эта странная Беттина, не только расчистила мѣсто своими письмами, но и сама разрослась—всеобъемлюще.

Съ самаго начала она до такой степени проникла собою все окружающее, какъ будто ея уже не было въ живыхъ. Вездѣ проникала она въ самую суть жизни, составляя какъ бы часть ея. Все совершившееся въ ней вѣчно совершалось въ самой природѣ; въ ней она познавала себя и лишь съ болью отрывалась отъ нея, отдѣляла себя отъ нея; внѣ ея, она познавала себя только какъ бы по преданіямъ, словно заклинаніями вызывала себя самое, какъ духа, и съ трудомъ переносила себя.

Ты недавно еще существовала, Беттина, я еще ощущаю тебя. Развѣ земля не согрѣта тобою и развѣ среди птичьихъ голосовъ не оставалось мѣста и твоему голосу? Роса уже не та, но звѣзды—звѣзды твоихъ ночей! Да и вообще, развѣ весь міръ не отъ тебя? Вѣдь, сколько разъ ты воспламеняла людей своей любовью, смотрѣла на то, какъ они пылаютъ и горятъ, и тайно, во время ихъ сна, подмѣнивала имъ ихъ любовь. Ты чувствовала себя въ полномъ единеніи съ Богомъ, когда ежедневно утромъ требовала отъ него новой, иной земли, чтобы всѣ сотворенные имъ могли наслаждаться на ней. Тебѣ казалось мелкимъ щадить и исправлять людей, ты расточала ихъ и все продолжала протягивать руки за новыми мірами, потому что любовь твоя доросла до всего.

И какъ это возможно, что не всѣ знаютъ твою любовь? Да развѣ было на свѣтѣ что-нибудь болѣе удивительнаго? Что еще можетъ занимать людей? Сама ты знала ей цѣну и смѣло бесѣдовала о ней съ величайшимъ поэтомъ, чтобы онъ сдѣлалъ ее болѣе доступной человѣчеству. До этого она являлась какъ бы элементомъ, а онъ растолковывалъ ее людямъ въ письмахъ къ тебѣ. Всѣ читаютъ эти отвѣты и вѣрятъ имъ больше, нежели тебѣ самой, потому, что поэтъ для нихъ понятнѣе голоса природы. Но, можетъ быть, когда-нибудь окажется, что въ этихъ отвѣтахъ сказалась граница его величія. Ему была ниспослана воплощенная любовь, а онъ не смогъ вмѣстить ее. Чѣмъ объяснить, что онъ не могъ отвѣчать на нее? Такая любовь не нуждается во взаимности, въ ней самой заключается и призывъ и отвѣтъ на него; она сама себя удовлетворяетъ. При всемъ своемъ величіи, онъ долженъ былъ бы смириться передъ нею и какъ Іоаннъ на Парнасѣ, стоя на колѣняхъ, писать то, что она диктовала ему. Когда голосъ, «исполняющій призваніе ангеловъ», прозвучалъ, чтобы окутать его и вознести въ вѣчность, не могло быть выбора. Тотъ голосъ долженъ бы стать огненной колесницей его вознесенія и это положило бы начало таинственному миѳу о его смерти, а между тѣмъ, эта возможность осталась не использованной.

Судьба любитъ изобрѣтать схемы и комбинаціи. Трудность ея заключается въ сложности, но сама жизнь затруднительна по своей простотѣ. У нея есть всего нѣсколько путей, не соотвѣтствующихъ нашимъ силамъ по своей нравственной высотѣ. Святой, уклоняясь отъ внѣшней жизни, выбираетъ одинъ изъ нихъ передъ лицомъ Бога. Но то, что и женщинѣ, въ силу ея природы, приходится дѣлать такой же выборъ по отношенію къ мужчинѣ, вызываетъ роковыя послѣдствія всѣхъ любовныхъ отношеній. Преисполненная рѣшимости и лишенная своей судьбы, стоитъ она, словно извѣчная, рядомъ съ тѣмъ, что вѣчно мѣняется. Возлюбленная всегда выше возлюбленнаго, потому что жизнь выше судьбы. Ея самопожертвованіе жаждетъ быть безграничнымъ,— въ этомъ ея счастье. Но безмѣрное горе ея любви всегда заключалось въ томъ, что отъ нея требовалось ограниченіе своего самопожертвованія. Никогда женщины ни на что, кромѣ этого, не жаловались. Только сѣтованія на это и содержатъ первыя два письма Элоизы и онѣ же слышатся въ письмахъ португалки 500 лѣтъ спустя; ихъ сейчасъ же узнаешь, какъ узнаешь призывный крикъ птицы. И свѣтлую сферу такого пониманія прорѣзываетъ отдаленнѣйшій образъ Сафо, которую цѣлыя столѣтія потому только не умѣли постичь, что разгадку ея личности искали во внѣшнихъ фактахъ.

Когда онъ впродолженіе цѣлыхъ вечеровъ шагалъ взадъ и впередъ вдоль Люксембургскаго сада, я никогда не рѣшался спросить у него газеты—потому что не былъ увѣренъ, есть ли у него запасные номера. Обернувшись къ рѣшеткѣ спиной, онъ проводилъ руками по краю каменнаго выступа, на которомъ укрѣплены прутья. Самъ онъ становился въ это время какимъ-то такимъ плоскимъ, что были люди, ежедневно проходившіе мимо, и не замѣчавшіе его. Хотя у него еще сохранились остатки голоса и онъ предлагалъ прохожимъ газеты, но голосъ этотъ подобенъ шипѣнью лампы, или шуму въ печкѣ или паденію водяныхъ капель, въ ровные промежутки времени, въ какомъ-нибудь гротѣ. А на свѣтѣ такъ уже все устроено, что были, напримѣръ, люди всегда проходившіе мимо него, какъ разъ въ тѣ промежутки, когда онъ, болѣе беззвучный, нежели все двигавшееся вокругъ, передвигался впередъ, какъ стрѣлка часовъ, какъ тѣнь этой стрѣлки, какъ само время.

До чего я былъ неправъ, когда неохотно смотрѣлъ на него. Мнѣ стыдно сознаться, что часто, проходя мимо, я старался принять походку остальныхъ, точно ничего не зналъ о немъ. И въ эти минуты я слышалъ, какъ вдругъ что-то внутри него

произносило: «La presse», и сейчасъ же вслѣдъ за этимъ еще разъ, и потомъ еще разъ, въ ровные промежутки.

И прохожіе оборачивались и искали, откуда этотъ голосъ. Только я одинъ представлялся, будто спѣшу сильнѣе остальныхъ, что мнѣ ничего не бросилось въ глаза и что я чрезвычайно занятъ своими мыслями.

Да оно такъ и было въ дѣйствительности: я былъ занятъ тѣмъ, что старался представить себѣ каковъ онъ, работалъ надъ тѣмъ, чтобы вызвать въ воображеніи его образъ, и отъ усилій у меня потъ выступалъ на лбу. Потому что, вѣдь, мнѣ дѣйствительно приходилось создавать его лицо, какъ бы лицо умершаго, для котораго не осталось никакихъ матеріаловъ, никакихъ указаній на отдѣльныя части его, и которое поэтому приходится всецѣло творить изъ себя. Теперь я знаю, что подспорьемъ для моей работы служили воспоминанія о множествѣ видѣнныхъ мною у антикваріевъ статуэтокъ изъ слоновой кости, прослоенной жилками, изображающихъ снятіе со креста Спасителя. Въ моей головѣ все время всплывали какія-нибудь Pietà, чтобы потомъ снова исчезнуть. Вѣроятно, благодаря имъ, въ моемъ воображеніи рисовался извѣстный наклонъ лица, жалкіе остатки бороды на провалившихся щекахъ и безнадежно-страдальческая замкнутость выра-

женія лица, запрокинутаго назадъ. Но и помимо этого, въ этихъ статуэткахъ было много другого, что напоминало его. Я уже и тогда сознавалъ, что въ его наружности ничего не можетъ имѣть второстепеннаго значенія: ни сюртукъ или пальто, оттопыривающіеся сзади, благодаря чему открывался весь воротникъ сорочки—низкій воротничекъ,—широкой дугой обхватывающій, не касаясь ея, вытянутую, морщинистую шею; ни зеленовато-черный галстухъ, свободно повязанный вокругъ воротника, ни, особенно, шляпа; старая, высокой формы, жесткая фетровая шляпа, которую онъ надѣвалъ, какъ надѣваютъ шляпы слѣпые: не стараясь, чтобы она согласовалась съ письменами лица, не пытаясь составить изъ этого предмета и своей физіономіи нѣчто новое, цѣлое, а просто надѣвая ее какъ что-то постороннее, всѣми принятое для употребленія. Въ концѣ концовъ, изъ-за моей трусливой боязни взглянуть на этого человѣка, дошло до того, что часто, безъ всякаго основанія, наружность его въ моемъ болѣзненномъ воображеніи принимала до того жалкій видъ и, возрастающая законченность придуманнаго мною образа, до того заставляла меня страдать, что я, наконецъ, рѣшилъ отпугнуть его и уничтожить, сравнивъ съ реальной внѣшностью газетчика.

Время близилось къ вечеру и я рѣшилъ, не откладывая, пройти мимо него и внимательно

вглядѣться въ его внѣшность. Надо замѣтить, дѣло было весной. Дневной вѣтеръ стихъ; довольныя улицы тянулись вдаль; ближайшіе ихъ дома блестѣли новизной, подобно свѣжимъ изломамъ бѣлаго металла. Только металлъ этотъ поражалъ своей легкостью. По широкимъ, бѣгущимъ впередъ улицамъ, проходило множество людей и никто изъ нихъ не боялся экипажей, да и встрѣчалось-то ихъ очень немного. Вѣроятно, было воскресенье. Купола Saint Sulpice радостно и какъ-то неожиданно высоко вырисовывались въ тихомъ воздухѣ, и какъ-то невольно являлось желаніе сквозь узенькіе, почти римскіе, переулочки заглянуть вдаль, чтобы и тамъ найти признаки весны. Въ самомъ саду и передъ нимъ была такая толкотня, что я не сразу разыскалъ его. Или, можетъ быть, я его не сразу узналъ въ толпѣ.

И съ перваго же взгляда я понялъ, что созданный моимъ воображеніемъ образъ никуда не годится. Покорность нищетѣ, не ограниченная ни осторожностью, ни притворствомъ, превосходила все, что была въ состояніи создать моя фантазія. Я не понялъ ни угла наклона его манеры держаться, ни ужаса, который, казалось, черезъ внутреннюю сторону вѣкъ безпрестанно проникалъ въ него. Не представлялъ я себѣ и его рта, втянувшагося во внутрь, точно отверстіе водосточной трубы.

Можетъ быть, онъ и обладалъ какими-нибудь воспоминаніями, но въ настоящее время въ душу его проникало только аморфное ощущеніе каменнаго выступа позади, скользя по которому постепенно изнашивалась его рука. Остановившись и почти сразу окинувъ его однимъ взглядомъ, я въ ту же минуту почувствовалъ, что на немъ новая шляпа и новый, безъ сомнѣнія, праздничный галстухъ, въ косую клѣтку, желтый съ фіолетовымъ, и дешевенькая соломенная шляпа съ зеленой лентой. Понятно, цвѣта не имѣютъ никакого значенія и съ моей стороны мелочно помнить о нихъ, но я хочу отмѣтить, что для него они имѣли не большее значеніе, нежели для птицы пухъ на ея брюшкѣ: самому ему они не доставляли ни малѣйшаго удовольствія и ни одинъ изъ прохожихъ (я оглядѣлъ ихъ) не осмѣлился бы подумать, что газетчикъ принарядился ради него.

Богъ мой, вдругъ нахлынуло на меня: такъ вотъ ты каковъ! Слѣдовательно, могутъ находиться признаки, доказывающіе и твое существованіе. Я позабылъ и думать объ этомъ, и никогда не желалъ получить хоть малѣйшей увѣренности въ этомъ—потому что всякая увѣренность влечетъ за собою страшныя обязанности. А теперь вотъ эти доказательства на лицо. Вотъ таковъ твой вкусъ и вотъ это доставляетъ тебѣ удовольствіе. Вѣроятно, для того, чтобы я научился все выносить

и ничего не осуждать. Какія вещи трудно выполнять? Которыя изъ нихъ милостивы? Одному тебѣ извѣстно!

Когда настанетъ зима и мнѣ понадобится новое теплое пальто, дай мнѣ носить его, пока оно будетъ ново, какъ носитъ онъ свои вещи.

Я ношу лучшее, никѣмъ не ношенное до меня. платье и дорожу своимъ собственнымъ угломъ не потому, что хочу отличиться отъ нихъ, а просто потому, что еще не доросъ до нихъ: у меня не хватаетъ силъ на ихъ жизнь. Если бы у меня отнялась рука, думаю, что я прикрѣпилъ бы ее чѣмъ-нибудь. А она (больше я о ней ничего не знаю), она ежедневно появляется передъ терассами кафе и, хотя ей очень трудно снять пальто и выпростать изъ-подъ всяческаго тряпья и лохмотьевъ свою руку, но она, не боясь трудовъ, разматываетъ и развертываетъ ее такъ долго, что почти терпѣнія не хватаетъ дождаться конца. И въ концѣ концовъ передъ нами оказывается скромная женщина съ высохшей, омертвѣвшей рукой и видно, что она считаетъ ее большой рѣдкостью.

Нѣтъ, не изъ желанія отличиться отъ нихъ. Но тягаться съ ними—значило бы переоцѣнивать свои силы. Я не таковъ. У меня не оказалось

бы ни ихъ выдержки, ни умѣнья. Я питаюсь, и интервалы отъ одной ѣды до другой, не представляютъ изъ себя ничего необычнаго; они же, словно безсмертные, просто какъ-то сохраняются: стоятъ себѣ на своихъ обычныхъ мѣстахъ и ноябрьскій зимній холодъ не заставляетъ ихъ кричать. Поднимается ли туманъ и стираетъ очертанія ихъ, и они превращаются въ неясныя пятна,— все равно, они остаются на своихъ мѣстахъ. Я уѣзжалъ, я болѣлъ, многое утратилъ, а они не умерли.

(Я, вѣдь, даже и того не могу постичь, какъ школьники могутъ вставать съ своихъ постелей въ каморкахъ, наполненныхъ вонючей сырой стужей; кто только даетъ силы этимъ торопливымъ скелетикамъ бѣжать въ городъ взрослыхъ, навстрѣчу безконечнаго учебнаго дня, когда еще только мутнѣетъ ночь на склонѣ? Еще крохотные, вѣчно преисполненные предчувствій, всегда опаздывающіе... Я не могу даже представить себѣ, какая масса поддержки требуется для нихъ*).

Этотъ городъ кишитъ людьми, медленно соскальзывающими къ подобному существованію. Большинство сначала противится, но потомъ дѣвушки начинаютъ какъ-то линять, старѣться, постепенно безъ борьбы опускаться... еще сильныя,

*) Въ рукописи помѣчено на краяхъ.

еще не изжившія своихъ душевныхъ силъ, такія, которыхъ никогда не любили.

Можетъ быть, Боже, ты хочешь, чтобы я отказался отъ всего и полюбилъ ихъ? Иначе почему же мнѣ стоитъ такихъ усилій не идти за ними слѣдомъ, когда онѣ обгоняютъ меня? Почему же при видѣ ихъ, мнѣ приходятъ въ голову самыя нѣжныя, ночныя слова и голосъ мой отъ избытка чувствъ застреваетъ между горломъ и сердцемъ? Почему я представляю себѣ, съ какой несказанной осторожностью я причастилъ бы этихъ куколъ своимъ дыханіемъ, куколъ, которыми жизнь играла весну за весной, заставляя до тѣхъ поръ протягивать руки за пустотой, пока онѣ совершенно не развихляются въ плечахъ. Онѣ уцѣлѣли, потому что ни разу не свергались со слишкомъ большой кручи надеждъ, но онѣ оббились и уже плохо пригодны для жизни. Лишь заблудшія кошки пробираются по ночамъ въ ихъ каморки и въ тиши расцарапываютъ имъ тѣло и спятъ на нихъ. Иногда я улицы двѣ слѣдую за подобной дѣвушкой. Онѣ крадутся вдоль домовъ, встрѣчные то и дѣло заслоняютъ ихъ собою и онѣ исчезаютъ за ними, точно превращаясь въ пустоту.

И все-таки я знаю: если бы кто-нибудь постарался полюбить ихъ, то онѣ придавили бы того своею тяжестью, точно люди, которымъ пришлось

пройти слишкомъ далекій путь и вдругъ остановиться.

Я знаю, что если мнѣ предназначено дойти до крайности, то и порядочное платье не поможетъ мнѣ притворяться. Развѣ, напримѣръ, онъ, будучи королемъ, не опустился на самое дно? Тотъ, кто вмѣсто того, чтобы подниматься, соскользнулъ на самый низъ. Правда, было время, когда я вѣрилъ въ другихъ королей, хотя теперь обладаніе парками уже ничего не доказываетъ. Но теперь ночь, зима, я мерзну и вѣрю только въ него. Потому что великолѣпіе лишь мимолетно и никогда на свѣтѣ не бывало ничего болѣе длительнаго нежели несчастіе. Король же долженъ жить и жить. И развѣ этотъ, единственно этотъ, подъ прикрытіемъ своего безумія, не сохранился цѣльнымъ до самой своей смерти, подобно тому, какъ восковые цвѣты сохраняются подъ стекляннымъ колпакомъ? За другихъ они возносили въ церквахъ моленія о долгой жизни, къ нему же канцлеръ Jean Charlier Gerson предъявлялъ требованіе, чтобы онъ жилъ вѣчно, и это въ то время, когда онъ, несмотря на свою корону, уже превратился въ самаго жалкаго, больного и необычайно несчастнаго человѣка.

Это было въ тотъ періодъ, когда изрѣдка, по

ночамъ, люди съ вымазанными черной краской лицами являлись къ его постели и срывали съ него сгнившую и прилипшую къ нарывамъ рубаху, которую самъ онъ давнымъ давно принималъ за собственное тѣло, до того она въѣлась въ него. Свѣтъ въ комнатѣ заслоняли чѣмъ-нибудь и, торопясь, точно тайкомъ, вытаскивали изъ-подъ его застывшихъ рукъ истлѣвшія лохмотья. Потомъ одинъ изъ служителей подносилъ къ нему огонь и только тутъ обнаруживалась рана на груди, а въ ней вдавленный желѣзный амулетъ, что онъ каждую ночь прижималъ къ себѣ со всею силою своего благочестія; и оказывалось, что онъ, окаймленный, какъ безцѣнными жемчужинами, гнойными нарывами, лежитъ глубоко въ ранѣ, напоминая чудотворныя частицы въ углубленіи реликвіи. Къ этой работѣ приставлялись испытанные служителя, но, когда потревоженные черви выпадали изъ складокъ его одѣянія или переползали съ остатковъ фландрскаго бархата на ихъ собственные рукава и извивались на нихъ, то и они не могли осилить отвращенія. Несомнѣнно, со смерти parva regina ему стало еще хуже, потому что она еще рѣшалась ложиться около него, она, молодая и чистая. Потомъ она умерла. И послѣ этого никто не рѣшался дать новой наложницы заживо разлагающемуся трупу. Первая не оставила послѣ себя ни тѣхъ словъ, ни ласкъ, которыми умѣла

смягчать короля; и, такимъ образомъ, никто уже не могъ проникнуть въ одичавшій умъ его; никто не могъ помочь ему выбраться изъ ущелій своей души; никто не понималъ, когда онъ вдругъ самъ приходилъ въ себя и оглядывался вокругъ округлившимся взглядомъ животнаго, отправляющагося на пастбище. И если въ это время онъ узнавалъ озабоченное лицо Ювенала, то вспоминалъ, въ какомъ состояніи находилось государство въ тотъ моментъ, когда онъ въ послѣдній разъ занимался дѣлами, и у него являлось желаніе нагнать пропущенное.

Но щадя его, нельзя было доводить до его свѣдѣнія событія тѣхъ временъ. Все случавшееся тогда производило до того тяжелое впечатлѣніе, что казалось изваяннымъ изъ цѣлой глыбы и наваливалось на человѣка всею своею тяжестью. Какъ можно было смягчить извѣстіе объ убійствѣ брата или то, что Валентина Висконти, которую онъ всегда величалъ своей дорогой сестрой, наканунѣ, откинувъ съ искаженнаго горемъ лица черныя вдовьи покрывала, валялась у него въ ногахъ, чтобы принести ему свои жалобы и обвиненія? А уже на слѣдующій день передъ нимъ нѣсколько часовъ подрядъ словоохотливый и терпѣливый судейскій до тѣхъ поръ доказывалъ правоту убійцы князя, пока преступленіе не сдѣлалось совершенно прозрачнымъ, точно просвѣтленнымъ, и не стало казаться, что оно вотъ-вотъ вознесется къ самому небу. И оказывалось, чтобы быть справедливымъ, нужно всѣхъ считать правыми; поэтому Валентина Орлеанъ умерла отъ горя, хотя ей было обѣщано мщеніе. И что было толку въ томъ, что Бургундскому герцогу простили его вину, и разъ и два простили? Имъ, несмотря на это, овладѣло мрачное отчаяніе и онъ нѣсколько недѣль блуждалъ по лѣсу Аргильи, жилъ въ палаткѣ и утверждалъ, что ради своего облегченія ему необходимо слышать по ночамъ крикъ оленей.

И когда все это вновь продумывалось, продумывалось до конца, потому что было коротко, тогда народъ начиналъ требовать лицезрѣнія своего повелителя и онъ, растерянный, выходилъ къ нему. Но народъ все же радовался его появленію: онъ понималъ, что передъ нимъ король, тихій, терпѣливый, только и существующій для того, чтобы Господь въ своемъ запоздаломъ гнѣвѣ творилъ свою волю помимо него. Король въ такіе дни просвѣтленія, стоя на балконѣ своего дворца Saint Pol, можетъ быть, и догадывался о томъ, что въ тиши сдѣлалъ большіе успѣхи; ему приходилъ на память день сраженія подъ Роозбекъ, когда дядя де-Берри, взявъ его за руку, повелъ туда, гдѣ была одержана имъ первая побѣда.

Дѣло было въ ноябрѣ и стоялъ до странности ясный день. Онъ окинулъ взглядомъ кучи мертвыхъ гентовъ, задавившихъ себя самихъ собственной массой. Чтобы сплотиться тѣснѣе, они сами связывали себя другъ съ другомъ; когда же на нихъ со всѣхъ сторонъ наскочила конница, то они вдавились одинъ въ другого и образовали какъ бы одинъ громадный мозгъ. При видѣ то тамъ, то здѣсь лица какого-нибудь задохнувшагося, выглядывавшее изъ кучи, у самаго не хватало воздуху въ груди. Казалось, самъ воздухъ оттѣсненъ далеко кверху множествомъ душъ, вынужденныхъ внезапно, въ отчаяніи, покинуть тѣла, продолжающія стоять вслѣдствіи тѣсноты.

И ему внушали, что это и есть начало его славы. И онъ запомнилъ это. И если тогда онъ видѣлъ передъ собою тріумфъ смерти, зато теперь, когда на глазахъ у всѣхъ, выпрямившись, стоялъ на своихъ слабыхъ ногахъ,—совершалась мистерія любви. Онъ видѣлъ по людямъ, что, какъ ни громадно было то бранное поле, но его все-таки возможно было постичь. А то, что творилось здѣсь,—нельзя было понять и оно явилось такимъ же чудомъ, какъ когда-то явленіе въ лѣсу Сенлисъ, оленя въ золотомъ ошейникѣ. Только что теперь онъ самъ былъ чудеснымъ явленіемъ, а другіе погружались въ его созерцаніе; и онъ не сомнѣвался, что у нихъ стѣснено дыханіе и они

охвачены такимъ же ожиданіемъ, какое когда-то, во время юношеской охоты, почувствовалъ онъ, когда изъ вѣтвей глянули на него кроткіе глаза оленя. Теперь тайна собственной видимости разливалась по его кроткому лицу; онъ не двигался не изъ боязни исчезнуть; тонкая улыбка на его широкомъ, простомъ лицѣ сама собою становилась длительной, точно у каменнаго святого и не затрудняла его. Вотъ почему онъ могъ держаться на ногахъ, и эти мгновенія принадлежали къ числу тѣхъ, что олицетворяютъ какъ бы самую вѣчность въ сокращенномъ видѣ. Толпа съ трудомъ выносила видъ его. Подкрѣпленная, насыщенная неисчерпаемымъ утѣшеніемъ, она прерывала тишину радостными криками. Но тогда на балконѣ уже оказывался одинъ Juvenal des Ursins, воспользовавшійся первой же минутой затишья, чтобы объявить, что король прослѣдуетъ на улицу Сентъ-Дени, въ братство страстей, чтобы присутствовать при исполненіи мистерій. Въ такіе дни король былъ преисполненъ кроткой сознательности. Если бы какой-нибудь художникъ того времени задался цѣлью дать понятіе о праведникѣ, пребывающемъ въ раю, онъ не могъ бы найти болѣе совершеннаго прообраза для него, нежели умиротворенный ликъ короля, когда онъ показывался въ одномъ изъ высокихъ оконъ Лувра. Какъ бы осѣненный наклономъ плечъ своихъ, онъ перели-

стывалъ небольшую книжечку Христины де-Пиванъ, озаглавленную: «Пути долгаго познанія» и посвященную ему. Онъ не читалъ ученыхъ споровъ аллегорическаго парламента, задавшагося цѣлью найти князя, достойнаго царить надъ всѣмъ міромъ. Онъ всегда открывалъ книжечку на самыхъ немудреныхъ мѣстахъ, гдѣ говорилось о сердцѣ, что въ продолженіе тринадцати лѣтъ служило въ качествѣ колбы исключительно для того, чтобы на огнѣ страданій дистиллировать глазную воду горечи; онъ понималъ, что истинное утѣшеніе начинается лишь съ того момента, когда счастье окончательно и навсегда утрачено, и не было для него ничего желаннѣе подобнаго утѣшенія. Окидывая взоромъ мостъ по ту сторону дворца, онъ любилъ въ то же время вызывать въ сердцѣ своемъ, предназначенномъ сильной Кумеей для прохожденія великихъ путей, представленіе о мірѣ, какимъ онъ казался тогда: опасныя моря, недоступныя для чужеземцевъ; увѣнчанные странными башнями города; экстатическое одиночество собранныхъ воедино горныхъ цѣпей; небеса, изучить которыя удалось лишь пройдя черезъ боязливыя сомнѣнія, и теперь на подобіе того, какъ срастаются черепа младенцевъ, начинавшія объединяться въ нѣчто цѣлое.

Но стоило кому-нибудь войти въ покой—и король пугался, умъ его медленно начиналъ заво-

лакиваться и онъ позволилъ увести себя отъ окна и чѣмъ-нибудь занять. Они пріучили его цѣлыми часами разсматривать картинки, и это его удовлетворяло; огорчало лишь то, что ихъ можно перелистывать, но нельзя по нѣсколько заразъ разложить передъ собою, и такъ какъ онѣ крѣпко держались въ фоліантахъ, то нельзя и перемѣшать. Тогда кто-то вспомнилъ про забытую колоду картъ, принесъ ее королю и сразу за это попалъ въ милость—до такой степени оказались ему по душѣ раскрашенные листки, каждый со своей собственной пестрой фигурой. И въ то время, какъ весь дворъ игралъ въ вошедшія въ моду карты, король игралъ ими одинъ въ своей библіотекѣ. И думалъ: какъ сейчасъ самъ онъ кладетъ рядышкомъ двухъ королей, такъ недавно Господь соединилъ его съ королемъ Венцелемъ; иногда у него умирала какая-нибудь королева, и онъ прикрывалъ ее тузомъ червей, замѣнявшимъ могильную плиту. Его нисколько не удивляло, что въ игрѣ оказывался не одинъ, а нѣсколько папъ; на краю стола находился Римъ, а рядомъ съ собою, по правую руку, онъ устраивалъ Авиньонъ. Къ Риму онъ относился равнодушно; почему-то онъ представлялся ему круглымъ и помимо этого онъ ничего о немъ не думалъ. Зато Авиньонъ зналъ хорошо. И какъ только вспоминалъ о немъ,

такъ въ памяти его воскресалъ высокій, герметически замыкающійся дворецъ и это переутомляло его. Онъ закрывалъ глаза, глубоко втягивалъ въ себя воздухъ и высказывалъ опасеніе, что ночью ему будутъ сниться плохіе сны.

Но въ общемъ, это занятіе все же дѣйствовало на короля успокоительно и окружающіе были правы, постоянно наталкивая его на него. Часы, проведенные за картами, укрѣпляли въ немъ сознаніе, что онъ король, король Карлъ VI. Это не значило, что онъ придавалъ себѣ слишкомъ большое значеніе, онъ не считалъ себя больше любой карты: но въ немъ крѣпла увѣренность, что онъ тоже карта съ извѣстнымъ, опредѣленнымъ значеніемъ; можетъ быть, и плохая, можетъ быть, выброшенная на столъ въ припадкѣ гнѣва, такая, что всегда проигрываетъ, но все же всегда одна и та же, никогда не другая. Но по прошествіи недѣли, проведенной въ такомъ мирномъ самоутвержденіи, онъ начиналъ чувствовать какое-то стѣсненіе: кожа у него на лбу и затылкѣ напрягалась, точно онъ вдругъ начиналъ ощущать черезчуръ рѣзко очерченный контуръ своей головы. Никто не понималъ, какому онъ поддается искушенію, когда начиналъ справляться о мистеріяхъ и не могъ дождаться ихъ начала. А когда доходило до нихъ, то онъ проводилъ больше времени въ rue Saint Denis, нежели въ своемъ отелѣ Saint Pol.

Эти разыгрываемыя стихотворенія роковымъ образомъ постоянно пополнялись и расширялись, и разростались до десятковъ тысячъ строфъ, такъ что, въ концѣ концовъ, доходили до настоящаго времени; это было похоже на то, какъ если бы сдѣлали глобусъ величиною съ настоящую землю.

Полая эстрада; подъ помостомъ—адъ, а надъ нимъ, на колоннахъ, балконъ безъ перилъ, изображающій рай; послѣднее обстоятельство еще болѣе уничтожаетъ сомнѣніе, потому что текущее столѣтіе и безъ того низвело и адъ и рай на землю: чтобы существовать, ему приходилось черпать свои силы въ томъ и другомъ.

Происходило это въ дни Авиньонскаго христіанства, которое за человѣческій вѣкъ до того какъ бы невольно сплотилось вокругъ Іоанна XXII, съ такой силой непроизвольно ища въ немъ прибѣжища, что тотчасъ послѣ его смерти, въ видѣ крайняго оплота для бездомной души всѣхъ, на мѣстѣ его епископства воздвиглась тяжелая громада дворца, замкнутаго со всѣхъ сторонъ, словно тюрьма. Самъ же онъ, старичекъ маленькій, легонькій, весь духовный, еще жилъ открыто. Но когда онъ, едва прибывъ на мѣсто, не откладывая, быстро и отчетливо предался своей всесторонней дѣятельности, на его столѣ стали появляться блюда, приправленныя ядомъ; первый кубокъ всегда приходи-

лось выливать, такъ какъ кусокъ рога нарвала каждый разъ, когда виночерпій вытаскивалъ его изъ вина, оказывался помутнѣвшимъ. Смущенный семидесятилѣтній старикъ не зналъ, куда прятать свои восковыя изображенія, на которыя повсюду натыкался; посредствомъ ихъ думали извести его. И онъ таскалъ ихъ съ мѣста на мѣсто, раня себѣ руки длинными иглами, которыми онѣ оказывались истыканы. Конечно, ихъ можно было бы растопить, но тайныя козни до такой степени ужасали старика, что онъ, несмотря на ясный разсудокъ, неоднократно поддавался суевѣрію, что этимъ убьетъ себя и, подобно воску на огнѣ, исчезнетъ вмѣстѣ съ своими изображеніями. Отъ страха его высохшее тѣло стало еще худѣе и выносливѣе. Тогда начались покушенія на тѣло его царства; изъ Гренады подсылали къ евреямъ, чтобы они уничтожили всѣхъ христіанъ, и на этотъ разъ были выбраны дѣйствительно ужасные исполнители. Послѣ первыхъ же слуховъ, никто не сомнѣвался уже въ распространеніи проказы; отдѣльныя лица утверждали, что, видѣли какъ евреи бросали въ колодцы узлы тряпья, пропитаннаго заразой ужаснѣйшаго разложенія. То, что въ это сейчасъ же увѣровали, доказывало вовсе не легковѣріе, наоборотъ, вѣра стала до того затруднительна, что ускользала у трясущихся отъ ужаса людей и погружалась на

дно колодцевъ. И снова приходилось ревностному старцу охранять кровь отъ отравы. Въ періодъ своего подчиненія суевѣрію онъ предписалъ себѣ самому и всѣмъ окружающимъ, ради защиты отъ демоновъ сумеречныхъ, читать молитву Angelus и во всемъ взбудораженномъ мірѣ ежедневно по вечерамъ раздавался звонъ колоколовъ, сопровождающій эту молитву успокоенія. Но кромѣ нея, всѣ буллы и письма, исходившіе отъ него, дѣйствовали скорѣе какъ пряное вино, нежели какъ успокоительное питье. Имперія не поддавалась его врачеванію, зато онъ забрасывалъ ее доказательствами ея болѣзни и къ властному врачу стали обращаться даже съ Дальняго Востока.

Но тутъ совершилось невѣроятное. Въ день всѣхъ святыхъ онъ сказалъ проповѣдь; говорилъ дольше, горячѣе нежели всегда; въ внезапномъ порывѣ, охваченный потребностью самому еще разъ ощутить свою вѣру, онъ показалъ ее другимъ. Медленно, всѣми силами души вызвалъ онъ ее со дна восьмидесятилѣтней дарохранительницы и показалъ народу съ высоты своей кафедры—и народъ сталъ кричать на него! Вся Европа кричала: плоха же его вѣра!

Тогда папа исчезъ. Въ продолженіе многихъ дней отъ него ничего не исходило; онъ стоялъ на колѣняхъ въ своей спальнѣ и старался открыть тайну людей дѣйствія, людей, что вредятъ

своей собственной душѣ. Наконецъ, онъ появился, истощенный тяжкимъ углубленіемъ въ самого себя, и отрекся отъ своей вѣры. Онъ разъ за разомъ отрекался. Отрекаться стало старческой маніей его духа. Случалось, что онъ ночью приказывалъ будить своихъ кардиналовъ, чтобы бесѣдовать съ ними о своемъ раскаяніи. И, можетъ быть, въ концѣ концовъ только надежда еще глубже смириться передъ Наполеономъ Орсини, ненавидѣвшимъ его и не желавшимъ явиться къ нему, только эта надежда и продлила жизнь его свыше всякой мѣры.

Яковъ Кагоръ отрекся. И можно было подумать, что самъ Богъ хотѣлъ подтвердить его заблужденіе, потому что такъ быстро послѣ этого дозволилъ объявиться сыну графа де-Линь; повидимому, тотъ только для того и дожилъ до своего земного совершеннолѣтія, чтобы уже мужемъ вкусить духовное блаженство небесъ. Многіе изъ тѣхъ, что помнили свѣтлаго мальчика во времена его кардинальства, еще находились въ живыхъ; потомъ, юношей, онъ уже сталъ епископомъ и, едва достигнувъ восемнадцати лѣтъ, въ экстазѣ своего совершенства, внезапно скончался. Около его могилы видѣли умершихъ, потому что въ воздухѣ вокругъ нея витала освобожденная чистая жизненная сила и она-то еще долгое время продолжала воздѣйствовать на тѣла умершихъ. Но

развѣ не сказывалась даже и въ этой скороспѣлой святости доля отчаянія? Развѣ не было несправедливостью относительно всѣхъ людей, что чистая ткань его души едва успѣла быть сотканной? Какъ будто только и нужно было, что окрасить ее въ яркую, свѣтящуюся краску, что бурлила въ обожженой пурпурной чашѣ того времени? Развѣ не чувствовалось какъ бы отраженнаго удара оттого, что этотъ юный князь отпрянулъ отъ земли и предпринялъ свой страстный путь на небо? Почему испускающіе свѣтъ не оставались тѣми, что занимались производствомъ свѣчей? И развѣ не мракъ довелъ Іоанна XXII до утвержденія, что до второго пришествія не можетъ быть полнаго блаженства нигдѣ, даже и среди блаженныхъ? И дѣйствительно, до чего должно было доходить внутреннее озлобленіе и чувство произвола, чтобы представить себѣ, что въ то время, какъ здѣсь происходитъ такая невообразимая путаница, гдѣ-то тамъ уже находятся святые, купающіеся въ сіяніи Божіемъ, поддерживаемые ангелами и насыщенные неистощимымъ созерцаніемъ Его.

И вотъ, я сижу въ холодную ночь и пишу, и все это понимаю. Можетъ быть, мнѣ стало это понятно потому, что я встрѣтился тогда,

когда еще былъ маленькимъ, съ тѣмъ человѣкомъ? Онъ былъ очень великъ и, какъ мнѣ теперь представляется, навѣрное, бросался въ глаза своей величиной. Вечерѣло и, какъ это ни невѣроятно, мнѣ удавалось выбраться изъ дому одному; я побѣжалъ, обогнулъ уголъ и въ то же мгновеніе наткнулся на него. Какъ-то непонятно, чтобы то, что случилось, произошло въ какія-нибудь пять секундъ. Какъ ни разсказывай сжато, все же разсказъ займетъ гораздо больше времени. Налетѣвъ на него, я причинилъ себѣ боль; я былъ еще очень малъ и мнѣ казалось, что довольно и того, что я не заревѣлъ, и я невольно ждалъ утѣшеній. Но такъ какъ встрѣчный не проявлялъ ни малѣйшаго намѣренія что-либо сдѣлать для этого, то я объяснилъ себѣ это его смущеніемъ.

Ему, думалъ я, не приходитъ въ голову подходящей шутки, которая разрѣшила бы весь инцидентъ. Я уже настолько развеселился, что былъ готовъ придти къ нему на помощь, для чего требовалось заглянуть ему въ глаза.

Я уже упоминалъ, что онъ былъ высокаго роста и не наклонялся надо мною, что было бы вполнѣ естественно, а потому лицо его оказалось на такой высотѣ, какой я не ожидалъ. Я все еще слышалъ лишь запахъ его и ощущалъ необычайную жесткость его одѣянія. Но внезапно выступило

и лицо. Какое оно было? Не знаю и не хочу знать. Это было лицо врага. И рядомъ съ этимъ лицомъ, совсѣмъ близко, на высотѣ ужасныхъ глазъ, словно вторая голова, оказался его кулакъ. Не успѣвъ еще отвернуться, я уже бросился бѣжать; обогнулъ его слѣва и побѣжалъ внизъ по пустынной, ужасной улицѣ, улицѣ чуждаго мнѣ города; города, въ которомъ не прощаютъ.

И тогда я пережилъ то, что сейчасъ постигаю: эпоху тяжкую, массивную, преисполненную отчаянія; пережилъ время, когда поцѣлуи примиренія двухъ людей служили знакомъ для толпившихся вокругъ убійцъ. Они пили изъ одного кубка, на глазахъ у всѣхъ садились на одну и ту же верховую лошадь и распространяли слухи, что проведутъ ночь въ одной кровати, и, благодаря такой близости ихъ, отвращеніе другъ къ другу до такой степени обострялось, что всякій разъ, когда одинъ изъ нихъ ощущалъ біеніе сердца другого, въ немъ поднималась болѣзненная гадливость, точно при видѣ жабы. Я пережилъ то время, когда братъ напалъ на брата изъ-за большей части наслѣдства и заключилъ его въ темницу. Правда, король тогда заступился за угнетеннаго, добился его освобожденія и вернулъ ему отнятое. Занявшись другими важными дѣлами, старшій отдалъ захваченное и письменно сознался въ своей неправотѣ. Но, несмотря на это, освобожден-

ный уже никогда болѣе не могъ оправиться. Духъ того времени гонитъ его изъ одной церкви въ другую, заставляя придумывать все болѣе и болѣе странные обѣты. Увѣшанный амулетами, онъ шопотомъ передаетъ монахамъ Сентъ-Дени свои опасенія и долгое время въ ихъ книгахъ фигуририруетъ пятифунтовая свѣча, которую онъ счелъ нужнымъ принести въ даръ св. Людовику. Своей собственной жизни онъ такъ и не сумѣлъ устроить, и до самой смерти зависть и гнѣвъ брата казались ему чѣмъ-то въ родѣ искаженія или нарушенія соотношеній различныхъ звѣздъ другъ къ другу. А тотъ графъ де Foix, Гастонъ Фебусъ, которому всѣ удивлялись, развѣ онъ въ Лурдѣ не убилъ открыто своего кузена Эрна, начальника воинскаго отряда англійскаго короля? И что значило это открытое убійство по сравненію съ ужаснѣйшей случайностью, когда онъ, позабывъ отбросить въ сторону маленькій, острый, ноготной ножъ, что держалъ въ славившейся красотой рукѣ, въ порывѣ гнѣва, осыпая упреками лежащаго сына, судорожно провелъ имъ по обнаженной шеѣ послѣдняго. Въ комнатѣ было темно и пришлось освѣтить ее, чтобы узнать, откуда течетъ кровь. А она тайкомъ вытекала изъ крохотной раны истощеннаго мальчика и, такимъ образомъ, навѣки изсякла во всемъ старинномъ родѣ.

Кто могъ въ тѣ времена быть сильнымъ и воздержаться отъ убійства? Кто тогда не понималъ, что крайности неизбѣжны? То тамъ, то тутъ, кто-нибудь, встрѣтившій на себѣ днемъ испытующій взоръ будущаго убійцы, ощущалъ странное предчувствіе. И тогда человѣкъ этотъ удалялся, запирался у себя, излагалъ свою посмертную волю, заказывалъ себѣ носилки изъ ивовыхъ прутьевъ, надѣвалъ рясу целестиновъ и приказывалъ посыпать свой путь пепломъ. Передъ его замкомъ появлялись чужестранные менестрели и онъ по-княжески одаривалъ ихъ за пѣсни, соотвѣтствующія его неяснымъ предчувствіямъ. Въ глазахъ псовъ его появлялось сомнѣніе и они становились не столь увѣренными въ своихъ ласкахъ.

И девизъ, въ продолженіе всей жизни имѣвшій одно значеніе, теперь постепенно обнаруживалъ двоякій смыслъ. Какая-нибудь укоренившаяся привычка вдругъ начинала казаться устарѣлой, но ее не замѣняла новая. Если возникали какіе-нибудь планы, то они разрабатывались только въ общемъ смыслѣ, безъ всякой вѣры въ ихъ осуществимость, и, наоборотъ, какое-нибудь воспоминаніе неожиданно принимало форму рѣшающей законченности. Вечеромъ у огня онъ, повидимому, всецѣло предавался послѣднимъ. И уже забытые ночные звуки на дворѣ снова становились совер-

шенно явственными. Ухо, пріучившееся за множество ночей, проведенныхъ подъ открытымъ небомъ среди опасностей, различать всѣ составныя части тишины, снова начинало вникать въ нее, но на этотъ разъ все казалось инымъ: это уже не была ночь, соединяющая вчера съ сегодня,—а вообще ночь.

Ночь. Beau Sire Dieu и потомъ Воскресеніе. Въ такіе часы восхваленія возлюбленной и то едва-едва могли отвлечь его отъ собственныхъ мыслей, но и они сводились къ пѣснямъ или стихотвореніямъ, писаннымъ на извѣстные случаи, и смыслъ ихъ изъ-за длинныхъ, влачащихся, напыщенныхъ эпитетовъ казался темнымъ. Самое большее, если они вызывали въ душѣ представленіе о полномъ, женственномъ взглядѣ батарда въ темнотѣ.

Когда передъ ужиномъ онъ опускаетъ руки въ серебряный тазъ, его вдругъ охватываетъ задумчивость... Надъ собственными руками онъ задумается. Возможно ли ввести соотвѣтствіе въ ихъ поступки? Послѣдовательную связь между дѣйствіемъ хватанія и удерживанія, такъ чтобы одно вытекало изъ другого? Всѣ пытались выполнить или то, или другое; всѣ хотѣли, но никто не дѣйствовалъ. Нигдѣ не было и слѣда дѣйствій за исключеніемъ Братства Страстей. Король посмотрѣвъ ихъ мистеріи, самъ сочинилъ для нихъ

льготную грамоту, назвалъ дорогими братьями, и не было для него никого ближе ихъ. На словахъ имъ было дано дозволеніе въ своемъ званіи вращаться въ обществѣ смертныхъ, ибо онъ страстно желалъ, чтобы они заразили и увлекли за собою возможно большее количество людей, ибо въ ихъ трудѣ сказывалась и сила, и порядокъ, и правильность. Что до него самого, то онъ жаждалъ научиться у нихъ чему-нибудь. Развѣ онъ не носилъ такого же какъ и они платья, и не тѣ ли же знаки были на нихъ, что и на немъ? Когда онъ слѣдилъ за ихъ игрой, ему казалось, что можно приходить и уходить, высказываться и дѣлать выводы такъ, чтобы не оставалось никакихъ сомнѣній. Въ его сердцѣ зарождались необычайныя надежды. Изо дня въ день появлялся онъ въ безпокойно освѣщенномъ, странномъ, какомъ-то неопредѣленномъ залѣ св. Троицы и садился на предназначенное ему лучшее мѣсто. Отъ волненія онъ, словно школьникъ, вскакивалъ по временамъ, но старался сдержаться и взять себя въ руки. Другіе плакали, у него же лишь внутри накапливались блестящія слезинки и, чтобы найти въ себѣ силы перенести ихъ, онъ крѣпко сжималъ похолодѣвшія руки. Иногда, въ минуты крайняго напряженія, когда какой-нибудь изъ актеровъ, произнеся до конца свою роль, вдругъ исчезалъ съ поля его зрѣнія, онъ обра-

щалъ свое лицо кверху и пугался: да съ которыхъ же поръ находиться наверху, у края помоста, Saint Michel въ серебряномъ, сверкающемъ одѣяніи? Въ такіе моменты онъ выпрямлялся и окидывалъ окружающихъ такимъ взглядомъ, точно собирался выступить съ какимъ-то рѣшающимъ заявленіемъ. Онъ былъ совсѣмъ близокъ отъ того, чтобы найти pendant къ разыгравшемуся дѣйству—уразумѣть великую, боязливую, свѣтскую мистерію, въ которой самъ игралъ. И вдругъ все исчезало. Всѣ начинали двигаться безо всякаго смысла. Его окружали пылающіе факелы, а нишу наверху заволакивали безформенныя тѣни. Незнакомые его люди теребили его. Онъ желалъ самъ играть, но не могъ произнести ни слова, его движенія не претворялись въ жесты. Люди же окружали его такой тѣсной стѣной, что ему начинало представляться, будто онъ долженъ нести крестъ, и онъ хотѣлъ дождаться, пока его не принесутъ ему, но толпа оказывалась сильнѣе и понемногу выталкивали его изъ помѣщенія. Не знаю почему, но кругомъ многое измѣнилось въ душѣ и передъ лицомъ твоимъ, Господи? Но въ душѣ и передъ лицомъ твоимъ, зритель, развѣ мы не разыгрываемъ и теперь мистерій? Право, оказывается, что мы не знаемъ ролей, ищемъ зеркала, хотѣли бы стереть съ себя гримъ, сбросить съ себя все фальшивое и стать естественными...

Но гдѣ-то, все еще остается немножко грима, который забыли стереть. Наши брови принимаютъ преувеличенное выраженіе, мы не замѣчаемъ, что углы рта у насъ искривлены и расхаживаемъ въ такомъ видѣ, изображая не то пародію, не то что-то въ родѣ чего-то, ни лицедѣи, ни просто люди.

Случилось это въ театрѣ Оранжа. Не разсматривая его въ деталяхъ и лишь отдаваясь впечатлѣнію отъ мощныхъ развалинъ, составляющихъ въ настоящее время его фасадъ, я прошелъ черезъ маленькую стеклянную дверь сторожки и оказался среди наваленныхъ тѣлъ колоннъ и маленькихъ деревьевъ, лишь на одно мгновеніе скрывшихъ отъ меня открытую раковину зрительнаго зала съ наклоннымъ поломъ; полуденныя тѣни подраздѣляли его на части, и онъ напоминалъ собою исполинскіе вогнутые солнечные часы. Я быстро направился къ нему. Пробираясь между рядами сидѣній, я чувствовалъ, что какъ бы становлюсь меньше среди этой обстановки. Наверху, значительно выше, стояло, некрасиво распредѣлившись на группы, нѣсколько праздныхъ иностранцевъ; ихъ костюмы вырисовывались до непріятности четко, зато размѣръ былъ такъ малъ, что о немъ не стоило и говорить. Они въ свою оче-

редь на мгновеніе остановили на мнѣ свои взгляды и удивились моему масштабу. Это заставило меня повернуться.

О, я оказался совершенно неподготовленнымъ къ тому, что открылось предо мною. На сценѣ шло представленіе. Разыгрывалась безмѣрная, сверхчеловѣческая драма, драма громадной задней стѣны сцены; отвѣсно расчленяясь на три выступа, она казалась грозной своей величиной, почти подавляющей, и все же въ самой безмѣрности соразмѣрной. Преисполненный радостнаго удивленія, я присѣлъ на мѣсто. Тѣни придавали тому, что вздымалось передо мною, сходство съ лицомъ: въ серединѣ его, какъ бы во рту, скопилась темнота, а вверху оно окаймлялось, наподобіе вѣнка изъ правильныхъ завитушекъ волосъ, карнизомъ; все же вмѣстѣ составляло всепреображающую, полную мощи, античную маску, за которой цѣлый міръ воплощался въ одномъ лицѣ. Въ громадной вогнутой дугѣ зрительныхъ мѣстъ царило выжидательное, пустое, словно сосущее прозябаніе; событія же совершались тамъ; тамъ находились и боги и рокъ, и оттуда, изъ-за грани стѣны (поднявъ голову повыше, можно было и это разсмотрѣть) легко склонялись къ землѣ вѣчныя небеса.

Въ этотъ часъ,—теперь я это прекрасно сознаю,—я навсегда отшатнулся отъ нашихъ театровъ. Что мнѣ въ нихъ дѣлать? Что мнѣ дѣлать, сидя передъ сценой, на которой уничтожали такую стѣну (стѣну, напоминающую иконостасъ русскихъ церквей) потому, что у людей уже не хватало силъ выжимать газоподобное дѣйствіе, выступавшее изъ ея твердыни въ видѣ тяжкихъ крупныхъ масляныхъ капель. Теперь пьесы просѣиваются крупинками сквозь грубое рѣшето подмостковъ, тогда дѣйствіе нагромождается цѣлой кучей, и когда послѣдняя достигаетъ значительныхъ размѣровъ, ее попросту выметаютъ. Это та же недозрѣвшая дѣйствительность, что разгуливаетъ по улицамъ и ютится по домамъ, съ тою разницею, что на сценѣ ея въ одинъ вечеръ скопляется гораздо больше, нежели обыкновенно совершается въ такой промежутокъ времени*). Будемъ же правдивы: у насъ нѣтъ театра, также какъ и нѣтъ Бога. Для того и другого необходима общность. У каждаго есть свои собственныя фантазіи и опасенія, и онъ ровно настолько высказываетъ ихъ передъ другими, насколько ему это съ руки и по вкусу. Мы постоянно разжижаемъ наше пониманіе, чтобы его хватило на все, вмѣсто того, чтобы стучаться въ стѣну общихъ несчастій, позади которой непостижимое имѣло время накопиться и разростись.

---

*) Въ рукописи помѣчено на краяхъ.

И если бы у насъ былъ театръ, развѣ бы ты, трагическая, выступала передъ тѣми, что удовлетворяютъ свое торопливое любопытство видомъ твоихъ страданій, худенькая, такая духовно-обнаженная, не защищенная наружностью? Когда еще ребенкомъ, въ Веронѣ, ты, играя въ театрѣ, вмѣсто маски держала передъ собою розы, чтобы онѣ, нагромождаясь, стѣною прикрыли тебя отъ взоровъ зрителей,—ты уже впередъ знала, несказанно-трогательная, что всѣ страданія будутъ дѣйствительно пережиты тобою. Вѣрно и то, что ты вышла изъ семьи актеровъ; но когда играли твои родные, они хотѣли, чтобы на нихъ смотрѣли, ты же уродилась не въ нихъ. Для тебя твое призваніе должно было стать тѣмъ-же, чѣмъ для Маріанны Алькофорадо стало монашество, хотя сама она и не догадывалась объ этомъ—переодѣваніемъ, въ достаточной мѣрѣ польнымъ и длительнымъ, чтобы подъ его прикрытіемъ безудержно отдаться отчаянію, съ тою же глубиною, съ какою блаженствуютъ невидимые блаженные. Во всѣхъ городахъ, гдѣ ты появлялась, описывали твою игру, но они не понимали, что изо дня въ день, все болѣе углубляясь въ отчаяніе, ты выдвигала передъ собою все новыя и новыя творенія, чтобы самой совершенно скрыться за ними. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ просвѣчивала частичка тебя самой, ты показывала волосы, руки, какую-нибудь непроницаемую вещь; ты дыханіемъ своимъ затемняла прозрачное стекло, ты съеживалась, ты пряталась, какъ прячутся дѣти, а потомъ испускала короткій ликующій возгласъ, и тогда развѣ только ангелъ посмѣлъ бы искать тебя. Но когда послѣ этого ты осторожно поднимала глаза, то уже не могла сомнѣваться, что они все время видѣли тебя, всѣ, что сидѣли въ безобразномъ, поломъ, точно глазастомъ залѣ, видѣли тебя, тебя, тебя и больше ничего.

И у тебя являлось желаніе протянуть къ нимъ руку, дѣлая пальцами знакъ заклятія отъ дурного глаза; и у тебя являлось желаніе вырвать у нихъ свое лицо, которое они теребили; у тебя являлось желаніе быть самой собою... и партнеровъ твоихъ охватывалъ страхъ, точно ихъ заперли съ самкой пантеры; они жались къ кулисамъ и говорили что попало, лишь бы не раздражать тебя. Но ты вытаскивала ихъ на авансцену, заставляла стоять впереди и обращалась съ ними, какъ съ настоящими. Мелкія двери, намалеванныя занавѣси, предметы безъ задниковъ, какъ бы вызывали въ тебѣ страсть противорѣчія. Ты чувствовала, какъ сердце твое неудержимо поднимается до безграничной дѣйствительности и, испуганная, дѣлала новую попытку отвратить отъ себя взоры зрителей, какъ бы снять длинныя нити бабьяго лѣта: но зрители, опасаясь, что ты дойдешь до

послѣдней грани, разражались взрывомъ одобренiй, какъ бы желая въ послѣднiй моментъ отклонить отъ себя что-то, что могло бы заставить ихъ измѣнить свою жизнь.

Плохо живется тѣмъ, которыхъ любятъ, и всегда имъ грозитъ опасность. Ахъ, если бы они побороли себя и стали любящими! Любящiе находятся внѣ опасности. Никто не станетъ подозрѣвать ихъ и сами они не могутъ выдать себя. Въ нихъ и тайна прiобрѣтаетъ единство, въ нихъ она не распадется на части, и они, подобно соловьямъ, всю ее цѣликомъ разглашаютъ вокругъ. Оплакиваютъ они одного, но вся природа присоединяется къ нимъ: въ нихъ говоритъ тоска по вѣчномъ. Они бросаются во слѣдъ исчезающему, но съ первыхъ же шаговъ обгоняютъ его и оказываются передъ лицемъ Бога. Легенда о нихъ напоминаетъ легенду о Библисъ, преслѣдовавшей Кауноса до самой Ликiи. Побуждаемая чувствомъ, она гналась по его слѣдамъ по разнымъ странамъ, и наконецъ, силы ея истощились, но такъ велико было въ ней стремленiе впередъ, что упавъ, она снова появилась уже по ту сторону смерти, въ видѣ ключа и стремилась впередъ торопливымъ потокомъ.

Что же случилось и съ Португалкой, какъ не

то, что она внутренно превратилась въ ручей? Что съ тобой, Элоиза? Что съ вами, любящiя, чьи жалобы дошли до нашихъ дней? Гаспара Стампо; графиня фонъ-Ди и Клара д'Андуръ; Луиза Лаббе, Марселина Дебордъ, Элиза Меркуръ? Но ты, бѣдная, легкомысленная Аиссе, ты уже колебалась и сдавалась. Ты, утомившаяся Юлiя Леспинасъ, и ты, грустная легенда счастливаго парка—Марiя-Анна де-Клермонъ.

Я еще отлично помню, какъ однажды давно, еще дома, я нашелъ этюи; оно было величиною съ двѣ ладони, вѣерообразной формы, съ вытисненнымъ на темно-зеленомъ сафьянѣ бордюромъ изъ цвѣточковъ. Когда я его открылъ, оно оказалось пустымъ. Теперь я могу это сказать,— съ тѣхъ поръ, прошло уже столько времени: но тогда я лишь увидалъ, что составляетъ его пустоту: бархатъ, небольшой комочекъ свѣтлаго, уже не совсѣмъ свѣжаго бархата, да торчавшiй въ немъ крючечекъ для драгоцѣннаго украшенья, бывшихъ лишь на каплю тоски свѣтлѣе фона.

Выдержать видъ такого опустошенiя можно было не болѣе минуты; но, можетъ быть, при видѣ женщинъ, любившихъ и оставшихся одинокими, всегда испытываешь то же.

Перелистайте ваши дневники. Развѣ въ весеннее время въ нихъ не всегда встрѣчаются періоды, когда вы чувствовали, будто пробуждающееся время года васъ какъ бы упрекаетъ въ чемъ-то. Вы ощущали желаніе веселиться, а когда выходили на просторъ, наружу, то въ воздухѣ проносилась какая-то отчужденность и походка ваша, словно на кораблѣ, становилась неустойчивой. Садъ начиналъ жить сызнова, вы же въ него приносили съ собою и зиму и прошлый годъ; для васъ въ лучшемъ случаѣ весна являлась продолженіемъ. Пока вы ожидали, чтобы и ваша душа приняла участіе въ окружающемъ, вы вдругъ начинали ощущать тяжесть своихъ членовъ и у васъ являлось что-то въ родѣ предчувствія, что вы можете заболѣть. Вы объясняли это черезчуръ легкимъ костюмомъ, натягивали на плечи шаль, бѣжали до конца аллеи и съ бьющимся сердцемъ останавливались на большомъ кругу, рѣшившись во что бы то ни стало заодно съ окружающимъ зажить обновленною жизнью. Но раздавалось пѣніе птицы, и оно лилось само по себѣ, и не было въ немъ призыва для васъ! Ахъ, если бы вы были вынуждены уже быть умершими! *)

Можетъ быть. Можетъ быть, оно и ново, что-

*) Ach hättet ihr müssen gestorben sein!

мы переживаемъ и годъ и любовь. Когда цвѣты и плоды созрѣваютъ, они падаютъ; животныя чутьемъ отыскиваютъ и соединяются другъ съ съ другомъ и довольны этимъ .Но мы, взявшіе себѣ за образецъ Бога, мы не можемъ удовольствоваться этимъ. Мы подавляемъ нашу природу, намъ требуется еще время для этого. И что значитъ для насъ годъ? Что всѣ года? Прежде чѣмъ мы найдемъ себѣ Бога, мы уже молимся ему: дай намъ пережить ночь. И потомъ болѣзни. И любовь.

И зачѣмъ было умирать Клемансъ де-Бургъ въ самый расцвѣтъ своей молодости? Ей, которой не было равной. Сама—самый чудный изо всѣхъ инструментовъ, на которыхъ она умѣла играть, какъ никто; нельзя было забыть ни малѣйшаго звука, издаваемаго затронутыми струнами ея души, а цѣломудренность ея была такъ несомнѣнна и такъ высока, что одна пламенная любящая посвятила ея распускающемуся сердцу книгу сонетовъ, въ которой каждый стихъ дышетъ неудовлетворенной страстью. Луиза Лаббе не побоялась устрашить этого ребенка продолжительностью любовныхъ страданій; она разсказала ей, какъ по ночамъ разростается тоска, она указала ей на муки, какъ на болѣе широкій міръ... и, несмотря на все это, сознавала, что всѣ испытанныя ею страданія ничто въ сравненіи съ смутно предчувствуемыми

муками этой отроковицы, придававшими ей такую красоту.

Дѣвушки моей родины! Пусть самая красивая изъ васъ въ лѣтнее, послѣобѣденное время отыщетъ въ полутемной библіотекѣ маленькую книгу, напечатанную въ 1556 году Яномъ де-Турнъ; и пусть возьметъ она прохладный, гладкій томикъ и унесетъ его съ собою въ плодовый садъ, наполненный жужжаніемъ пчелъ... или туда, гдѣ цвѣтутъ флокси и витаетъ ихъ приторно-сладкій ароматъ; и пусть прочтетъ она эту книжечку какъ можно раньше, тогда, когда глаза ея еще только что начнутъ слѣдить за собою, и она еще въ состояніи откусывать громадные куски яблокъ и до невозможности набивать ими ротъ.

И когда позднѣе настанетъ періодъ волнующихъ дружбъ, пусть останется вашей тайной, дѣвушки, почему вы будете называть другъ друга именами Дика и Анакторія, Гиринно и Аттисъ. И пусть кто-нибудь, можетъ быть, какой-нибудь пожилой сосѣдъ, много путешествовавшій въ дни юности и давно слывущій за чудака, объяснитъ вамъ значеніе этихъ именъ. И пусть онъ иногда приглашаетъ васъ къ себѣ отвѣдать свои прославленные персики, или посмотрѣть наверху, въ бѣломъ коридорѣ, гравюры Ридингера, изобра-

жающія верховую ѣзду; о нихъ такъ много говорятъ, что видѣть ихъ совсѣмъ необходимо.

И, можетъ быть, вамъ посчастливится уговорить его разсказать вамъ что-нибудь; можетъ быть, въ числѣ васъ найдется дѣвушка, что сумѣетъ упросить его вытащить свои старыя, путевыя замѣтки—и кто знаетъ? Можетъ быть, ей же удастся въ одинъ прекрасный день выманить у него признаніе, что отдѣльныя стихотворенія Сафо сохранились до нашихъ дней; послѣ этого она уже не успокоится, пока не узнаетъ то, что составляетъ тайну этого живущаго въ уединеніи человѣка: а именно, что онъ любитъ временами употреблять свой досугъ на переводы этихъ стихотворныхъ отрывковъ. Онъ вынужденъ будетъ сознаться, что уже давно не думалъ о нихъ, а уцѣлѣвшія въ памяти, увѣряетъ онъ, не стоятъ того, чтобы о нихъ говорить. Но все-таки ему доставитъ удовольствіе прочесть своимъ простосердечнымъ подругамъ, по ихъ настоянію, строфу —другую изъ нихъ. Онъ даже припомнитъ греческій текстъ и сначала на память процитируетъ его, потому что переводъ, по его мнѣнію, плохо передаетъ оригиналъ, а также и для того, чтобы дать понятіе своимъ юнымъ слушательницамъ объ истинной красотѣ массивнаго ритма этого красочнаго языка, вдобавокъ еще выкованнаго на столь сильномъ огнѣ.

И вотъ онъ снова увлечется своей работой и снова начнутся для него почти столь же чудные, какъ и въ юности, вечера, напримѣръ, осенніе, когда впереди такія длинныя и тихія ночи. И подолгу тогда будетъ свѣтиться у него въ кабинетѣ огонь. Но онъ не все время сидитъ, наклонившись надъ бумагой: часто прислоняется къ спинкѣ кресла, закрываетъ глаза и обдумываетъ прочитанныя строки и смыслъ ихъ разливается въ его крови. Никогда онъ до такой степени не проникался духомъ античности; поколѣнія, оплакивавшія тотъ міръ, какъ нѣчто утраченное, въ чемъ, однако, и они охотно приняли бы участіе, вызывали въ немъ улыбку. Теперь онъ сразу же постигаетъ динамическое значеніе ранняго ученія объ единствѣ міра, возникшее изъ совокупной работы всего человѣчества. Его уже не смущаетъ, что послѣдовательность той культуры—застрахованной для будущаго въ полной своей цѣнности—представлялась позднѣйшимъ временамъ чѣмъ-то цѣльнымъ и въ своей цѣльности давно прошедшимъ. Хотя, дѣйствительно, въ тогдашнемъ міросозерцаніи небесная половина жизни была приноровлена къ полушарію земного существованія и составляла съ нею нѣчто единое, какъ двѣ половины полусферы составляютъ одинъ цѣлый золотой шаръ. Но едва это случилось, какъ заключенные въ немъ духи стали считать свое воплощеніе лишь символомъ. Массивное созвѣздіе утратило въ вѣсѣ и вознеслось въ пространство, отражая въ своей золотой округлости сдержанную печаль о томъ, чего еще нельзя было осилить.

И въ то время, какъ онъ, одинокій, ночью раздумываетъ обо всемъ этомъ, раздумываетъ и познаетъ, онъ внезапно замѣчаетъ на подоконникѣ тарелку съ фруктами. Невольно беретъ онъ съ нея яблоко и кладетъ его передъ собою на столъ. Какое отношеніе имѣетъ моя жизнь къ этому плоду, думаетъ онъ. Все уже сдѣланное мною окружено тѣмъ, что еще недокончено и его оказывается не мало.

И вдругъ передъ нимъ возникаетъ, почти черезчуръ быстро, маленькая, распростершаяся въ безконечность, фигурка. По свидѣтельству Галія, всѣ кто только ни произносилъ слова поэтесса подразумѣвалъ ее. Потому что, подобно тому, какъ изъ-за твореній Геракла возникъ міръ, жаждущій уничтоженія и перестройки, такъ и изъ житницъ бытія выплывали и тѣснились и жаждали быть изжитыми чувства ея сердца, моменты ея отчаянія и ея блаженство и съ ними приходилось считаться всѣмъ временамъ.

И вдругъ ему стала ясной рѣшимость ея души, жаждавшей испытать всю любовь цѣликомъ, до самаго конца. Его не удивило, что при ея жизни этого не поняли, что не уразумѣли въ ея любви—

любви будущаго, видѣли одни лишь излишества, а не новое соотношеніе силы любви и сердечныхъ страданій; ее удивляло, что жизнь ея объясняли такъ, какъ въ тѣ времена казалось наиболѣе подходящимъ, и наконецъ, приписывали ей даже смерть тѣхъ, которымъ Богъ внушилъ желаніе переживать свою любовь однимъ, не ища взаимности. Можетъ быть, даже въ числѣ ею же самой воспитанныхъ подругъ, находились не понимавшія ея, не понимавшія, что на своей высотѣ она оплакиваетъ не кого-нибудь одного, не раздѣляющаго ея объятій, но еще болѣе неосуществимое—невозможность найти достойнаго своей любви.

И тутъ онъ поднимется и подойдетъ къ окну; высокая комната покажется ему слишкомъ низкой—ему захочется узрѣть звѣзды. Онъ не заблуждается относительно самого себя. Онъ знаетъ, что волнуется, потому, что въ числѣ молодыхъ дѣвушекъ-сосѣдокъ есть одна, которая сильно его заинтересовала. У него явится желаніе (не ради себя, нѣтъ, а ради нея) ради нея, постараться въ ночные часы, что бѣгутъ мимо, вникнуть въ права любви. Онъ даетъ себѣ слово ничего изъ продуманнаго не сообщать ей. Ему кажется, что ничего не можетъ быть лучше, какъ бодрствовать одному и ради нея искать истины, разобраться въ томъ, была ли права та далекая любящая, если, зная

напередъ, что вступая въ связь съ мужчиной, нельзя получить ничего, кромѣ одиночества вдвоемъ, ради высшихъ цѣлей, отталкивала отъ себя временную пользу приращенія рода; если она во тьмѣ объятій искала не удовлетворенія, а тоски; если презирала то, что изъ двухъ одинъ являлся только любящимъ, а другой любимымъ; если приносила на свое ложе слабыхъ любимицъ, чтобы собою воспламенить ихъ и возвести въ истинныя жрицы любви, а онѣ потомъ покидали ее. Благодаря этимъ то разставаніямъ, сердце ея и стало какъ бы самой природой. Поднимаясь надъ судьбой, пѣла она своимъ бывшимъ любимицамъ свадебныя пѣсни, усиливая этимъ радость пира. И чтобы онѣ принарядились какъ бы для встрѣчи Бога и умѣли вынести его великолѣпіе, она восхваляла грядущаго супруга.

Еще однажды, Абелона,—уже въ недавніе годы—я неожиданно вновь ощутилъ и понялъ тебя, хотя уже давно не вспоминалъ.

Случилось это въ Венеціи, осенью, въ одномъ изъ тѣхъ салоновъ, въ которомъ проѣзжіе иностранцы собираются вокругъ хозяйки, такой же иностранки, какъ и они сами. Всѣ эти люди топчутся въ гостинной съ чашкой чая въ рукахъ и всякій разъ, когда болѣе свѣдущій сосѣдъ

украдкой поворачивается къ дверямъ и торопливымъ шепотомъ произноситъ какое-нибудь имя, звучащее по-венеціански, приходятъ въ восторгъ. Они готовы услыхать здѣсь самыя громкія имена: ничто не можетъ поразить ихъ, потому что, какъ бы они не были туги на переживанія вообще, но въ этомъ городѣ они, какъ ни въ чемъ небывало, настраиваются на самыя крайнія возможности. Въ повседневной жизни эти люди то и дѣло смѣшиваютъ необычайное съ запрещеннымъ, а потому здѣсь, когда позволяютъ себѣ надежду на нѣчто чудесное, на ихъ лицахъ проступаетъ грубое, безпутное вожделѣніе и то, что дома они допускаютъ обнаруживаться лишь въ рѣдкія мгновенія—въ концертахъ или за чтеніемъ романовъ наединѣ—здѣсь, въ виду благопріятныхъ обстоятельствъ, они разрѣшаютъ себѣ, какъ нѣчто вполнѣ законное. Также какъ, не будучи подготовленными и не сознавая опасности, они совершенно безъ сопротивленія поддаются смертоноснымъ откровеніямъ музыки и пьянѣютъ отъ нихъ, словно отъ тѣлесныхъ соблазновъ, также подпадаютъ, не понимая сущности Венеціи, чарамъ оплачиваемаго ничтожества гондолъ. Пожилые супруги, въ продолженіе всего путешествія обмѣнивавшіеся непріязненными репликами, вдругъ становятся уступчивыми, и между ними молча водворяется миръ. Мужъ чувствуетъ пріятное

утомленіе отъ своихъ идеаловъ, а жена вдругъ начинаетъ ощущать въ себѣ молодость, и желая подбодрить и своего байбака, киваетъ ему и улыбается, точно у нея всѣ зубы изъ сахара и вотъ-вотъ растаютъ. Если же вслушаться въ ихъ разговоръ, то окажется, что они уѣзжаютъ завтра или въ концѣ недѣли.

И вотъ, находясь среди нихъ, я радовался, что никуда не уѣзжаю. Вскорѣ должны были наступить холода и исчезнуть снотворные иностранцы; вмѣстѣ съ ними исчезнетъ и Венеція, разслабляющая, дѣйствующая на людей какъ опіумъ, Венеція, приспособленная къ ихъ предубѣжденіямъ и потребностямъ, а на ея мѣстѣ окажется другая, настоящая, бодрая, но хрупкая до того, что готова разлетѣться вдребезги и все же дѣйствительная, а не придуманная. Та, которую насильственно создали изъ ничего на мѣстѣ затопленныхъ лѣсовъ, ту, что силою принудили возникнуть, которая лишь потомъ, постепенно, вся насквозь загоралась горячею жизнью. Вѣчно бодрый духъ непрестанно заставлялъ переливаться кровь въ закаленныхъ тѣлахъ съ самыми ограниченными потребностями, и въ то же время проницательный, все болѣе и болѣе расширяющійся умъ, сильнѣе запаховъ ароматическихъ странъ проникалъ во все кругомъ. Настоящая Венеція—государство, обмѣнивающее соль и стекло своей

бѣдности на драгоцѣнности другихъ народовъ; государство, даже въ украшеніяхъ котораго сказывается патентная энергія и до крайности утонченные нервы, государство—прекрасный противовѣсъ міра.

Сознаніе, что я такъ хорошо знаю Венецію, до такой степени овладѣло мною въ толпѣ всѣхъ этихъ заблуждающихся людей и я такъ глубоко почувствовалъ разницу ихъ и своихъ взглядовъ, что уже поднялъ глаза, собираясь высказаться. Мнѣ казалось немыслимымъ, чтобы въ этихъ залахъ не было ни одного человѣка безсознательно не ждавшаго бы чтобы ему разъяснили сущность окружающаго, какого-нибудь молодого человѣка, который бы съ перваго же слова уразумѣлъ, что передъ его глазами не очагъ наслажденій, а продуктъ такого напряженія воли, какого болѣе нигдѣ не встрѣтишь, какъ нигдѣ не найдешь примѣра болѣе строгаго проведенія ея въ жизнь. Я прохаживался взадъ и впередъ, и то что я понималъ истину, меня тревожило. Такъ какъ она открылась мнѣ здѣсь, среди людей, то и повлекла за собой желаніе высказать, защитить и доказать ее... И вдругъ я представилъ себѣ смѣшную сцену, какъ я, горя желаніемъ уничтожить ненавистное мнѣ заблужденіе окружающихъ, черезъ минуту захлопаю въ ладоши и начну говорить. Находясь въ такомъ смѣшномъ настроеніи,

я вдругъ увидалъ ее. Она одиноко стояла у сіяющаго окна и смотрѣла на меня; по настоящему, не глазами смотрѣла—они оставались серьезными и задумчивыми—но ртомъ, иронически передразнивавшемъ, очевидно, недоброе выраженіе моего лица. Я сейчасъ же почувствовалъ на своихъ чертахъ нетерпѣніе и напряженіе и постарался придать имъ равнодушный видъ; тогда и ея ротъ принялъ естественное, но высокомѣрное выраженіе. Потомъ, послѣ короткаго размышленія, мы одновременно улыбнулись другъ другу.

Она напоминала, если хотите, извѣстный юношескій портретъ красавицы Бенедикты фонъ-Кваленъ, игравшей извѣстную роль въ жизни Боггезена. Нельзя было заглянуть въ темное затишье ея взгляда, тотчасъ же не представивъ себѣ звонкой темноты ея голоса. Впрочемъ, и прическа, и вырѣзъ свѣтлаго платья, выдавали въ ней жительницу Копенгагена, такъ что я рѣшилъ заговорить съ нею по-датски.

Но для этого мнѣ нужно было приблизиться къ ней, а въ это время съ другой стороны къ ней уже ринулся цѣлый потокъ; даже сама графиня, сіяющая восторгомъ отъ того, что видитъ у себя такое множество гостей, оживленная, разсѣянная и любезная, направилась въ ея сторону, захвативъ съ собою въ подмогу

еще цѣлую кучу людей, и стала просить пропѣть что-нибудь. Я былъ увѣренъ, что молодая дѣвушка станетъ отказываться, извиняясь тѣмъ, что пѣніе на датскомъ языкѣ никого здѣсь интересовать не можетъ. Она именно такъ и сказала, какъ только была въ состояніи произнести хоть слово. Толпа вокругъ свѣтлой фигуры еще болѣе оживилась, кто-то зналъ, что она поетъ по-нѣмецки, «и даже по-итальянски»—смѣясь съ радостной убѣдительностью, добавилъ чей-то голосъ. Я не могъ себѣ представить, какую еще оговорку можно ей придумать, но не сомнѣвался, что она устоитъ. На утомленныхъ отъ продолжительной улыбки, лицахъ упрашивавшихъ ее людей, уже появилось выраженіе сухой обиды; добрѣйшая графиня, чтобы не попасть въ неловкое положеніе, съ сожалѣніемъ и достоинствомъ отступила на шагъ, какъ вдругъ дѣвушка, когда уже это стало совершенно излишнимъ, уступила. Я почувствовалъ, что блѣднѣю отъ разочарованія; мой взглядъ загорѣлся упрекомъ, но я отвернулся: не стоило его показывать ей. Вдругъ она отдѣлилась отъ другихъ и очутилась рядомъ со мною. Платье ея освѣтило, а цвѣточный запахъ ея теплоты охватилъ меня.

— Я въ самомъ дѣлѣ буду пѣть,—сказала она чисто по-дѣтски, и слова ея задѣли мою

щеку.— Не потому, что они хотятъ этого, не ради видимости, а потому, что теперь я не могу не пѣть.

И въ ея голосѣ послышались тѣ же недобрыя ноты и то же нетерпѣніе, отъ котораго за минуту до того она освободила меня.

Я медленно послѣдовалъ за группой, съ которой она удалилась, но у высокихъ дверей отдѣлился отъ нихъ и далъ имъ возможность размѣститься и расположиться, какъ имъ хочется. Прислонившись къ блестящимъ, чернымъ дверямъ, сталъ ждать. Кто-то спросилъ, въ чемъ дѣло и будутъ ли пѣть? Я притворился, будто не знаю. Въ то время, какъ я произносилъ эту ложь, она уже запѣла. Мнѣ ее не было видно. Понемногу водворилась тишина; она исполняла одну изъ тѣхъ итальянскихъ пѣсенъ, которыя иностранцы считаютъ народными, потому что онѣ очень сходны съ ними. Та, что пѣла, этого не думала, исполняла ее съ трудомъ и притомъ слишкомъ тяжеловато. По одобрительному хлопанью рядовъ можно было догадаться, что она ее кончила. Мнѣ было и грустно и стыдно. Произошло какое-то замѣшательство и я рѣшилъ присоединиться къ первому же, направляющемуся къ выходу, человѣку.

Но тутъ вдругъ снова наступила тишина; такая тишина, какую за минуту передъ тѣмъ

врядъ ли можно было считать возможной. Она наростала и напрягалась, и вдругъ ее прорѣзалъ голосъ (Абелона, подумалъ я, Абелона), и теперь уже онъ звучалъ сильно, полно и, несмотря на это, не казался тяжелымъ; звучалъ цѣльно, безъ надлома, безъ шва. Пѣла она неизвѣстную мнѣ нѣмецкую пѣсню, пѣла до странности просто, какъ что-то необходимое.

Она пѣла:

Ты, отъ которой всегда я таю,*)
Горе ночное,
Отъ которой всегда устаю,
Какъ отъ плеска прибоя.
Ты, что не спишь по ночамъ, мечты
Обо мнѣ отъ меня скрывая,
Что, если-бъ пытку такой красоты,
Не утоляя,
Сносить терпѣливо?

И послѣ короткой паузы нерѣшительно продолжала:

Видишь любящихъ—знойныхъ, хмельныхъ...
Только блеснуло сознанье у нихъ,
Они уже лгутъ боязливо.

И затѣмъ вновь наступила тишина. Богъ знаетъ, что вызвало ее. Потомъ люди зашевелились, затолкались, стали извиняться, начали покашливать... было похоже, что эти отдѣльные звуки сольются въ общій опредѣленный шумъ, какъ вдругъ ея голосъ рѣшительный и могучій, но сдержанный, покрылъ все:

*) Переводъ А. Биска.

Съ тобой—я одна. Ты вѣчно въ далекихъ узорахъ.
Вотъ мигъ—это ты, а мигъ—и это лишь шорохъ
Или одинъ ароматъ неземной.
Ахъ, въ объятьяхъ моихъ я ихъ всѣхъ растеряла,
Только ты, ты, вѣчно рождался сначала:
Я не коснусь тебя, оттого ты весь—мой.

Никто не ожидалъ этого. Всѣ чувствовали себя подъ властью этого голоса. Въ концѣ онъ звучалъ до того увѣренно, какъ будто обладательница его за нѣсколько лѣтъ впередъ знала, что наступитъ часъ, когда ему нужно будетъ проявить себя.

Иногда прежде я спрашивалъ себя, почему Абелона не посвятила Богу пламени своего великаго чувства? Я знаю, она жаждала очистить свою любовь отъ всего транзетивнаго, но развѣ правдолюбивое сердце не подсказывало ей, что Богъ можетъ служить лишь указаніемъ извѣстнаго направленія любви, но не объектомъ

ея? Развѣ не знала, что отъ него нельзя ждать взаимности, развѣ не вѣдала что небесный возлюбленный спокойно отодвигаетъ въ даль всякія наслажденія ради того, чтобы дать намъ медлительнымъ, возможность проявить всѣ возможности нашего сердца? Или она не хотѣла прибѣгать къ Христу, боялась, что остановится на полпути и благодаря этому сама возвысится до истинно-любящей? Можетъ быть, отъ этого она неохотно вспоминала и о Юліи Равентловъ? Когда я вспоминаю, что благодаря такому упрощенному отношенію къ Богу, любившія такъ простосердечно, какъ Мехтильда, такъ пламенно, какъ Тереза изъ Авиллы, такъ болѣзненно, какъ Роза изъ Лимы, могли пасть, не устоять, и все же продолжали быть любимыми, то почти убѣжденъ, что это было именно такъ. Ахъ, и вотъ онъ, явившійся опорой для слабыхъ, становился несправедливостью по отношенію этихъ сильныхъ женщинъ. Въ то время какъ онѣ уже ничего не видѣли передъ собою, кромѣ безконечнаго пути къ небесамъ, къ нимъ еще разъ, въ самомъ предверіи этихъ небесъ, приблизился имѣющій земной обликъ и пригрѣлъ ихъ, и смутилъ своей мужественностью и даровалъ пристанище. Линза сердца его, сильно преломляющая лучи, еще разъ вбираетъ и соединяетъ въ себѣ уже ставшіе параллельными

сердечные лучи, и онѣ, надѣявшіяся пріобщиться къ ангеламъ, принимаемымъ имъ за самого Господа, вслѣдствіе засухи томленія снова вспыхиваютъ яркимъ заревомъ.

Быть любимой—значитъ сгорать. Любить—значитъ самой горѣть неугасимымъ масломъ и свѣтить. Быть любимой—значитъ растворяться въ другомъ, любить—продолжиться.

Все же вполнѣ возможно, что позднѣе Абелона и дѣлала попытку думать сердцемъ, чтобы незамѣтно и непосредственно вступить въ общеніе съ Богомъ. Я допускаю, что гдѣ-нибудь существуютъ ея письма, напоминающія вдумчивостью и внимательнымъ прислушиваньемъ къ внутреннему голосу письма княгини Амаліи Голицыной; но, если эти письма писались лицу, съ которымъ она уже нѣсколько лѣтъ была близка, то оно должно было страшно страдать отъ происшедшей въ ней перемѣны. А сама она, я думаю, ничего такъ сильно не боялась, какъ подобныхъ наважденій, которыхъ даже не замѣчаешь сначала, потому что доказательства ихъ наличности постоянно ускользаютъ—до того они кажутся чуждыми нашей природѣ.

Меня нельзя убѣдить въ томъ, что исторія блуднаго сына, въ сущности, не легенда о томъ,

который не хотѣлъ быть любимымъ. Всѣ въ домѣ любили его ребенкомъ. Подрастая, онъ не зналъ иного отношенія и все болѣе и болѣе свыкался съ мягкостью, такъ какъ все же еще оставался маленькимъ. Но ставъ мальчикомъ, ему захотѣлось нѣсколько измѣнить свои привычки; объяснить этого онъ не сумѣлъ бы, но по цѣлымъ днямъ началъ бродить одинъ по окрестностямъ; даже собакъ и тѣхъ не бралъ съ собою, потому что и онѣ его любили, и въ ихъ глазахъ онъ видѣлъ сочувствіе, ожиданіе, заботу и наблюденіе за собою; потому что и въ ихъ присутствіи ничего нельзя было сдѣлать безъ того, чтобы не огорчить или не обрадовать ихъ.

Къ чему онъ тогда болѣе всего стремился, такъ это къ полному сердечному индеферентизму. Иногда, рано утромъ, гдѣ-нибудь въ полѣ, это ощущеніе наполняло всего его такою необычайной ясностью, что онъ пускался бѣжать, чтобы только не имѣть ни времени, ни духу быть чѣмъ-то большимъ, нежели мимолетное мгновеніе, въ которое познается утро. Передъ нимъ открывалась тайна его жизни, еще никогда дотолѣ не изжитой. Невольно сворачивалъ онъ съ тропинки и бѣжалъ цѣликомъ, протянувъ руки, будто собираясь на этомъ просторѣ сразу осилить нѣсколько направленій. Потомъ растягивался гдѣ-нибудь за заборомъ, гдѣ никто не

обращалъ на него вниманія; вырѣзалъ себѣ дудочку, швырялъ камень въ маленькаго хищника, нагибался и заставлялъ какого-нибудь жучка поворачивать обратно, и все это не вліяло ни на чью судьбу, и небеса разстилались надъ нимъ какъ и надъ всей природой. Потомъ наступалъ полдень и онъ наполнялъ его разными выдумками; воображалъ, что находится на островѣ Тортугоа, и то, что онъ находился на немъ, ни къ чему его не обязывало; онъ осаждалъ Campêche, завоевывалъ Пера-Крузъ; для него было возможно превратиться въ цѣлое войско, или корабль на морѣ, смотря по желанію. Если же ему вдругъ приходило въ голову стать на колѣни, то онъ въ одно мгновеніе превращался въ Деодата-де-Гозона и мигомъ побѣждалъ дракона; еще разгоряченному свершеннымъ подвигомъ, ему тутъ же приходилось выслушивать, что такое геройство съ его стороны дерзость и что онъ преисполненъ непослушанія. Потому что никакія мелочи, имѣющія отношеніе къ дѣлу, имъ не забывались. Но какъ ни разыгрывалось воображеніе у него, все же еще оставалось достаточно времени, чтобы въ промежутки между остальными превращеніями вообразить себя просто птицей, все равно какой. И только послѣ этого онъ возвращался домой.

И Богъ мой! чего-чего только не приходилось

забывать тогда и оставлять позади себя; забыть по настоящему, вот что было необходимо, иначе, пожалуй, выдашь себя, когда они очень уже сильно начнутъ приставать.

Но какъ мальчикъ ни мѣшкалъ и не оглядывался назадъ, все же, въ концѣ концовъ, на горизонтѣ появился отчій кровъ. Первое окно на верху словно окидывало его взглядомъ—вѣроятно, кто-нибудь стоялъ за нимъ. Собаки, въ которыхъ за день скопилось ожиданіе, прорывались сквозь кусты и всѣ вмѣстѣ гнали его къ тому, къ кому считали нужнымъ. Остальное доканчивалъ домъ. Стоило войти въ него, вдохнуть въ себя его насыщенный запахъ и главное оказывалось уже рѣшеннымъ. Мелочи могли еще измѣниться, но въ общемъ онъ уже становился тѣмъ самымъ, за кого его здѣсь считали, тѣмъ, кому они уже давно состряпали изъ прошедшаго и своихъ собственныхъ желаній рецептъ жизни; существомъ общительнымъ, денно и нощно пребывающимъ подъ гипнозомъ ихъ любви, растягивающимся между ихъ надеждой и недовѣріемъ, ихъ порицаніемъ и ихъ похвалой.

Такому субъекту, понятно, не помогутъ никакія предосторожности, когда онъ начнетъ потихоньку взбираться по лѣстницѣ,—вѣдь, все равно, всѣ видятъ въ гостиной, и стоитъ ему лишь открыть дверь, чтобы они его увидали. Если

онъ останется въ темнотѣ, желая тамъ переждать ихъ вопросы, то наступитъ самое худшее. Они возьмутъ его за руки, притянутъ къ столу и всѣ, сколько ихъ есть, съ любопытствомъ наклонятся къ лампѣ. Имъ хорошо,—они-то остаются въ тѣни, и только на него одного вмѣстѣ со свѣтомъ падетъ и стыдъ за то, что у него имѣется свое собственное лицо.

Остаться ли ему съ ними, обезьянничая съ нихъ и разыгрывая какое-то жалкое подобіе жизни по ихъ рецепту, всѣмъ обличьемъ своимъ постепенно становясь все болѣе и болѣе похожимъ на нихъ? Будетъ ли онъ разрываться между нѣжной правдивостью своей воли и неловкимъ обманомъ, уничтожающимъ и ихъ же самихъ въ въ его глазахъ, или откажется подражать имъ и этимъ, быть можетъ, нанесетъ ударъ тѣмъ членамъ семьи, у которыхъ слабое сердце?

Нѣтъ, онъ уйдетъ. Напр., въ день своего рожденія, когда всѣ будутъ заняты приготовленіемъ для него стола съ подарками, будутъ раскладывать на немъ вещи, которыя онъ, якобы, желалъ имѣть и которыя должны на время сгладить всѣ шероховатости. Уйдетъ навсегда. Лишь гораздо позднѣе онъ уяснитъ себѣ, что въ то время давалъ зарокъ никогда не любить, чтобы никого не ставить въ ужасное положеніе быть любимымъ. Онъ вспомнитъ это нѣсколько лѣтъ

спустя и убѣдится, что и это намѣреніе, какъ и многія другія, осталось невыполненнымъ. Потому что онъ любилъ, и опять любилъ въ своемъ одиночествѣ, каждый разъ всѣмъ существомъ своимъ и съ неописуемымъ страхомъ за свободу другого. Лишь постепенно научился онъ вмѣсто того, чтобы уничтожать любимое существо своимъ чувствомъ, насквозь пронизывать его лучами его. И тогда все существо возлюбленной становилось все болѣе и болѣе прозрачнымъ, и онъ постигъ восторгъ познавать какъ бы сквозь него дали, что открывались въ ней его безпредѣльной жаждѣ обладанія. И какъ онъ плакалъ тогда цѣлыми ночами напролетъ отъ желанія самому быть пронизаннымъ такимъ же свѣтомъ. Но возлюбленная отдаваясь, отъ этого еще не становится любящей. О, безутѣшныя ночи, когда онъ получалъ обратно свои же дары, исходящіе изъ него цѣлымъ потокомъ, въ обломкахъ, отяжелѣвшими отъ бренности. Какъ вспоминалъ онъ тогда трубадуровъ, ничего не боявшихся такъ сильно, какъ быть услышанными. Все пріобрѣтенное и пріумноженное золото отдавалъ онъ, только бы хотя короткое время еще сомнѣваться въ этомъ. Онъ оскорблялъ ихъ своей грубой расплатой, ежечасно опасаясь, чтобы они не согласились отвѣчать на его любовь. Потому что у него болѣе

не было надежды встрѣтить такую любящую, что сумѣла бы всего его пронизать своимъ чувствомъ.

Даже въ то время, когда бѣдность ежедневно грозила ему все новыми жестокостями, и онъ сталъ какъ бы любимой и совершенно потрепанной игрушкой несчастій, когда, въ видѣ предохранительныхъ клапановъ противъ черной смерти, по всему тѣлу у него раскинулись нарывы, когда видъ нечистотъ, среди которыхъ онъ очутился, внушалъ ему страхъ, тогда какъ и самъ онъ уподобился имъ—даже еще и тутъ одна мысль, что ему могутъ отвѣчать на любовь, наполняла его величайшимъ ужасомъ. Что значила мгла по сравненію съ безпросвѣтной грустью тѣхъ объятій, въ которыхъ съ того времени все тонуло. Развѣ онъ не просыпался съ чувствомъ, что для него нѣтъ будущаго? Развѣ не разгуливалъ взадъ и впередъ безо всякаго смысла, такъ какъ для него болѣе не могло существовать никакой опасности? Развѣ не приходилось ему тысячи разъ давать обѣщанія не умирать? Можетъ быть, живучесть ужасныхъ воспоминаній, сохранившихъ для себя право на мѣстечко въ періодѣ между двумя встрѣчами, давала ему возможность продолжать жизнь среди отбросовъ. Въ концѣ концовъ, его снова отыскали. И лишь тогда, во времена его пастушества, прошлое, полное событій, нѣсколько успокоилось.

Кто опишетъ, что случилось съ нимъ тогда? Какой поэтъ обладаетъ нужной убѣдительностью согласовать длину его дней съ краткостью жизни вообще. Какое искусство достаточно разносторонне, чтобы одновременно изобразить и его худую, закутанную въ плащъ фигуру, и безконечность его ночей? Въ это время онъ, точно выздоравливающій послѣ тяжкой болѣзни, чувствовалъ себя во всемъ и въ то же время не чувствовалъ своего образа. Онъ ничего не любилъ, кромѣ самаго существованія. Низменная любовь барановъ въ стадѣ не нравилась ему; подобно свѣту, падающему сквозь облака, она разливалась вокругъ и расплывалась нѣжнымъ сіяніемъ надъ лугами. По невиннымъ слѣдамъ ихъ голода молча бродилъ онъ по лугамъ міра. Чужіе видѣли его на Акрополѣ и, можетъ быть, онъ долгое время былъ однимъ изъ пастуховъ въ Бо и видѣлъ, какъ время превращалось тамъ въ камень и пережило знатный родъ (который, не взирая на покореніе семи и трехъ, не могъ одолѣть шестнадцати лучей своей звѣзды). Можно также представить себѣ его въ Оранжѣ, гдѣ-нибудь прислонившимся къ сельскимъ вратамъ. Могу вызвать его образъ и среди населеннаго тѣнями Алликампа, гдѣ среди разверстыхъ могилъ, напоминающихъ могилы воскресшихъ, онъ слѣдитъ взоромъ за полетомъ стрекозъ.

Все равно. Я вижу болѣе, нежели его, я вижу его внутренній міръ, въ которомъ въ то время зарождалась длительная любовь къ Богу и начиналась тихая, безцѣльная работа. Потому что въ немъ, хотя онъ вѣрилъ, что уже навсегда застрахованъ отъ этого, еще разъ стало накопляться и наростать сознаніе невозможности быть инымъ, чѣмъ онъ есть. Но на этотъ разъ онъ надѣялся быть услышаннымъ. За время долгаго уединенія все его существо прониклось предчувствіемъ и духъ его уже не могъ ошибиться, и онъ возвѣщалъ ему, что тотъ, о комъ онъ теперь мечтаетъ, умѣетъ любить любовью лучезарной, всепроникающей... Но когда онъ взалкалъ, наконецъ, испытать такую высшую любовь, чувства его, привыкшія къ далямъ, тутъ же и постигли крайнюю отдаленность Бога. Настали ночи, когда онъ думалъ броситься къ нему въ пространство; часы, преисполненные открытій, когда онъ чувствовалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы спуститься на землю и бурнымъ потокомъ своего сердца вознести ее съ собою наверхъ. Онъ уподоблялся человѣку, слышащему чудный языкъ и въ припадкѣ горячки рѣшающему писать на немъ стихи. Но впереди его ждало разочарованіе—онъ долженъ былъ понять всю трудность этого языка; сначала онъ не вѣрилъ, чтобы цѣлая, долгая жизнь могла

уйти на то, чтобы выучиться составлять на немъ первыя, коротенькія фразы, не имѣющія даже смысла. Онъ бросился изучать его, какъ скороходъ бросается бѣжать на призъ; но трудность того, что предстояло преодолѣть, замедляла его работу. Нельзя себѣ представить ничего болѣе унизительнаго этихъ первыхъ шаговъ. Онъ открылъ ключъ мудрости, а его заставляли непрестанно претворять быстро добытое золото своего счастья въ свинцовые слитки терпѣнія. Ему, приготовившему носиться въ безграничномъ пространствѣ, приходилось точно червю рыть кривые ходы безъ выхода и направленія. Теперь, когда онъ съ такимъ трудомъ учился любить, ему приходилось убѣждаться, до какой степени вся его любовь до сихъ поръ была небрежной, мелкой, и что ни изъ одной изъ нихъ и не могло выйти ничего путнаго, потому что онъ не работалъ надъ нею и не осуществлялъ ее.

За эти годы въ немъ произошли великія перемѣны. Изъ-за тяжелой работы онъ почти забылъ о Богѣ, забылъ о приближеніи къ Нему и только и надѣялся современемъ добиться у Него «patience de supporter une âme». Случайности судьбы, которыми дорожатъ люди, давно утратили для него всякую цѣну, но теперь даже и та доля радости и горя, что были

неизбѣжны, потеряли пряный привкусъ и стали чистыми и питательными. Изъ корней существа выросло крѣпкое, способное на зимовку растеніе плодотворной радости. Онъ совершенно отдался стремленію овладѣть тѣмъ, что составляло суть его временнаго существованія, онъ не желалъ ничего пропускать, потому что не сомнѣвался, что во всемъ была частица его любви и что эта частица постепенно возростаетъ. Его внутреннее умѣнье управлять собою до того окрѣпло, что онъ рѣшилъ наверстать то, наиважнѣйшее, чего раньше не былъ въ состояніи выполнить, а потому попросту рѣшилъ выжидать. Прежде всего онъ сталъ думать о своемъ дѣтствѣ, и чѣмъ съ большимъ спокойствіемъ подходилъ къ нему, тѣмъ болѣе убѣждался, что онъ его совершенно не использовалъ; всѣ воспоминанія о немъ носили характеръ смутныхъ предчувствій и какъ разъ то, что отошло въ прошлое и дѣлало его почти что будущимъ. Желаніе все пережить сызнова, и на этотъ разъ по настоящему,—вотъ что побудило его вернуться домой. Остался ли онъ дома навсегда, мы не знаемъ; извѣстно лишь, что онъ вернулся.

Разсказывающіе эту исторію всегда въ этомъ мѣстѣ стараются описать намъ, какимъ былъ домъ, потому что для живущихъ въ немъ про-

шло немного времени, немного считаннаго времени; каждый изъ нихъ могъ точно сказать, сколько именно. Собаки состарѣлись, но всѣ были живы. Говорятъ, будто одна изъ нихъ завыла. Весь порядокъ дня нарушился. У оконъ появились лица, одни состарѣвшіяся, другія возмужавшія, лица трогательно похожія другъ на друга. И въ одномъ изъ нихъ, совсѣмъ старенькомъ, внезапно пробилось блѣдное воспоминаніе.—Прощеніе. Прощеніе чего? Любовь, Боже мой! любовь.

Тотъ, кого узнали, уже позабылъ о ней за своими понятіями, не думалъ, что она все еще можетъ существовать. Понятно, что изо всего, что потомъ случилось, до насъ дошло лишь одно—его жестъ, неслыханный и никогда до того невиданный жестъ; жестъ мольбы, съ которой онъ упалъ къ ихъ ногамъ, заклиная ихъ, не любить его. Испуганно и нерѣшительно подняли они его и притянули къ себѣ. Они по-своему объяснили его необузданность и простили ее. Вѣроятно, на него подѣйствовало въ высшей степени освобождающе то, что никто не понялъ его, несмотря на его отчаянную прямоту. Вѣрнѣе всего, что онъ смогъ остаться. Потому что съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе убѣждался, что любовь, которой они такъ гордились, на которую тайкомъ другъ друга подбадривали, относилась не къ

нему. Онъ едва удерживался отъ улыбки, когда они прилагали всѣ усилія проявить ее, и онъ уже не могъ сомнѣваться, что они думаютъ вовсе не о немъ.

Развѣ они знали, каковъ онъ? Любить его было теперь очень трудно и самъ онъ сознавалъ, что на это способенъ лишь Единый, но тотъ пока еще не хотѣлъ.

Конецъ замѣтокъ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО К. Ф. НЕКРАСОВА.

МОСКВА,

Тверская, д. 29, кв. 46. Телефонъ 338—45.

Князь Адамъ Чарторижскій. Мемуары. Т. I. Пер. съ франц. Редакція и вступительная статья А. Кизеветтера. Ц. 2 р. 50 к.

Князь Адамъ Чарторижскій. Мемуары. Т. II. Ц 2 р.

П. Моранъ. Павелъ I до восшествія на престолъ. Пер. съ франц. Н. Ширяевой. Ц. 3 р.

Де Ремюза. Мемуары. Т. I. Редакція и вступит. статья С Ф. Фортунатова Ц. 2 р.

Де Ремюза. Мемуары. Т. II. (печатается).

Шуазель Гуффье. Историческіе мемуары объ императорѣ Александрѣ и его дворѣ. Пер. съ франц. З Мировичъ. Вступительная статья А. Кизеветтера. Ц. 1 р. 50 к.

Л. Круковская. Н. А. Морозовъ. Біографическій очеркъ. Цѣна 40 к.

А. Изгоевъ. П. А. Столыпинъ. Очеркъ жизни и дѣятельности. Ц. 50 к.

В. Брусянинъ. Л. Андреевъ. Жизнь и творчество. Ц. 50 к.

Н. Шаховская. В. Г. Короленко. Опытъ біографической характеристики. Ц 60 к.

Бекфордъ. Ватекъ Арабская сказка. Пер. Бор. Зайцева. Вступительная статья „Бекфордъ, авторъ Ватека" П. Муратова. Цѣна 80 к.

Ф. Кроммелинкъ Ваятель масокъ. Переводъ въ стихахъ К. Бальмонта Ц. 50 к.

Кристоферъ Марло. Трагическая исторія доктора Фауста. Пер. въ стихахъ К. Бальмонта Ц. 80 к.

Ф. М. Клингеръ. Жизнь, дѣянія и гибель Фауста. Пер. съ нѣм. со вступ. статьей и примѣчаніями А. Лютера. Ц. 1 р. 80 к.

Новеллы Итальянскаго Возрожденія. Переводы и характеристики П. Муратова. *Томъ I. Часть I. Новеллисты Треченто:* Новеллино —„Цвѣточки св. Франциска Ассизскаго"—Боккаччіо—Франко Саккетти—Серкамби—Серъ Джованни. *Часть II. Новеллисты Кватроченто.* Новелла о Столярѣ—Св. Бернардинъ Сіенскій—Илличини—Сермини—Мазуччіо—Корнаццано. Цѣна 2 р. 50 к.

Новеллы Итальянскаго Возрожденія *Томъ II. Часть III. Новеллисты Чинквеченто.* Мольца—Банделло—Аньоло Фиренцуола—Граццини—Дони—Фортини—Джиральди—Парабоско—Де Мори—Страпарола—Малеспини—Баргальи. Ц. 2 р. 50 к.

Жераръ де Нерваль. Сильвія. Октавія. Изида. Аврелія. Пер. съ франц. Е. С. Уреніусъ. Редакція и вступительная статья П. Муратова. Цѣна 1 руб.

Гуннаръ Гейбергъ. Собр. соч. Авторизованный переводъ съ норвежскаго Р. Тираспольской Вступительная статья гр. Де ла-Бартъ. Т. I. и II. Цѣна каждаго тома 1 р.

Рихардъ Демель. Собр. соч. Авторизованный переводъ съ дополненіями автора для русскаго изданія. Вступительная статья Ю. Айхенвальда. Т. 1-й. Автобіографія. Спутникъ человѣческій. Трагизмъ и драма. Т. 2-й. Странички жизни. Новеллы. Пер. съ нѣм. Л. Горбуновой. Цѣна каждаго тома 1 р 20 коп.

Г. Жулавскій. Собраніе сочиненій. Т. I. На серебряномъ шарѣ. Ром. Пер А. Зейлигеръ. Цѣна 1 р. 40 к.

Г. Жулавскій Собр. соч. Т. II. Побѣдитель. Ром. Перев. А. Зейлигеръ (печатается)

Ж. К. Гюисмансъ. Собраніе сочиненій. Т. I. Тамъ внизу (Бездна). Перев. Ю. Спасскаго. (Наложенъ арестъ). Цѣна 1 р. 25 коп. Т. 2. Въ пути Цѣна 1 р. 50 к. Т. 3. Парижскіе арабески. Цѣна 1 р.

Е. Милицина. Разсказы. Томъ III. Цѣна 1 р. 25 к.

Н. Русовъ. Озеро. Романъ въ 2-хъ частяхъ Изданіе второе. Цѣна 1 р.

Н. Русовъ. Любовь возвращается. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Русовъ Повѣсти. Цѣна 1 р.

Н Клюевъ Лѣсныя были. Книга 3. Ц. 60 к.

Н Клюевъ. Сосенъ перезвонъ. Изданіе 2-е. Цѣна 60 к.

В. Эльснеръ. Современные нѣмецкіе поэты. Цѣна 1 руб.

Н Дружининъ. Право и личность крестьянина. Ц. 1 р. 20 к.

Церковь Іоанна Предтечи въ Ярославлѣ Объяснительная статья Н. Первухина. Фотографіи И. Лазарева, П. Мосягина и С. Шитова. Рисунокъ обложки С. Малютина. Ц. 16 р.

Аббатъ Жоржель. Путешествіе въ Петербургъ въ царствованіе Императора Павла I. Перев. Н. Соболевскаго. Ц. 1 р. 20 коп.

Просперъ Мериме Избранные разсказы. Пер. съ франц. Е. С. Уреніусъ Редакція и вступительная статья П. Муратова. Цѣна 1 р. 25 к.

С. Ауслендеръ. Послѣдній спутникъ. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Цѣна 1 руб.

Романъ Тристана и Изольды. Въ изложеніи Ж. Бедье. Переводъ Е. С. Уреніусъ. Цѣна 1 руб.